

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

15 (726)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 15 (726)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**EXPERIMENTAL-ANALYTICAL TRENDS
IN MODERN THEORETICAL
AND APPLIED LINGUISTICS**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 15 (726)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

Халеева И. И. (*председатель*)
Нечаев Н. Н. (*заместитель председателя*)

Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Моисеенко Л. В.
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Бурнацева З. К.	Ноздрина Л. А.
Голубина К. В.	Потапова Р. К.
Воронина Г. Б.	Прохоров Ю. Е.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Радченко О. А.
Гусейнова И. А.	Русецкая М. Н.
Дудик Н. А.	Семенова Т. И.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Сорокина Т. С.
Ирисханова К. М.	Сухарев Ю. А.
Ирисханова О. К.	Тарасова А. Н.
Касюк А. Я.	Титкова О. И.
Краева И. А.	Убин И. И.
Красноженова Г. Ф.	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Шулепов Н. А.
Лю Лиминь (КНР)	Форстнер М. (Германия)
Маркес Д. С. (Испания)	
Медведева Т. В.	

Редакционная коллегия Выпуска 15 (726)

д-р филол. наук, проф., академик МАО Р. К. Потапова

(*ответственный редактор*);

д-р филол. наук В. А. Долинский

(*зам. ответственного редактора*);

д-р филол. наук, проф. А. В. Зубов (Минск); д-р филол. наук В. В. Потапов;

д-р филол. наук М. В. Хитина; д-р филол. наук В. А. Собакин;

д-р техн. наук, проф. В. Р. Женило; д-р техн. наук А. А. Харламов;

К. А. Оськина (*ответственный секретарь*)

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Потапова Р. К.</i>	
Пара- и экстравербальные сигналы в эмоционально окрашенной речевой коммуникации	9
<i>Баркович А. А.</i>	
Особенности дискурсивного моделирования компьютерно-опосредованной коммуникации	24
<i>Безбородова М. В.</i>	
Фонетический анализ системы вокализма (на примере британского варианта английского языка)	40
<i>Борисова И. А.</i>	
Параллельная коммуникация в социальных сетях	50
<i>Вяльцева Д. В.</i>	
Особенности развития речи близнецов	57
<i>Горожанина Н. И.</i>	
О возможности составления речевого портрета говорящего на основе перцептивно-слухового анализа (на примере публичного выступления Г. Коля)	67
<i>Гусакова (Елемешина) Ю. А., Курьянова И. В.</i>	
Сегментация речевого высказывания при проведении идентификации иноязычного диктора	75
<i>Долинский В. А.</i>	
Антонимия в когнитивном измерении (болезнь / здоровье)	86
<i>Кузнецов В. Б.</i>	
Что мы измеряем, оценивая значение частоты спектральных максимумов гласного звука?	120
<i>Майснер С.</i>	
Презентационные способности изучающих немецкий язык как иностранный на продвинутом этапе	130
<i>Маслова Н. Е.</i>	
К вопросу о модификациях фразеологизмов в комментариях социальных сетей	138
<i>Медведева Т. В., Безбородова М. В.</i>	
Влияние этнической принадлежности говорящих на британский произносительный стандарт	150

<i>Попова М. В.</i>	
Роль произносительного акцента при определении социальной принадлежности говорящего	160
<i>Потанов В. В.</i>	
Акцентология и ударение в русском языке с позиции концепции Вернера Лефельдта	170

CONTENTS

<i>Potapova R. K.</i> Para- and Extraverbal Signal in The Emotionally Coloured Spoken Language Communication	9
<i>Barkovich A. A.</i> Peculiarities of Discourse Modeling of Computer-Mediated Communication	24
<i>Bezborodova M. V.</i> The Vocalic Analysis Procedure	40
<i>Borisova I. A.</i> Parallel Communication in Social Networks	50
<i>Vyaltseva D. V.</i> Peculiarities of Speech Development for Twins	57
<i>Gorozhanina N. I.</i> The Speaker's Voice Profile Based on the Perceptual Acoustic Analysis (Public Speech Of Helmut Kohl)	67
<i>Gusakova (Elemeshina) Y. A., Kuryanova I. V.</i> Speech Segmentation when Performing Foreign Language Speaker Identification Research	75
<i>Dolinsky V. A.</i> Antonymy in Cognitive Dimension (Sickness / Health)	86
<i>Kouznetsov V. B.</i> What Is Actually Measured if the Frequency of Spectrum Maxima of Vowels Is Estimated?	120
<i>Meißner S.</i> Presentation Abilities Studying German as a Foreign Language at an Advanced Stage	130
<i>Maslova N. E.</i> To the Question on Idiom Modifications in Social Network Comments	138
<i>Medvedeva T. V., Bezborodova M. V.</i> Ethnicity as the Source of Changes within the System of the British Pronunciation Standard	150

<i>Popova M. V.</i>	
The Role of Pronunciation Accent in Defining of the Speaker's Social Status	160
<i>Potapov V. V.</i>	
Russian accentuation and stress in the conception by Werner Lehfeldt	170

УДК 81'23

Р. К. Потапова

доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, директор Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

ПАРА- И ЭКСТРАВЕРБАЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ В ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Статья содержит результаты многолетнего концептуального исследования средств вербалики, паравербалики и экстравербалики. Особое внимание уделено сегментным и супraseгментным детерминантам паравербалики и экстравербалики, соотносящимся с эмоциональным и эмоционально-модальным поведением человека. Рассмотрены модели когнитивной антропологии с позиций культурологии и вербализации эмоций, характеризующихся рядом релевантных коммуникативно-обусловленных признаков. Приведены примеры экспериментальной оценки эмоциональных и эмоционально-модальных состояний испытуемых – носителей различных языков и культур.

Ключевые слова: вербалика; экстравербалика; паравербалика; эмоции; эмоционально-модальное состояние; устная речевая коммуникация; когнитивная антропология.

Potapova R. K.

D. Sc., Professor, Member of the International Academy of Informatization, Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

PARA- UND EXTRAVERBALE SIGNALE IN DER EMOTIONAL GEFÄRBTEN SPRECHSPRACHLICHEN KOMMUNIKATION

This article contains results of a multiyear conceptual research of verbalics, paraverbalics and extraverbalics means. Special attention is paid to segmental and suprasegmental determinants of paraverbalics and extraverbalics which correspond to emotional and emotional-modal human behaviour. Cognitive anthropology models are considered from the point of view of culturology and verbalisation of emotions which are characterized with a set of relevant features, which are determined by the discussion. This article contains

¹The presented study is performed as a part of the project of Russian Science Foundation №14-18-01059. Head of the project – R. K. Potapova.

examples of experimental evaluation of emotional and emotional-modal status of the subjects – native speakers of different languages and cultures.

Key words: verbalics; paraverbalics; extraverbalics; emotions; emotional-modal status; speech communication; cognitive anthropology.

Die menschliche Kommunikation umfaßt sämtliche Medien – hörbare Signale, sichtbare Signale, Berührungs-, Geruchs- und Geschmackssignale – in ihrem Zusammenhang. Bei der strukturierten Verwendung des akustischen Mediums (Sprechen und Hören) steht die gesprochene Sprache an einer der Stufen der Kommunikation [15; 16]. Dabei gibt es keine diskreten Grenzen zwischen Verbalik, Paraverbalik und Extraverbalik [2; 11].

Von großer Bedeutung sind interkulturelle Untersuchungen im Bereich der Para-¹ und Extraverbalik in Bezug auf Segmentalia und Suprasegmentalia. Man könnte die paraverbale Kommunikation als ein kodiertes Inventar der Handlungsakte betrachten, die nicht verbale (sowohl akustische mit Hilfe der Stimme, als auch visuelle ohne Stimme) Besonderheiten des Benehmens der Kommunikationspartner einschließen [8]. Die Wahl und Bedeutung dieser Akte hängen von den kulturellen Faktoren der Extraverbalik ab.

Paraverbale hörbare Komponenten schließen eigenartige Artikulations- und Phonationscharakteristiken ein. Dabei können sie als selbständiges unabhängiges Sprechphänomen und als abhängiges Fragment der verbalen Äußerung existieren. Diese zwei Grundformen der hörbaren Parasignale sind verschieden für verschiedene Völker und Kulturen: z.B. velare, alveolare und dentale Knacklaute im Englischen bedeuten Ungeduld, Interesse, Mitgefühl; interdentale Knacklaute im Russischen bedeuten Tadelgefühl, Ärger, Verdruß. Dazu gehören auch verschiedene Ersatzsignale wie z.B. für „yes“ im Englischen (z.B. yup, yeah, mm, mmhmm, uh-huh usw.), im Russischen (z.B. uhu, mhm).

Bei der Manifestation der paraverbalen Äußerung in der abhängigen Form beobachtet man die Koexistenz der verbalen und nicht verbalen Merkmale (z.B. das Flüstern, das Kiechern) [8]:

- Das Flüstern dient in manchen Kulturen und Sprachen dazu, um dem Gesagten einen verschwörerischen Unterton zu verleihen.

¹Paraverbalik – die menschliche Stimme kennzeichnende Merkmale; begleitet sprachliches Handeln; Stimmqualität; Phonation (Flüstern, Hauchen; Sprechausdruck); Artikulation.

- Ein heiserer oder belegter Ton signalisiert in vielen Kulturen und Sprachen tiefempfundene Gefühle oder sexuelles Begehren, im Japanischen aber Respekt oder Unterwürtigkeit.
- Ein knarrender oder rauher Tonfall hat im Englischen und im Russischen etwas Herabsetzendes.
- Im Deutschen gibt es keine Entsprechung zur stark nasalisierten Stimmfärbung, mit der im Russischen, Portugiesischen eine Vielzahl emotionaler Nuancen (z.B. Liebe, Vergnügen) ausgedrückt wird.
- Der Gebrauch der Falsett-phonation wird durch eine Reihe von konnotativen paralinguistischen Bedeutungen in verschiedenen Kulturen gekennzeichnet, z.B.: in Tzeltal – in einer der Sprachen von Maya in Mexico drückt die Falsett-stimme beim Sprechen den höchsten Grad der Hochachtung.

Für Engländer männlichen Geschlechts bedeutet das in der Kommunikation die Minderwertigkeit. Man schätzt den Empfänger (den Adressaten) mit Hilfe solch einer Stimme als weibliche hilflose Person ein.

Die Paraverbalik spielt eine große Rolle im Bereich der Emotionen und Modalität [1–4; 12; 13]. Die multidisziplinäre Erforschung der Emotionen, die sich bereits abzuzeichnen beginnt, geht mit der Entwicklung des biopsychosozialen Paradigmas. Bei diesem handelt es sich noch nicht um ein Paradigma, das Reife- und Dominanzkriterien erfüllt, sondern bislang eher um eine veränderte Perspektive oder um eine Akzentverschiebung in der Forschung.

Die Emotionen werden in funktionaler Beziehung gesehen:

- zu biologischen Systemen (Nerven-, Hormon- und Immunsystem),
- zu psychischen Prozessen (Kognition, Motivation),
- zu sozialen Strukturen (Kommunikationssysteme, historische und sozialepidemiologische Verbreitung) und
- zu kulturellen Symbolsystemen.

Die Erforschung der Emotionen auf der Basis multidisziplinärer Orientierung ist nicht nur erkenntnistheoretisch wert, sondern auch pragmatisch sinnvoll insbesondere für das sprechsprachliche Benehmen Kommunikanten in Internet. Die Multidisziplinarität führt zu gegenseitiger Anregung und Befruchtung in Bezug auf alle Gebiete der Wissenschaft. Emotionen können zu adäquater Situationseinschätzung

und passendem Verhalten rascher führen und motivieren, als dies emotionsfrei.

Die Emotionen ermöglichen die Kommunikation selbst. Gesten und emotional gefärbte Prosodie vermögen im Adressanten Emotionen zu evozieren, die ihn oder sie entweder zu bestimmten Handlungen veranlassen oder dazu bringen, Handlungen zu unterlassen, das heißt, Gefühlszustände, Situationsdefinitionen oder Absichten müssen nicht nur verbal kommuniziert werden, sondern auch können unmittelbar über den Austausch von Zeichen (Gesten), die bestimmte Emotionen repräsentieren, kommuniziert werden.

Emotionen sind ein Teil dessen, was in der **kognitiven Anthropologie** als **kulturelle Modelle** bezeichnet wird [17]. Unter einem kulturellen Modell versteht die kognitive Anthropologie in Anlehnung an die kognitive Psychologie ein intersubjektiv geteiltes Wissen, das aus einer überschaubaren Anzahl von Begriffen und deren Verbindungen besteht. Dieses Wissen ist in Schemata organisiert, z.B. in Skripts und Szenen und stellt „commonsense“ dar.

Kulturelle Modelle sind Selektionen aus dem Inventar möglicher Zeichenkombinationen und werden durch Metaphern und Metonymien verdichtet. So halten dann die bereits in der natürlichen Sprache verwendeten Begriffe für Emotionen prototypische Ereignisfolgen für die „Inszenierung“ der Emotionen bereit.

Die Kompaktheit kultureller Modelle, ihre zumindest zeitweise Kristallisation und prototypische Übersteigerung machen sie dann allerdings auch anfällig für Tendenzen zur rituellen Erstarrung und ideologischen Überhöhung. Durch verschiedene „Mechanismen“ kultureller Überlieferung (Nachahmung, Lernen) sind solche Modelle relativ persistent, was jedoch länger-fristige Variationen, aber auch plötzliche Veränderungen nicht ausschließt insbesondere unter sozialökologisch veränderten Rahmenbedingungen.

Kulturelle Modelle stellen intersubjektiv geteiltes Wissen dar, wenn:

- erstens, jedes Mitglied der Kultur das Schema kennt;
- zweitens, jeder weiß, daß jeder das Schema kennt; und
- drittens jeder weiß, daß jeder weiß, daß jeder das Schema kennt.

Möglicherweise ist aber diese dreifache Voraussetzung für das Funktionieren von Schemata nicht unbedingt erforderlich. Bei normalem Funktionieren der Schemata verhalten sich Menschen

vielmehr so, **als ob** diese Voraussetzungen Gültigkeit hätten, ohne daß dies notwendigerweise der Fall sein muß. Tatsächlich werden diese Voraussetzungen wohl nur in Krisensituationen zum Problem; sie werden thematisiert, wenn sich herausstellt, daß ein kulturelles Modell eben nicht selbstverständlich von jedermann in der gleichen Weise geteilt wird [17].

Als ein kulturelles Modell wurde das „folk model of the mind“ behandelt [5]. Unter „folk model“ versteht man kulturelle Modelle, die eine führende Rolle im Alltagsverständnis spielen. Wie jedes kulturelle Modell weist auch das „folk model of the mind“ zahlreiche Verknüpfungen mit anderen kognitiven Bestandteilen der Kultur auf.

Das „folk model of the mind“ impliziert **vor allem kulturtypische Vorstellungen über Emotionen**. Bestandteile des „folk model of the mind“ sind:

- Wahrnehmungen,
- Glaubens- und Wissensbestände,
- Emotionen,
- Begierden und Wünsche,
- Intentionen,
- Entschlüsse, Willenssetzungen,
- Formen der Selbstkontrolle.

Diese Komponenten können sowohl als Zustände wie auch als Prozesse verstanden werden. In verschiedenen „folk models of the mind“ werden die Relationen zwischen den Komponenten in bestimmter Weise konzipiert. In „westlichen“ Kulturen anders als z.B. in süd pazifischen Inselkulturen.

Die im Rahmen des Modells „folk model of the mind“ getroffenen Annahmen über das „Wesen“ der Emotionen vermitteln ein ambivalentes Bild der Emotionen. Zum einen werden Emotionen vorgestellt als etwas, das von externen **Ereignissen** verursacht oder hervorgerufen wird; andererseits werden Emotionen oft auch als **interne Ereignisse** verstanden, die von der Person selbst – womöglich durch Bewertungen und Urteilskraft – hervorgerufen werden. Ein weiteres Charakteristikum von Emotionen im Bezugsrahmen des westlichen „folk model of the mind“ ist darin zu sehen, daß Emotionen nicht notwendigerweise auf Objekte gerichtet zu sein brauchen.

Eine besonders wichtige Rolle in kulturellen Modellen von Emotionen, aber auch in wissenschaftlichen Emotionskonzepten und

-theorien, spielen die Beziehungen **zwischen Emotionen** und dem **Selbst**. Das Selbst erlebt Emotionen passiv. Es wird von den Emotionen bedroht und überwältigt. „Obwohl auch das Selbst ein kultureller Begriff, ein soziales Konstrukt ist und statt als Substanz besser als Schatten grammatikalischer Modelle aufzufassen sein mag, wird das Selbst dennoch auch verantwortlich gemacht für Intentionen und Handlungen. Die Emotionen hingegen entziehen sich nach dem „folk model of the mind“ weitgehend der Kontrolle durch das Selbst; für das Gefühlsleben kann das Selbst nicht zur Rechenschaft gezogen werden, es ist nicht verantwortlich für die Emotionen“ [5, p. 119].

Eine geradezu klassische Annahme in der Emotionsforschung wie im „folk model of the mind“ bezieht sich auf den Zusammenhang von Emotionen, viszeralen Wahrnehmungen und viszeralen Reaktionen. D'Andrade [5, p. 123] hebt hervor, daß von Gefühlen angenommen wird, daß sie gegen den Willen des Subjekts viszerale Reaktionen hervorrufen. Allerdings ist auch die umgekehrte kausale Attribution -Emotionen als Wirkung von viszeraler Wahrnehmung - denkbar und in der psychologischen Forschung untersucht worden. Wissenschaftlich überzeugender scheint es jedoch, statt von einseitigen Kausalbeziehungen von Rückkopplungsprozessen auszugehen, die zwischen Gefühlsausdruck, Wahrnehmung von Emotionen und körperlichen Veränderungen erfolgen, und zwar sowohl auf der Ebene der Selbstwahrnehmung als auch auf der der Fremdwahrnehmung.

D'Andrade vergleicht das westliche kulturelle Modell mit dem Modell der **Ifaluk**, einer kleinen Südseeinselkultur, die in der Kulturanthropologie zu einiger Prominenz gelangt ist. Bei den Ifaluk werden Begriffe für Emotionen situationsspezifisch und damit flexibel definiert und angewandt. Die Ifaluk kennen nicht die dichotomische Trennung von Affekt und Kognition. Das Wissen, das die Ifaluk von Emotionen haben, bezieht sich auf Ereignisse und Situationen, weniger auf innere physiologische Zustände, ist also in starkem Maße abhängig von kulturell verfügbaren Szenen und Skripts, nach denen solche Ereignisse und Situationen strukturiert sind. Mit hoher Wahrscheinlichkeit ziehen bestimmte Emotionen bestimmte Handlungen nach sich. Z.B. führt eine als berechtigt angesehene Wut erwartungsgemäß und legitimerweise zu unhöflichem Sprechen oder zur Verweigerung der Nahrungsaufnahme; umgekehrt werden solche Handlungen als Anzeichen für bestimmte Emotionen angesehen.

Die Abhängigkeit emotionaler Erfahrung von kulturellen Modellen impliziert, daß Emotionen bzw. ihr Ausdruck von impliziten Regeln geleitet werden. Zu den zentralen Bestandteilen kultureller Modelle gehören auch Vorstellungen über Gesundheit und Schädlichkeit oder Krankhaftigkeit von Emotionen und über die Angemessenheit des Austausches von Emotionen. Diese kulturellen Konnotationen von Emotionen werden im folgenden näher betrachtet.

Ethnologische und kulturanthropologische Studien bieten eine Fülle von Anschauungsmaterial über Funktion und Bedeutung von Emotionen in unterschiedlichen Kulturen. Die Unterschiede zwischen den einzelnen Emotionen hinsichtlich der mit ihnen korrelierenden **nonverbalen Reaktionen** scheinen weitgehend unabhängig von kulturellen Einflüssen. Gleichwohl ergeben sich graduelle Unterschiede zwischen den Kulturen im Hinblick auf die **Menge** berichteter nonverbaler Reaktionen. Während auf der einen Seite Belgier und Franzosen die meisten nonverbalen Reaktionen pro Emotion berichten, schildern Israeli, Italiener und Spanier am wenigsten nonverbale Reaktionen im Zusammenhang mit ihren emotionalen Erfahrungen.

Interkulturelle Unterschiede sind auch im Hinblick auf die **Verbalisierung von Emotionen** festzustellen. Unterschiedliche Grade der Verbalisierung sind dokumentiert sowohl was die verschiedenen Emotionen betrifft, als auch bezogen auf jeweils Emotionen in unterschiedlichen Kulturen. Formen der Verbalisierung (diskursive Erörterungen und Reflexionen über emotionale Erlebnisse) sind während des emotionalen Erlebens verschieden. Wenn man den von den Befragten selbst gelieferten Schilderungen ihrer Reaktionen auf emotionale Erlebnisse vertraut, ergibt sich, daß die britischen und deutschen Probanden dazu neigen, emotionale Erlebnisse zu verbalisieren, während sich Israelis und Spanier in emotionalen Situationen der Verbalisierung eher enthalten. Die Deutschen häufiger als alle anderen Probanden berichten Verbalisierung von Freude und Traurigkeit. Die Franzosen hingegen sind Spitzenreiter bei der Verbalisierung von Furcht und Ärger/Wut.

Im Rahmen des biopsychosozialen Paradigmas könnte die Soziologie der Emotionen folgende Fragen theoretisch und empirisch klären helfen:

1. Welche Emotionen treten unter welchen gesellschaftlichen Bedingungen mit welcher Wahrscheinlichkeit auf?

2. Läßt sich zeigen, welche Emotionen an bestimmte soziale Episoden, Szenen, Skripts und Dramen gebunden sind?

3. Auf welchen Ebenen biopsychosozialer Prozesse sind etwaige geschlechtsspezifische Unterschiede in Erleben und Ausdruck von Emotionen feststellbar? Ergeben sich für Teilpopulationen (z.B. Kleingruppen, Schichten, ethnische Gruppen) spezifische emotionale Lagerungen oder Profile?

4. Läßt sich zeigen, daß bestimmte Emotionen unter bestimmten Bedingungen „epidemisch“ auftreten? Nach welchen Diffusionsgesetzen verbreiten sich Emotionen? Sind in diesen „Epidemien“ bestimmte Rhythmen zu erkennen?

5. Fügt sich die Verteilung von Emotionen in einem sozialen System zu einem „**emotionalen Klima**“ mit einer feststellbaren Persistenz? Wie verändern sich emotionale Klimata?

6. Können Kriterien für optimale Werte emotionaler Klimata angegeben werden, die sozusagen optimale Zonen sowie kritische Gefahrenzonen von Verhalten und Erleben markieren, und zwar auf individueller wie auf kollektiver Ebene?

Da ein Großteil der Emotionsforschung von Biologen, Medizinern, und Psychologen geleistet wird, ist es nicht erstaunlich, daß in dieser Forschung eine naturwissenschaftliche Orientierung vorherrscht. Angesichts der Forschungsinteressen der Kulturanthropologen, Historiker, Soziologen und Linguisten mag das zunächst zu einigen Verständigungsschwierigkeiten führen. Nun zeigt sich aber gerade am Forschungsgegenstand Emotionen, daß die Untersuchung menschlichen Verhaltens und Erlebens sowohl in naturwissenschaftlicher als auch in kultur- und sozialwissenschaftlicher Perspektive sinnvoll betrieben werden kann.

Ein Projekt empirischer Emotionsforschung stellt die internationale Untersuchung emotionaler Erfahrung dar, die von Scherer, Wallbott & Summerfield [14] durchgeführt wurde und in weiteren Arbeiten ihre Fortsetzung gefunden hat [9; 14; 18 u.a.]. Die Untersuchung von Scherer et al. [14] versucht, durch Befragung von Studenten in Belgien, der Bundesrepublik Deutschland, Frankreich, Großbritannien, Israel, Italien, Spanien und der Schweiz der Frage nachzugehen, ob und inwieweit sich in emotionalen Erfahrungen kulturelle Unterschiede feststellen lassen. Das verwendete Erhebungsinstrument ist die schriftliche Befragung (offene Fragen), mit deren Hilfe die Befragten Primäremotionen (Freude,

Furcht / Angst, Ärger / Wut, Trauer / Kummer) und die für sie typischen Situationen und Reaktionen beschreiben sollen. Die Beschreibungen der Situationen und der emotionalen Erfahrungen werden dann mit Hilfe eines vom Forscherteam entwickelten Codierungsschemas ausgewertet. Im einzelnen soll die Untersuchung folgende Aspekte der emotionalen Erfahrung ermitteln:

- Antezedenzen,
- physiologische Reaktionsmuster,
- nonverbale Reaktionen,
- Verbalisierung,
- Wirkung sozialer und nichtsozialer Faktoren beim Zustandekommen des emotionalen Erlebnisses.

Setzt man äußere nonverbale¹ Reaktionen und innere physiologische Reaktionen in Relation zueinander und bezeichnet man Menschen, die vorzugsweise nonverbale Reaktionen zeigen, als Externalisierer und Menschen, die mehr physiologisch reagieren, als Internalisierer, dann lassen sich Unterschiede sowohl zwischen Männern und Frauen als auch zwischen Kulturen feststellen. Für die untersuchten Emotionen insgesamt stellen Wallbott et al [18, p. 110] fest, daß Frauen nonverbale Reaktionen doppelt so häufig schildern wie physiologische Reaktionen. Männer hingegen „externalisieren“ etwas weniger häufig.

Im interkulturellen Vergleich erscheinen Israelis und Spanier als starke Externalisierer; ebenfalls zu den Externalisierern gehören Franzosen und, etwas weniger ausgeprägt, Briten, Belgier, Schweizer

¹Nonverbale Kommunikation (Lexikon Sprache/Digitale Bibliothek Band 34: Metzler Lexikon Sprache) [10]: alle Arten von Signalen, die in Kommunikation anstelle von/zusätzlich zu Sprache vermittelt und/oder rezipiert werden; i.e. S. In Kommunikation verwendete Körpersprache; i.w. S. auch Signale wie Parfüm, Kleidung usw.; Klassifizierung funktional oder kanalorientiert.

Multikanalssystem – *motorisch*: Mimik, Gestik, Augenkommunikation, Körperbewegung und -haltung (Kinetik); *physiochemisch*: Geruch, Tastsinn, Wärmeempf.; *ökologisch*: Territorialverhalten, interspers. Distanz, persönl. Aufmachung von Personen (Objektkommunikation).

Verbale Kommunikation: Absichten unterstellt; *nonverbale Kommunikation*: unbewusst, automatisiert; dient als Ausdruck von Gefühlen; ling. Interessant als Ergänzung zum Verbalen; dient als Ersetzung oder Ergänzung der sprechsprachlichen Zeichen, Gliederung der Rede, Aufforderung zu Aktionen, Gesprächsorganisation.

und Deutsche. Völlig entgegen stereotypen Erwartungen finden sich Italiener als Internalisierer eingestuft [18, p. 109]. Interessante Resultate ergeben sich, wenn man die berichteten Versuche der **Kontrolle über den nonverbalen Ausdruck von Emotionen** interkulturell vergleicht. Allgemein gilt, daß der Ausdruck „negativer“ Emotionen stärker kontrolliert wird als der von Freude. Geschlechtsspezifische Unterschiede ergeben sich lediglich im Hinblick auf Furcht. Frauen berichten hier weniger Kontrollversuche als Männer. Unterschiede sind zwischen den Kulturen festzustellen. Franzosen und Belgier sowie Briten berichten generell die meisten Kontrollversuche, während von den deutschen Probanden relativ wenige Kontrollversuche für Freude und Traurigkeit berichtet werden [18, p. 112].

Als allgemeines Fazit läßt sich festhalten:

1. Emotionen erregen Prozesse des autonomen Nervensystems und des endokrinen Systems.

2. Emotionen ermöglichen eine größere Verhaltensflexibilität. Gerade auch insofern Emotionen unberechenbar sind, erlauben sie in scheinbar verfahrenen Situationen, in denen ein Problem oder ein Ausweg gesucht wird, rasches und intuitives Umschalten auf eine andere Problemlösungs- oder Verhaltensebene.

3. Emotionen können zu adäquater Situationseinschätzung und passendem Verhalten rascher führen und motivieren, als dies emotionsfrei, aber langsam arbeitende kognitive Prozesse vermögen.

4. Emotionen ermöglichen Kommunikation.

5. Emotionen fordern soziale Bindung.

6. Ganz allgemein sind Emotionen Verstärker für Verhaltensweisen, insofern Verhaltensweisen, die als angenehm empfunden werden, einen höheren Überlebenswert haben dürften als solche, die mit unangenehmen Empfindungen verbunden sind.

7. Emotionen werden durch verbale und nicht verbale (z.B. prosodische) Indikatoren gekennzeichnet.

8. Emotionen werden in zwei Hauptgruppen eingeteilt: in Primäremotionen (z.B. Angst, Wut, Freude, Trauer) und in Sekundäremotionen (z.B. Vergnügen, Arroganz, Gutmütigkeit).

9. Primäremotionen gehören zu Universalien des menschlichen Benehmens, interkulturelle Hauptunterschiede sind in größerem Maße den Sekundäremotionen eigen.

10. Das Gesetz der Kategorialität der Wahrnehmung der Emotionen hängt von einer Reihe von Faktoren ab.

Jede Kulturgemeinschaft unterscheidet sich von den anderen in ihrem Subsystem der nichtverbalen Kommunikation. Als Beispiel könnte man das Nicken und das Kopfschütteln erwähnen. Das Nicken zur Bejahung und das Kopfschütteln zur Verneinung gebrauchen alle Westeuropäer, Amerikaner und auch die Russen. Die Griechen und die Süditaliener (d.h. die Neapolitaner und die Sizilier) senken den Kopf zur Bejahung und heben ihr zur Verneinung. Man braucht nicht den ganzen Kopf zu bewegen. Zur Bejahung senkt man manchmal nur die Augenbrauen, die Augenlider oder die untere Lippe [7]. Dem Griechen muß die deutsche oder russische Bejahungsgeste zur gleichen Zeit „ja“ und „nein“ sagen.

In deutschsprachigen Ländern ist das Küssen und die Umarmung intimer als in romanischen und slavischen Ländern. Die Küsse können in diesen Ländern in der fatischen Funktion auftreten (z.B. dreimalige Küsse bei den Orthodoxen).

Das Herausstrecken der Zunge wird überall in Europa als Hohngeste verwendet. In Tibet aber gebraucht man diese Geste zum Gruß. In Mexico und Indien ist die heraushängende Zunge ein Symbol der Weisheit.

Watson untersuchte das proxemische Verhalten von Menschen aus aller Welt und stellte fest, daß sich Deutsche, Engländer, Schotten, Holländer und Norweger, also Menschen aus germanischen Ländern, sich einheitlich von den Südeuropäer, d.h. den Lateinern unterschieden [20]. In einer Konversation saßen die Südeuropäer einander näher, sahen einander direkter und länger ins Auge und berührten einander mehr. Die Araber näherten sich einander noch mehr als die Lateiner, während die Asiaten sich auf ähnliche Weise benahmen wie die Nordeuropäer. Die Zahl der Berührungen sind auch von großer Bedeutung. Es gibt spezielle Untersuchungen in Bezug auf Lateinamerikaner, Araber, Nordeuropäer und Inder. Z.B. die Zahl der Berührungen pro Stunde bei Nordeuropäer beträgt 110, Lateinamerikaner – 180, Inder – keine Berührungen [6].

Die Kinesik und die Proxemik sind auch ethnisch und kulturell bedingt. Darum kann man behaupten, daß es auch in diesem Fall das Funktionieren der psychomotorischen und perzeptorischen Kategorialität gibt. Diese Subsysteme des Makrosystems „Semiotik“ spielen bei jeder Interaktion eine wichtige Rolle. In der Kommunikation werden alle Bewegungen, Haltungen und Stellungen, die ganze Mimik und Gestik, emotionale und modale Färbung der Äußerungen bewußt

oder unbewußt zusammen mit den Worten des Kommunikationspartners bewertet. Und wenn man dieses Zeichensystem nicht beherrscht, so hat man als Folge der Kommunikation entweder Mißverständnis oder sodar Unverständnis.

Die extraverbale Substanz schließt nicht verbale Komponenten, (z.B. ethnische Kultur des Benehmens, Schnitt und Farbe der Kleidung, sexolektale Kultur des Benehmens usw). Die Farbe der Kleidung wird berücksichtigt, wenn man einen größeren positiven Effekt, eine größere Wirkung als Folge der Kommunikation haben möchte.

Paraverbale Phänomene schließen nicht nur die emotionale Sphäre der Kommunikation, sondern auch die Sphäre der Modalität. Als Beispiel zur Kategorialität der Wahrnehmung der Modalität im Deutschen und Russischen werden konnotative Merkmale der Imperativshandlungen angeführt. Die Hauptmerkmale werden durch folgende prosodische Charakteristiken ausgedrückt: Melodie, Lautheit, Tempo, Pausierung, Akzentuierung. Es wurden folgende Imperativabstufungen perzeptorisch untersucht: Befehl, Anforderung, Bitte, Bedrohung, Flehen. An der Untersuchung beteiligten sich deutsche und russische Muttersprachler. Die russischen Muttersprachler hatten deutsche Stimuli einzuschätzen, die deutschen Muttersprachler – russische Stimuli. Es gelang folgendes festzustellen:

- „Bitte“ wurde durch größere Zahl der perzeptorischen Divergenzen gekennzeichnet;
- „Bitte“ im Russischen wurde durch deutsche Probanden mit folgenden konnotativen Schattierungen eingeschätzt: Entschuldigung, Signal zur Aufmerksamkeit;

„Bitte“ im Deutschen wurde durch russische Probanden folgenderweise identifiziert: Anforderung, einen größeren psychologischen Druck.

Dabei werden prosodische Merkmale verschiedenartig als relevant und redundant eingeschätzt. Für die russischen Probanden traten z.B. die Pausierung und Tempo in der Darstellung von Befehl, Bitte, Flehen, Anforderung, Bedrohung als relevantes Merkmal auf, für die deutschen Probanden – als redundantes Merkmal. Ganz anders werden Lautstärke und Akzentuierung eingeschätzt. Für die russischen Probanden traten diese Merkmale als redundant auf, für die deutschen Probanden – als relevant. Alle Melodieparameter waren für beide Gruppen der Probanden relevant.

Aus dem Obengesagten ergibt sich, daß man die Konnotation als die Summe der subjektiv bewertenden Komponenten des Sprechens betrachten könnte, die jede Äußerung begleiten und von der Modalität des Sprechers und Hörers im Akt der Kommunikation abhängen [1].

Es gibt die Ergebnisse unserer Untersuchung in Bezug auf die Beurteilung der Emotionen durch russische und deutsche Probanden. Es wurden deutsche Stimuli-Sätze den Muttersprachlern und Nicht-Muttersprachlern paarweise vorgeführt. Diese Sätze wurden durch Sprecher emotionalgefärbt verschiedenartig ausgesprochen: mit Freude, Trauer, Angst, Zorn, Erstaunen, Ärger usw. Die meisten Meinungsverschiedenheiten gab es für die Identifizierung des Zustandes "Freude". Die Deutschen identifizierten diesen Zustand hundertprozentig richtig. Die Russen beurteilten dieselben Stimuli nicht als Freude, sondern als Schrecken oder Schrecken mit der Schattierung "Erstaunen". Die größte Divergenz für deutsche und russische Probanden beobachtete man für die Identifizierung des Zustandes "Freude". Was andere Emotionen anbetrifft (z.B. Trauer, Angst, Zorn usw.), so könnte man schließen, daß für die perzeptorische Identifizierungsergebnisse die mehrstufige Konvergenz typisch war.

Es gibt auch Untersuchungen, die dem Vergleich des verbalen und nicht verbalen kommunikativen Benehmens der Engländer und Amerikaner gewidmet sind. Es wurde festgestellt, daß es große Unterschiede in Bezug auf prosodische Charakteristiken und nicht verbale Merkmale zwischen zwei Gruppen der Probanden gibt. Im Allgemeinen könnte man behaupten, daß für die Engländer die Prosodie (Pausen, delimitative Charakteristiken, emphatische Betonungen, kontrastive Intervalle des Grundtones u.a.) eine größere Rolle spielt, als die nicht verbalen Mittel der Kommunikation (Gestik, Mimik). Für die Amerikaner sehen die Ergebnisse ganz anders aus: dominierende Rolle der nicht verbalen Mittel der Kommunikation. Die Prosodie tritt als ein nicht markiertes Merkmal der Kommunikation auf. Dabei wird das verbale kommunikative Benehmen durch die kategorische Modalität und den größeren Grad der Aggressivität gekennzeichnet.

Die menschliche Kommunikation könnte man als Makrosystem der verschiedenen Zeichen betrachten, was zum Bereich der Semiotik gehört. Das semiotische Makrosystem schließt eine Reihe von Zeichen – oder Signalfeldern (Subsystemen) ein. Dazu gehört auch nicht verbale Kommunikation bzw. Kinesik (Mimik, Gestik), Proxemik, die auch durch die Kategorialität der Perzeption gekennzeichnet wird.

Unter der Kommunikationswirkung könnte man das Resultat der vom Perzipienten durchgeführten Verarbeitung aller Signale verstehen, die im Akt der Kommunikation von einem Adressanten ausgehen. Die Dekodierung wird durch die mehrdimensionelle Verarbeitung gekennzeichnet. Dazu gehören verbale und nicht verbale Subsysteme der Kommunikation, die durch die Kategorialität der Wahrnehmung charakterisiert werden. Und die nicht verbalen Kommunikationsmittel sind den verbalen keineswegs sekundärer Natur, denn sie können in bestimmten Situationen an Stelle von verbalen verwendet werden, so daß eine nicht verbale Kommunikation zustande kommt [15]. Und wenn es sich um das Problem der Wirkung und Verstehen in Bezug auf fremdsprachliche Kommunikation handelt, so spielt der Faktor der Kategorialität der Wahrnehmung eine besonders große Rolle.

Die Aufgabe der Untersuchungen besteht vor allem darin, die Grenzen der verbalen Kommunikation auszubreiten, para- und extraverbale Mittel der Kodierung und Dekodierung der Zeichensubsysteme zu analysieren, interkulturelle Information in größerem Maße auszunützen, was für die Interpretation des sprechsprachlichen Benehmens der Kommunikanten in Internet von großer Bedeutung wäre.

Dabei spielen eine große Rolle die Untersuchungen im Bereich der Analyse der Besonderheiten der Kategorialität der Wahrnehmung der gesprochenen Sprache in Bezug auf verbale, para- und extraverbale (bzw. kulturologische) Ebenen der menschlichen Kommunikation, die als variable Phänomene in der Sprechfähigkeit auftreten. Der Prozeß des Verstehens könnte man folgendermaße vorstellen:

- Verstehen als Struktur der Sachzusammenhänge;
- Verstehen als Intentions- und Handlungswesen;
- Einwirkungseffekte und als Folge kommunikative Handlungen der Persönlichkeit.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1997. – 69 с.
2. *Потапова Р. К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – 4-е изд., доп. – М.: Либроком, 2010. – 600 с.
3. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
4. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с.

5. *D'Andrade R. G.* A folk model of the mind // Cultural models in language and thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 112–148.
6. *Jourard S. M.* An exploratory study of body accessibility // British Journal of Social and Clinical Psychology. – 1963. – # 5. – P. 221–231.
7. *Kirch M. S.* Deutsche Gebärdensprache. – 2. Aufl. – Hamburg: H. Buske Verlag, 1995. – 135 S.
8. *Laver J.* The phonetic description of paralinguistic phenomena // Proc. of the XIII Intern. Congress of Phonetic Sciences. – Stockholm, 1995. – P. 1–4.
9. *Matsumoto D., Tsutomu K., Scherer K. R., Wallbott H.* Antecedents of reactions to emotions in the United States and Japan // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1988. – 19 (3). – P. 272–283.
10. Metzler Lexikon Sprache / Glück H. (Hrsg.). – Stuttgart–Weimar : Verlag J. B. Metzler, 1993. – 711 S.
11. *Potapova R. K.* Interkulturelle Aspekte der Para- und Extralinguistik // Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. – S. 29-42.
12. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechfähigkeit. Rußland und Deutschland im Vergleich. – Köln–Weimar–Wien : Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
13. *Potapova R. K., Potapov V. V.* The mechanisms of Russian-German speech communication and code-switching // Междисциплинарный подход в теоретической и прикладной лингвистике. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13(673). Сер. Языкознание). – С. 9–18.
14. *Scherer K. R., Wallbott H., Summerfield A.* (Eds). Experiencing emotion. A cross-cultural study. – Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1986. – 250 p.
15. *Stock E.* Phonetische und rhetorische Determinanten der Wirkung gesprochener Sprache // Hallesche Studien zur Wirkung von Sprache und Literatur. – Halle. – Bd. 10, 1985. – S. 35–52.
16. *Stock E.* Text und Intonation // Sprachwissenschaft. – 21 (2). – 1996. – S. 211–240.
17. *Vester H.-G.* Emotion, Gesellschaft und Kultur. – Opladen : Leske & Budrich, 1991. – 286 S.
18. *Wallbott H., Matsumoto D., Tsutomu K.* Emotional experience in cultural context: a comparison between Europe, Japan, and the United States // Emotions. – 1988. – P. 95–125.
19. *Wallbott H., Scherer K. R.* How universal and specific is emotional experience? Evidence from 27 countries and five continents // Emotions. – 1988. – P. 31–56.
20. *Watson O. M.* Proxemic behavior: a cross-cultural study. – The Hague: Mouton, 1970. – 394 p.

УДК 81'33

А. А. Баркович

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики БГУ, Республика Беларусь; e-mail: albark@tut.by

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дискурсивное моделирование – принципиальный этап категоризации семантической структуры текстов компьютерно-опосредованного дискурса. Без понимания контекстных предпосылок и прогнозирования развития коммуникационных ситуаций интерпретация речевой практики не имеет смысла. Создание метаязыковых описаний ситуации по стандартизированным параметрам – моделирование дискурса – позволяет выявлять специфические и типичные особенности коммуникации, создавать частные и обобщенные описания ситуаций, различать референтные языковые отношения и оценивать потенциал развития среды. Дискурс отражает референтную для моделирования речевую деятельность, на текстовой базе его денотата могут быть представлены как отдельные модели, такие как контекстная, семантическая, оппозиционная, так и одна дискурсивная гипермодель. Выявление и обработка дискурсивных моделей – продуктивный путь реализации потенциала компьютерной презентации коммуникации, речевой практики, дискурса.

Ключевые слова: дискурс; компьютерно-опосредованная коммуникация; компьютерно-опосредованный дискурс; модель; дискурсивная гипермодель.

Barkovich A. A.

Candidate of Philology (Ph. D.), Associate Professor, Department of Applied Linguistics, Belarusian State University; e-mail: albark@tut.by

PECULIARITIES OF DISCOURSE MODELING OF COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION

Discourse modeling is an essential stage of the categorization of semantic structures of texts in computer-mediated discourse. Without understanding the contextual assumptions and prediction of the development of communicatory situations, the interpretation of speech practice does not make sense. The creation of metalinguistic descriptions of the situation on standardized parameters – discourse modeling – allows to identify the specific and typical features of communication, to create private and generalized descriptions of situations, to distinguish referent language relationships and to evaluate the development potential of the medium. The discourse reflects speech activity referent for modeling, on the text basis of its denotation separated models, such as contextual, semantic, oppositional, as well as one discursive hypermodel

can be represented. Discursive models revelation and processing is a productive way in implementation of the potential of computer presentation of communication, speech practice, discourse.

Key words: discourse; computer-mediated communication; computer-mediated discourse; model; discursive hypermodel.

Составляющие семантического поля дискурса обладают признаками структурности и возобновляемости – они повторяются, модифицируются и систематизируются в языковом мире коммуникантов. Такая специфика содержания коммуникации позволяет выявить и обобщить практику их использования. Информация – квинтэссенция семантики, семантики дифференциальной и оппозициональной. В среде компьютерно-опосредованной коммуникации (далее – КОК) такая сущность данных создает особенно благоприятную почву для формализации семантических отношений: модель первого уровня презентации информации в среде КОК, как известно, бинарная.

Не претендуя на всеобщность своих теорий, к вопросам параметризации содержания коммуникации обращались многие ученые. Безусловный приоритет в моделировании информации принадлежит Марвину Минскому – автору теории фреймов [13]. Его подход, который определил вектор дальнейших поисков, создал своеобразный формат исследовательской практики – поиск «универсальной» модели содержания текста.

Универсальной модели пока нет, но проблематика постепенно приобретает очертания с помощью категориальной семантики понятий *культура, ментальность, когниция, дискурс, контекст, ситуация, эпизод*.

Особенности лингвистической интерпретации ситуационного моделирования. Рассмотрим особенности презентации паттернов формализации и трансляции содержания на примере **социолингвистической ситуации игры**. Игровые стереотипы широко распространены в среде речевой практики, и можно уверенно сказать, что в КОК создан особый тип дискурса – компьютерно-игровой. Не сосредоточиваясь на социальных обстоятельствах такой дискурсивной практики, необходимо отметить ее главные черты: создание виртуальных ситуаций, фантомов-персонажей и иллюзорных обстоятельств деятельности. Между тем

классические модели игры обладают и традиционными характеристиками, которые можно выявлять с различных методологических позиций.

Комбинации математического и бихевиористского подходов, по мнению некоторых исследователей, недостаточно результативны в описании структуры:

- 1) цель игры (*purpose or raison d'être*);
- 2) порядок действий и процедур (*procedures for action*);
- 3) правила, принципы и стандарты поведения (*rules governing action*);
- 4) количество необходимых участников, *status quo* (*number of required players*);
- 5) роли участников, их функции и статус (*roles of participant*);
- 6) условия окончания игры (*results or pay-off*);
- 7) образцы взаимодействия участников (*participant interaction patterns*) [10, с. 14].

Автору данной обобщенной схемы, Э. Эвдону, и это неудивительно, хорошо видны ее недостатки. Продолжение размышлений является показательным и не очень продуктивным: нужно назвать более объективную схему *лингвистической, синтаксической* и добавить *синтаксиса*:

- 1) цель игры (*purpose of the game; aim or goal, intent, the raison d'être*);
- 2) порядок действий и процедур (*procedure for action; specific operations, required courses of action, method of play*);
- 3) правила, принципы и стандарты поведения (*rules governing action; fixed principles that determine conduct and standards for behavior*);
- 4) количество необходимых участников, *status quo* (*number of required participants; stated minimum or maximum number of persons needed for action to take place*);
- 5) роли участников, функции и статус (*roles of participants; indicated functions and status*);
- 6) условия окончания (*results or pay-off; values assigned to the outcome of the action*);
- 7) умения и навыки (*abilities and skills required for action; aspects of the three behavioral domains utilized in a given activity*);
- 8) образцы взаимодействия (*interaction patterns*);

9) физические установки и требования среды (*physical setting and environmental requirements*);

10) необходимое оборудование (*required equipment*) [10, с. 14].

Функции «лингвистики» выполнили дополнительные во втором случае пп. 7, 9 и 10. Появившиеся в схеме элементы *необходимое оборудование* (п. 10) и *требования среды* (п. 9), например, носят явно декларативный характер. Но искусственная «лингвистичность» и поверхностность рассуждений без настоящего лингвистического базиса, несомненно, усложнили восприятие проблематики. Рассуждая о «синтаксическом» подходе, Э. Эвдон, тем не менее, имел в виду прежде всего дискурсивные черты (*намерения и результаты* – явно экстралингвистические категории дискурса).

Хотя попытка систематизации характерных черт дискурса с лингвистических позиций более чем обоснованна, на данном примере можно убедиться в несовершенстве отдельных методик формирования категорий соответствующего метаязыка: в одном ряду и измерении оказались разнородные элементы игровой ситуации. Автор, очевидно, не дифференцировал и тактические / стратегические, как и объективные / субъективные свойства игрового дискурса. С презентации таких оппозиций, безусловно, целесообразно было бы начать моделирование данного типа.

Модели коммуникационной среды. Уже при выяснении объективно/субъективно релевантных обстоятельств коммуникации играет важную роль собственно языковое оформление ситуаций и поведенческих стратегий, соотносящих понимание **модели** «с ролью личных представлений о реальных или абстрактных ситуациях в процессе порождения или понимания речи» [5, с. 68]. Неслучайно Т. ван Дейк ввел в научный оборот не только когнитивистское и социолингвистическое, но и дискурсивно-лингвистическое понятие **ситуационной модели** как «формы представления личного опыта». Ситуационная модель им используется именно для «интерпретации дискурса» [5, с. 78]. Ситуация, «денотат текста», здесь – «сложное сплетение» предметов или людей, их свойств и отношений, событий или действий как определенный фрагмент действительности [5, с. 69].

Т. Ван Дейк, разумеется, стремился описать когнитивный коррелят ситуации: «...что “происходит в уме” человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит

или читает о ней», – ясно осознавая при этом недостатки такого моделирования: типичную фрагментарность и неполноту когнитивных моделей, а также их «личностность, т. е. субъективность» [5, с. 82]. Описания *субботних покупок* у Т. ван Дейка (как и *комнаты* у М. Минского) почти одинаково схематичны: «Мы не дали подробной характеристики стратегическим процессам формирования, преобразования и использования моделей» [5, с. 74]. Как результат – отсутствие четкой фиксации дискурсивных особенностей познавательной деятельности не позволило Т. ван Дейку сделать необходимый выбор между **эпизодическими, ситуационными и когнитивными моделями**, которые по очереди и в разной последовательности послужили обозначениями подобных когнитивных структур в его исследованиях.

Гораздо более содержательной у Т. ван Дейка получилась попытка очертить **контекстные модели**: «Контекстные модели, по определению, носят частный характер: они являются моделями данной специфической коммуникативной ситуации <...> Поскольку определенный дискурс составляет часть коммуникативного контекста, мы можем предположить, что репрезентация текста является частью контекстной модели. На самом деле в некоторых случаях мы можем вспомнить не только то, что было сказано (то есть базу текста), но и то, когда, кем и как это было сказано» [5, с. 95]. Тем не менее исследователь «то, что было сказано (т. е. базу текста)» неожиданно относит к *ситуационной модели* коммуникации, а «то, когда, кем и как это было сказано» – к *контекстной модели*; тут же *дискурс* объявляется «неотъемлемой частью *контекста*» [5, с. 96].

Попробуем разобраться. Во-первых, дискурс является более широким понятием, чем контекст, включая в себя, в простейшем представлении, и текст [1]. Во-вторых, **контекстная модель** по лингвистической логике как раз должна содержать и речевые, и экстралингвистические обстоятельства функционирования текста. В-третьих, то, что Т. ван Дейк называет «ситуационной моделью» – целесообразно было бы определить – с лингвистической точки зрения – как **семантическую модель**. Именно семантическая модель позволяет целенаправленно описать содержание текста, его элементы, связи между ними и их иерархию.

Научная позиция Т. ван Дейка относительно моделирования горизонта отчетливо перекликается с работами профессора

Принстонского университета Ф. Н. Джонсона-Лэрда, в частности при описании последним ментальных моделей. Ф.Н. Джонсон-Лэрд значение **ментальной модели** обозначил следующим образом: «Модель [ментальная] представляет положение *вещей* и, соответственно, ее структура не произвольная, напоминая структуру пропозициональной презентации, а играет роль *непосредственного* отображения, или аналогии. Ее структура содержит существенные аспекты соответствующей ситуации реального мира» [12, с. 98].

В Ф.Н. Джонсоне-Лэрде ван Дейк увидел единомышленника в интерпретации семантики свертхтекстовых единств – теперь они часто называются **гипертекстовыми**: «И для ментальных моделей, и для ситуационных моделей важно то, что они отличаются от семантической подачи предложения или текста» [5, с. 78]. Хотя, несомненно, в презентации Ф. Джонсона-Лэрда ментальные модели – аллегория, и они не описывают сознательную деятельность по переработке человеческим разумом информационных паттернов, а напоминают так называемые ситуационные модели Т. ван Дейка.

Взгляды Т. ван Дейка, при всей противоречивости его попыток моделирования дискурса, заслуживают признания за «общую гипотезу» дополнения семантической подачи текста описательным сопровождением ситуации в виде специфических моделей, которые способны «играть важную роль в таких действиях, как формулирование выводов, создание образов, припоминание и узнавание» [5, с. 79].

Перспективность *ситуационных моделей* или, если пользоваться более корректным термином Т. ван Дейка, *эпизодических моделей*, подтверждается соответствующей исследовательской практикой. Для того чтобы анализировать конкретные отношения, которые связывают окружающий мир и социальное поведение, необходимо точно определить, какие элементы среды или ситуации могут повлиять на образ действий человека. Такие элементы могут как производить изолированный эффект, так и влиять на долгосрочные поведенческие стереотипы человека при взаимодействии с другими. Например, Д. Дж. и Дж. Д. Беннетты составили список элементов, *компонентов*, или *измерений*, любой ситуации (*англ. scene*), разделив их на две группы и отметив приоритет первых трех показателей:

1) контейнер – стабильная внешняя оболочка человеческого взаимодействия;

2) реквизит – физические объекты, которые сопровождают человека в ограниченном пространстве или сами являются ограничениями, в том числе *одежду и мебель*;

3) актеры – лица, которые непосредственно действуют, находятся на втором плане, являются свидетелями действий, которые происходят в отграниченном пространстве;

4) модификаторы – элементы *света, звука, цвета, текстуры, аромата, температуры и влажности*, которые воздействуют на эмоциональный тон или настроение взаимодействия;

5) продолжительность – объективное время в сопоставимых единицах (*минутах, часах* и т. д.), в течение которого происходит взаимодействие, а также планируемая продолжительность, необходимая для взаимодействия;

б) прогрессия – последовательность событий, которые предшествуют или происходят или ожидаются в будущем в связи с взаимодействием и могут повлиять на него [11, с. 20].

В кластеризации *приложений ситуационного анализа* специалистов из Оксфордского университета М. Эрджайла, Э. Фарнхэма и Дж. Э. Грэхэма – семь параметров:

- структура цели;
- репертуар;
- правила;
- роли;
- набор и оборудование среды;
- концепты;
- последовательность [9, с. 377].

Классификации *элементов игровой ситуации* Э. Эвдона и *универсальных конструкторов ситуации* М. Эрджайла, Э. Фарнхэма и Дж. Э. Грэхэма, как можно заметить, похожи в части выделения цели, ролей, правил, последовательности (порядка действия и процедур – в первом варианте) ситуации.

– Безусловно, полезной надо признать оппозиционную *модель «аспектов» ситуации* известного исследователя Л. Первина, где аспекты определены как:

- дружественный / недружественный (*friendly / ballasting*);
- напряженный / уравновешенный (*tense / calm*);

- интересный / неинтересный (*interesting / dull*);
- ограниченный / свободный (*constrained / free*) [14, с. 47].

Размышляя о сути и стратегии «измерений, которые используются лицами для разъяснения ситуации», Л. Первин обнаружил существенность измерений *субъективного* рода – «дружественный / недружественный» и «интересный / неинтересный» и *объективного* рода – «напряженный / спокойный» и «ограниченный / свободный» [14, с. 47]. В таком ракурсе действительно можно наблюдать черты комплексного и дискурсивного подхода к моделированию, потому что «понятия, которые составляют модель, – не произвольны, они отражают социально значимую интерпретацию ситуаций» [5, с. 95]. А «социальная значимость» – всегда субъективная / объективная.

Не менее существенными являются выводы Т. ван Дейка об *активной* роли дискурса в формировании социальной ситуации, «существенных изменений в социальных отношениях и социальных ситуациях» [5, с. 96]. Пример юридического дискурса не оставляет сомнений в обоснованности такой констатации фактов: «Судебное разбирательство, например, в значительной степени состоит из обусловленных ситуацией речевых действий, таких как обвинение (обвинительные заключения), иски, показания, допросы и предложения, которые в своей совокупности могут иметь важные социальные последствия» [там же].

Моделирование речевой практики компьютерно-опосредованной коммуникации. Выявление возможностей моделирования, фиксации качественных и количественных показателей речи КОК – задача важная и нетривиальная. Анализ речи КОК пока чаще всего представляет фрагментарные и противоречивые описания. Насыщенность компьютерно-опосредованного дискурса (далее – КОД) искусственными и формальными языками создает своеобразный семиотический фон человеческой коммуникации. Это выражается не только в интернационализации и нонконформизме речи, но и в ее лингвоинформационности и статистической «форматности».

При всей доступности КОД для лингвистического изучения необходимо отметить несовершенство феноменологических экспликаций сферы. Например, типичной является следующая эклектичная презентация признаков «интернет-общения»:

Анонимность. Несмотря на то, что иногда возможно получить некоторые сведения анкетного характера и даже фотографию собеседника, они не дают реальной картины личности. Кроме того, нередки случаи сокрытия важной информации или представления заведомо ложных сведений. Как следствие – большая степень безответственности, вызванная невозможностью вменить те или иные санкции к нарушителям, т. е. безнаказанность. Таким образом, пользователь может проявить большую свободу высказываний (вплоть до оскорблений), передавать ложную информацию, вводить в заблуждение, практически не получая за подобные действия наказания или отрицательной оценки.

Добровольность и спонтанность. Пользователь добровольно устанавливает контакты или уходит от них, а также может прервать их в любой момент.

Затрудненная эмоциональность, которая частично компенсируется специально разработанной знаковой системой передачи эмоций.

Игровой характер. Часто пользователь представляет себя по-иному, чем в реальной жизни, и, воспринимая своего собеседника, домысливает, создает его образ, отличный от реального. Личный опыт пользователей показывает, что при переходе от виртуальных контактов к реальным они часто испытывают удивление или разочарование от несоответствия их представлений реальности. Это явление обусловлено потребностью в реализации качеств личности, ролей, которые не находят воплощения в реальной жизни или скрываются (так как считаются социально неприемлемыми, несоответствующими социальному статусу и т. д.). Например, социальный статус женатого мужчины не соотносится с активным флиртом и многочисленными романтическими взаимоотношениями и контактами. В этой связи интернет-общение часто характеризуют как “суррогатные”, “малоценные контакты”, “развлекательная игровая деятельность”» [6, с. 102].

Такая презентация создает устойчивое впечатление недостаточной методической обеспеченности КОД. Хотя, например, критический дискурс-анализ (далее – КДА) – достаточно детализированный в лингвистической практике – подобного описания сферы традиционной коммуникации, в свою очередь, может занять не один десяток страниц.

Встречаются и более подробные описания, которые к «первичным признакам, обуславливающим статус интернет-дискурса как отдельного типа», относят: Интернет как канал связи; глобальность, гипермедийность и интерактивность среды; амбивалентность пространства и времени; жанровое многообразие; вариативность количества и эксплицированности коммуникантов; поликодовость и вариативность языковой нормы. К «вторичным признакам, которые характерны и другим типам дискурса» относятся: электронный сигнал для передачи данных, опосредованность техническими и программными средствами, обязательная оцифрованность всей информации; виртуальность и мультимедийность среды; наличие у коммуникантов определенных технических умений и навыков для активной коммуникации; специфическую этику, сочетающуюся с нерегламентированностью поведения [3].

Глубокая проработка сферы КОК во втором примере, к сожалению, не сопровождается четкой коммуникационной ориентацией и стратификацией признаков, например по языково-речевому принципу и другим измерениям коммуникационной практики.

При неисчерпаемости богатства языка – в сфере КОК наблюдается особенная точность и бескомпромиссность речи. Дискурсивная практика коммуникационных личностей компьютеризированной сферы демонстрирует повышенную вариативность и разнообразие текстового наполнения сферы, с одной стороны. С другой – объем информации в виртуальной реальности возрос до такого количественного объема, которым даже гипотетически не смогла бы удивить сфера печатного книгоиздания или звукозаписи, и процесс продолжается. КОК часто ориентируется практически на неограниченный круг собеседников. Компьютерные средства всё время совершенствуются и приобретают универсальность, с которой никогда уже не смогут конкурировать издательства и производители компакт-дисков. Разумеется, значительную часть интернет-контента представляют копии уже изданных традиционными способами произведений. В КОД широко распространены и копии копий, варианты, кавер-версии и т. д. Такое содержание КОД свидетельствует, в том числе, о большом спросе на электронные версии текстов.

Статистические возможности компьютерно-информационной обработки текстов – привнес их поверхности и искусственности

– значительно превосходят доступность количественных характеристик «материального» контента и способствуют массовому переводу в электронный формат материала для разнообразных исследований (что выражается в создании, например, электронных библиотек, картотек и корпусов). Программы искусственного интеллекта по весьма незамысловатой статистической модели, но, тем не менее, успешно относительно дискретных параметров, могут сопровождать разметкой по формальным и кодифицированным показателям огромные текстовые массивы.

В том или ином виде контекст человеческой коммуникации отражается в дискурсе. Но существуют многочисленные лингвоинформационные *ограничения* формата КОД. Чем меньшей будет фрагментарность и разобщенность дискурса КОК, тем прозрачнее лингвистическая структуризация содержания его фрагментов. Так, если дополнительное дискурсивное сопровождение романа «Война и мир» будет сравнительно небольшим пропорционально его тексту, то для короткой, вырванной из потока обсуждения реплики на интернет-форуме – коммуникантам понадобится, наоборот, дискурсивная имплементация размером с полновесный роман. Дискурсивная практика человеческой коммуникации не имеет тенденции к сужению, с появлением сферы КОК она расширяется в геометрической прогрессии.

Динамика компьютерно-опосредованной речи обуславливает формирование **модели речевой практики КОК**, которая учитывает языковую, речевую вариативности и технологическую форматность сферы. Определение соответствующих закономерностей создает вторично-семиотический уровень обобщения практики.

Языковая вариативность предусматривает:

- поликодовость;
- вербальность;
- разговорность;
- экономичность;
- фрагментарность;
- эрратизированность.

Речевая вариативность предусматривает:

- спонтанность;
- аутентичность;
- мультимедийность;

- гиперадресацию;
- деперсонифицированность;
- гиперперсональность;
- этикетность.

Техническая форматность предусматривает:

- компьютерную опосредованность;
- сетевой формат;
- цифровой формат;
- виртуальность.

Данное моделирование способствует выявлению ключевых новационных характеристик КОК, например *гиперадресации* и *гиперперсональности*, что уже является аргументом в пользу такой методики. **Гиперадресация** предусматривает возможности практически без ограничений расширять или ограничивать круг коммуникантов. **Гиперперсональность** предусматривает возможность расширять, ограничивать либо объединять характеристики коммуникационной личности. Моделирование подобного рода делает возможным и переход к дискурсивной гипермодели КОК, характеризуя ее речевую специфику.

Моделирование компьютерно-опосредованного дискурса.

Активность дискурса позволяет принять за основу именно *дискурсивное* измерение коммуникационной практики в моделировании многоуровневого взаимодействия факторов среды КОК. Дискурс является референтной для моделирования речевой субстанции, на текстовой базе его денотата могут сосуществовать и несколько отдельных моделей (например, *контекстная*, *семантическая*, *оппозиционная* и др.), и единая дискурсивная гипермодель КОК.

Проведенный анализ возможностей моделирования дискурса, в том числе КОД, позволяет представить соответствующую трехмерную модель. Согласно лингвистически значимым особенностям речевой практики, необходимо дифференцировать три группы признаков: структурных, ситуационных и практически-речевых. Среди **структурных** признаков, или характеристик, выделяются: элементный состав, системность и интерактивность. Среди **ситуационных** признаков целесообразно выделить:

- текстуально-контекстуальную;
- интро-экстралингвистическую;
- тактически-стратегическую пары-диады.

Среди **практически-речевых** признаков выделяются три подгруппы: языковая, речевая и технически-форматная.

Структурная конституция модели состоит из элементов, их системной структуры – иерархии, например, и отношений взаимодействия элементов структуры. Иллюстративным материалом дискурсивной структуризации такого рода могут служить как личные, так и статусные формы дискурса, например религиозного или образовательного дискурса.

Ситуационная конституция дискурсивной гипермодели характеризуется следующими оппозиционными отношениями:

- 1) текстуально-контекстуальными:
 - а) текстовый аспект модели дискурса описывает семантику как совокупности текстов, так и каждого отдельного текста;
 - б) контекстный сегмент дискурса описывает объективные обстоятельства функционирования дискурса;
- 2) интролингвистически-экстралингвистическими:
 - а) лингвистическое описание основано на уровневой структуре языковой системы;
 - б) экстралингвистическое описание базируется на релевантных среде функционирования дискурса аспектах – культуре, социуме, прагматике, психологии и др.;
- 3) тактически-стратегическими:
 - а) тактическое (ситуационное) описание раскрывает тактическую (ситуационную) структуру дискурсивной практики;
 - б) стратегическое описание раскрывает стратегическую структуру дискурсивной практики.

Практически-речевая конституция дискурсивной гипермодели определяется особенностью следующих характеристик:

- 1) поликодовостью, вербальностью, разговорностью, экономичностью, фрагментарностью, эрратизированностью (языковая подгруппа);
- 2) спонтанностью, аутентичностью, мультимедийностью, гиперадресацией, деперсонифицированностью, гиперперсональностью, этикетностью (речевая подгруппа);
- 3) компьютерной опосредованностью, сетевым форматом, цифровым форматом, виртуальностью (технически-форматная подгруппа).

При выяснении особенностей парадигматического описания структуры дискурса принято придерживаться сложившихся стереотипов, практически каждое современное исследование дискурса начинается с констатации множественности подходов [4; 7; 8]. Например, Л. С. Бейлинсон выделяет следующие подходы к изучению дискурса:

1) с позиций социологии и социолингвистики важно определить, кто организует общение и участвует в нем (социальный параметр);

2) с позиций прагмалингвистики и коммуникативной теории необходимо установить, как осуществляется общение (прагматической параметр);

3) с позиций семантической теории выясняется, о чем идет речь (семантический параметр);

4) с позиций структурной лингвистики требуется охарактеризовать языковые способы выражения смысла в высказываниях, которые составляют тот или иной дискурс (формально-языковой параметр) [2, с. 142].

Здесь можно увидеть неопределенно-широкие методологические установки: и социолингвистику, и прагмалингвистику, и «семантическую теорию», и структурную лингвистику. При этом с уверенностью нужно сказать, что синкретичность среды КОК не менее существенно обеспечена интердисциплинарностью уже давно самодостаточного дискурсивного подхода. Разумеется, с некоторыми выводами Л. С. Бейлинсон трудно не согласиться – в том числе, с выявлением коммуникационной специфики в семиотическом ключе через призму отношений:

- семантических, между знаком и действительностью;
- прагматических, между знаком и «интерпретатором»;
- синтаксических, между собственно знаками;
- сигматических, внутренних отношений между содержанием и формой знака [2, с. 142].

Полностью оправданная лингвоцентричная позиция интерпретации КОК обязательно требует последовательности, которую трудно реализовать, допуская множественность точек отсчета. Основополагающим ориентиром здесь, как показывает исследовательская практика, является дискурсивная организация речевой деятельности.

Таким образом, универсальность металингвистических схем изучения речевой практики КОК обусловлена междисциплинарностью сферы. Научная достоверность исследований сферы КОК (намного более сложной, чем сфера традиционной коммуникации) основывается на ее едином дискурсивном пространстве. Возможности моделирования КОК в дискурсивном аспекте подтверждают обоснованность такого подхода. При этом лингвистическая ориентация практики изучения КОД способствует преодолению внутренней противоречивости среды. Своеобразным парадигматическим эталоном в данном контексте является именно лингвистическая методология: по признакам языкового характера материала, речевой реализации коммуникационной практики и метаязыкового аппарата описания характерных особенностей. Выявление и обработка дискурсивных моделей – продуктивный путь реализации потенциала компьютерной презентации коммуникации, речевой практики, дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баркович А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: учеб. пособие. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 288 с.
2. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского лингвистического университета. Серия «Филология». – 2009. – № 3. – С. 142–147.
3. Белова К.А. Интернет-дискурс Беларуси в социолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2015. – 24 с.
4. Бельская Т.И. Еще раз об определении дискурса // Альманах современной науки и образования: в 2-х ч. – Ч. II. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 8 (27): – С. 20–23.
5. Дейк ван Т. Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Познание. Коммуникация: сб. ст. – М. : Прогресс, 1989. – С. 68–110.
6. Камнева Н.В., Шевченко Л.В. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. – Томск : Эль Контент, 2013. – 124 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
9. Argyle M., Furnham A., Graham J.A. Social situations. – N. Y. : Cambridge University Press, 1981. – 453 p.
10. Avedon A.M. The Structural Elements of Games // The Psychology of Social Situations: selected readings [ed. by Adrian Furnham and Michael Argyle]. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – Psychology. – P. 11–17.

11. *Bennett D.J., Bennett J.D.* Making the Scene // The Psychology of Social Situations: selected readings [ed. by Adrian Furnham and Michael Argyle]. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – Psychology. – P. 18–25.
12. *Johnson-Laird P.N.* Mental models in cognitive science // Cognitive Science, 1980. – Number 4. – P. 72–115.
13. *Minsky M.A* Framework for Representing Knowledge // Mind design II. Philosophy. Psychology. Artificial Intelligence [ed. by John Haugeland]. – 2nd ed., rev. and enlarged. – Cambridge : A Bradford Book, 1997. – P. 111–142.
14. *Pervin LA.* A Free-Response Description Approach to the Analysis of Person-Situation Interaction // The Psychology of Social Situations: selected readings [ed. by Adrian Furnham and Michael Argyle]. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – Psychology. – P. 40–55.

УДК 81'34

М. В. Безбородова

кандидат филологических наук; доцент кафедры фонетики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: mvb87@rambler.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМА (на примере британского варианта английского языка)

В статье предлагается один из вариантов методики проведения фонетического анализа системы гласных на примере британского варианта английского языка (RP). Основу методики составляют перцептивный и акустический виды анализа, проведенные в сравнении с результатами частотных характеристик гласных RP, опубликованных А.Краттенденом в 2001 г., и установленными ранее произносительными тенденциями в современной системе английского вокализма. Данная методика также может быть использована при исследованиях гласного контента других произносительных вариантов в случае наличия эталонных показателей для проведения последующего сравнительного анализа и информации о новых произносительных тенденциях в изучаемом акценте или диалекте.

Ключевые слова: британский произносительный стандарт (RP); перцептивный анализ; акустический анализ; эталонный показатель; английский вокализм; диалект; акцент.

Bezborodova M. V.

Ph. D, Assistant Professor, Department of Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: mvb87@rambler.ru

THE VOCALIC ANALYSIS PROCEDURE

The present article suggests one of the effective methods of phonetic analysis of British English (RP) vowels. The methodology is based on the comparison of the results of the perceptual and acoustic analyses of the present-day RP vowels undertaken by the author with the values for the RP vowels, published by A. Cruttenden in 2001, as well as the comparison with the previously established tendencies in the English vowel system.

The described method may also be used for the vowel properties investigation of other pronunciation variants; given the reference data is provided.

Key words: British pronunciation standard (RP); perceptual analysis; acoustic analysis; reference data; English vowel system; dialect; accent.

При исследовании современного состояния произношения наиболее важным этапом является выбор информантов в целях получения материала для фонетического анализа. В нашем случае доминантой при отборе информантов явился лингвистический критерий: все участники эксперимента должны быть носителями RP.

Рекомендуется учитывать следующие критерии: место рождения и проживания, возраст, родной язык, социально-экономический статус родителей и самого информанта, а также уровень образования. Данные критерии выбираются на основании теории социальной стратификации У. Лабова о том, что гендер, возраст говорящих и их социальный статус являются важнейшими факторами дифференциации произношения [8]. Таким образом, гендерный и возрастной аспекты непременно должны учитываться в исследовании вариативности языка в силу реально существующей гендерной специфики английской речи.

Для проведения перцептивного и акустического видов анализа были проведены записи квазиспонтанных слитных монологических высказываний (ответная реплика интервью и чтение отрывков литературного текста), а также списков изолированно произнесенных односложных слов с исследуемыми гласными в заданном фонетическом окружении.

В данном случае материал исследования был записан с помощью программы «Audacity Sound Editor» в формате *wav* с частотой выборки 44100 Гц и с разрешением 16 бит Mono. Запись каждого информанта проводилась по отдельности в звукоизолирующем помещении с использованием высококачественной гарнитуры «Genius». Слова были начитаны с нисходящим тоном (интонация завершения фразы) [1].

Остановимся подробнее на перцептивном виде анализа, который обычно предшествует акустическому.

Исследуемый корпус звучащего материала для аудиторского анализа в рамках настоящего исследования представляет собой тексты, которые по фоностилистической принадлежности относятся к квазиспонтанным монологическим высказываниям. Информантам было предложено высказаться на одну из следующих тем: «Семья», «Хобби», «Еда», «Любимое литературное произведение», «Самое яркое событие в жизни».

Основной целью данного вида анализа является необходимость исследовать обусловленные фонологической системой перцептивные стратегии аудиторов в процессе восприятия речевых сообщений, которые позволяют им правильно фонологически интерпретировать фонетически вариативные сигналы.

Поскольку одной из основных задач перцептивной фонетики является исследование того, что воспринимается аудитором на основе обработки собственно фонетических характеристик, и какими правилами они пользуются при фонологической интерпретации фонетических сигналов, то данные о вариативности и изменениях фонетических характеристик единиц фонологической системы оказываются существенными для слушателей при восприятии звучащей речи.

В ходе настоящего исследования перцептивный анализ вокалической составляющей квазиспонтанной речи информантов был проведен пятью опытными преподавателями кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ [2].

Квазиспонтанные высказывания предъявлялись аудиторам в виде полномасштабного текста для ознакомления с содержанием и привыкания к манере говорения диктора. Предполагается, что в ходе аудиторского анализа рассматриваются все слова, в которых встречаются исследуемые гласные. Необходимо также отметить, что речь всех информантов может содержать разное количество слов с исследуемыми гласными, так как в речи одного говорящего встречается несколько слов с исследуемым явлением, в то время как в речи другого информанта они могут отсутствовать. С целью обеспечения наличия одинакового количества реализаций для каждого информанта многие исследователи ограничивают число исследуемых слов или вообще исключают из рассмотрения некоторые фонетические явления [9].

При первичной обработке звучащих материалов были составлены тексты-скрипты с выделенными односложными словами, в которых встречаются 11 монофтонгов в ударной позиции: /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ʌ/, /ɑ:/, /ɒ/, /ɔ:/, /ʊ/, /u:/, /z:/ и с 8 дифтонгами: /eɪ/, /aɪ/, ɔɪ/, /əʊ/, /aʊ/, /ɪə/, /ʊə/, /eə/. При этом можно подбирать слова с учетом возможности последующего использования для акустического анализа. Для удобства внесения надстрочных/подстрочных помет в ходе выявления аудитором модификаций гласных в речи дикторов были введены специальные условные обозначения. Транскрипционная нотация частично заимствуется из IPA и пополняется условными обозначениями, принятыми российскими фонетистами [10].

Таким образом, степень изменения качественно-количественного комплекса гласных оценивалась по следующим интегральным признакам: длительность звучания, степень напряженности, наличие усеченности, степень лабиализации, степень продвинутой / оттянутой, степень открытости, полнота реализации скольжения (для дифтонгов), приобретение гласным нового тембрального оттенка звучания (в результате изменения его качества).

В данном исследовании большинство аудиофрагментов прослушивалось 2–3 раза, а некоторые единицы, представляющие сложность для восприятия, прослушивались аудитором многократно. Звучащий материал был проанализирован перцептивно, что подразумевает прослушивание записанных образцов речи аудитором и их последующую категоризацию. Сведения, полученные в результате расшифровки записей, сделанных аудитором в ходе проведения перцептивного анализа, были обобщены и систематизированы с учетом качественных и количественных изменений английских гласных. Согласно оценкам аудиторов, для большинства информантов были обнаружены общие тенденции в изменении звучания исследуемых гласных в женской и мужской речи, которые в целом подтверждают исследования изменений в RP за последние 50 лет [1; 2].

Следует отметить, что любые сомнения по поводу надежности результатов аудиторского анализа связаны со степенью стабильности восприятия звучащего материала. Одним из способов уменьшения степени субъективности является анализ большого количества единиц, благодаря чему статистически снизится процент «неверно истолкованных» единиц. Другим возможным способом проверить последовательность и правильность результатов является проведение повторного анализа того же материала другим аудитором и последующее сравнение с уже полученными данными. П. Керсвилл и С. Райт, говоря о проблеме достоверности результатов аудиторского анализа, подчеркивали необходимость удостовериться в компетентности аудитора: будут ли получены идентичные результаты после вторичного прослушивания аудитором того же материала и не изменится ли его суждение через какое-то время [6].

Следующим этапом фонетического исследования является проведение акустического (спектрального) анализа, особенно широко используемого в изучении вариативности гласных.

Акустический анализ наилучшим образом подходит для изучения вариативности гласных, так как компьютерная техника позволяет провести сравнение формантных характеристик гласных. Из-за особенностей голосового тракта, определяемых принадлежностью к мужскому или женскому полу, формантные значения относительны, и сравнительный анализ требует определенной стандартизации.

Очевидным преимуществом акустического анализа является объективный характер инструментальных измерений. Аудиторский анализ часто подразумевает определенную степень субъективности, а инструментальный метод исследования предлагает более детальную информацию об анализируемых единицах и позволяет определить черты, неразличимые на слух. О преимуществах инструментальной фонетики неоднократно упоминалось в работах многих лингвистов, например Р. К. Потаповой, У. Лабова и Г. Дочерти, П. Фоулкс и др. [3; 7; 5]. По причине фонетических процессов, происходящих в слитной речи (ассимиляция, адаптация, элизия, редукция и др.), и для большей точности эксперимента, мы предлагаем не использовать звучащий материал аудиторского анализа при проведении акустического анализа. Для акустического анализа были специально подготовлены списки слов, которые будут воспроизведены теми же информантами (слова можно взять из вышеупомянутых спонтанных монологических высказываний). Таким образом, можно добиться практически полного совпадения лексического корпуса перцептивного и акустического видов анализа для большей достоверности при последующем сравнении результатов.

Корпус для нашего акустического исследования составили изолированно произнесенные односложные слова с исследуемыми 11 монофтонгами в ударной позиции и 8 дифтонгами. Каждое из слов было реализовано пятикратно в случайном порядке, так как, по мнению У. Лабова, достаточно 5–10 реализаций слов с каждым из исследуемых явлений [7].

При формировании списка слов основное внимание уделялось позиции в них изучаемого гласного. Слова подбирались, по возможности, так, чтобы окружение согласных оказывало минимальное воздействие на качество исследуемого гласного [4]. В качестве предвокального согласного предпочтение отдавалось словам, начинающимся с согласных /h/ и /b/. Для увеличения корпуса

исследования, помимо слов в идеальном для подобного эксперимента контексте «h-V-d», было решено включить несколько слов с начальными согласными /t/, /l/, /v/, /g/, а также рассматривать гласные в четырех контекстах (конечном положении, перед звонким согласным, перед глухим согласным, перед сонантом). Известно, что конечный глухой согласный укорачивает или делает более усеченным предшествующий гласный, а конечный звонкий согласный или сонант, напротив, удлиняют.

Вследствие того, что акустическому анализу подвергались только качественные характеристики гласных, мы полностью исключили ротовые сонанты, в значительной степени влияющие на качество предшествующего гласного (/l/, /r/, /j/, /w/), а что касается звонких и глухих согласных в исследуемых словах, мы ограничили номенклатуру поствокальных согласных так, чтобы они оказывали на предшествующий гласный минимальное влияние, а также создавали минимальное количество контекстов.

Краткие монофтонги исследовались в трех контекстах, поскольку ударные краткие монофтонги, как известно, в исходе слова не встречаются:

- 1) согласный + гласный + звонкий согласный (/d/);
- 2) согласный + гласный + сонант (/n/, /m/); 3) согласный + гласный + глухой согласный (/t/, /k/).

Долгие монофтонги были рассмотрены в четырех контекстах:

- 1) согласный + гласный (в конечном положении);
- 2) согласный + гласный + звонкий согласный (/d/);
- 3) согласный + гласный + сонант (/n/, /m/);
- 4) согласный + гласный + глухой согласный (/t/, /k/).

Дифтонги были рассмотрены также в четырех контекстах:

- 1) согласный + гласный (в конечном положении);
- 2) согласный + гласный + звонкий согласный (/d/, /z/);
- 3) согласный + гласный + сонант /n/, /m/;
- 4) согласный + гласный + глухой согласный (/t/, /s/, /k/).

Для проведения спектрального анализа были использованы компьютерные программы «PRAAT Phonetic Analysis Program» или «Speech Analyser». В нашем исследовании звучащий материал обрабатывался отдельно по каждому информанту, каждый гласный был отсегментирован, и было произведено измерение параметров первых двух формантных частот (F_1 и F_2) [1].

Данные компьютерного акустического анализа формантных частот F_1 и F_2 гласных, выделенных из изолированных слов (среднее значение по всем информантам и отдельно для мужчин и женщин), сравнивались с формантными частотами гласных RP, полученными в 2001 г. (речь мужчин и женщин) и представленными А. Краттенденом в работе «Gimson's Pronunciation of English» (см. табл. 1–3) [4], а также с данными об изменениях в RP за последние 50 лет [1].

Таблица 1

Усредненные показатели частотных характеристик монофтонгов (Гц)

Гласный	Форманты	Мужчины	Женщины
[i:]	F_1	275	319
	F_2	2221	2723
[ɪ]	F_1	382	432
	F_2	1958	2296
[e]	F_1	560	645
	F_2	1797	2287
[æ]	F_1	732	1011
	F_2	1527	1759
[ʌ]	F_1	695	813
	F_2	1224	1422
[ɑ:]	F_1	687	779
	F_2	1077	1181
[ɒ]	F_1	593	602
	F_2	866	994
[ɔ:]	F_1	453	431
	F_2	642	799
[ʊ]	F_1	414	414
	F_2	1051	1203
[u:]	F_1	302	339
	F_2	1131	1396
[z:]	F_1	513	650
	F_2	1377	1593

Завершающим этапом фонетического исследования гласного контента можно считать сравнение и последующее обобщение полученных данных перцептивного и акустического видов анализа с целью подтверждения наличия установленных ранее

произносительных тенденций, а также выявления новых отчетливо выраженных тенденций в системе вокализма изучаемого акцента или диалекта для получения максимально информативной картины вариативности гласных в речи информантов.

Таблица 2

Усредненные показатели частотных характеристик ядерных элементов дифтонгов (Гц)

Гласный	Форманты	Мужчины	Женщины
[eɪ]	F ₁	587	581
	F ₂	1945	2241
[aɪ]	F ₁	734	822
	F ₂	1117	1275
[ɔɪ]	F ₁	477	428
	F ₂	824	879
[əʊ]	F ₁	537	545
	F ₂	1266	1573
[aʊ]	F ₁	780	901
	F ₂	1368	1538
[ɪə]	F ₁	382	399
	F ₂	2096	2514
[ʊə]	F ₁	426	420
	F ₂	1028	1157
[eə]	F ₁	538	691
	F ₂	1864	2210

В нашем исследовании было проведено сопоставление результатов аудиторского и акустического видов анализа реализаций английских гласных в речи британцев с показателями частотных характеристик гласных RP, опубликованными А. Краттенденом в 2001 г., которое выявило, что показатели частотных характеристик ряда гласных в речи образованных англичан подверглись различной степени изменения, а именно – в системе монофтонгов изменения затронули /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ʊ/, /ɔ:/, /o/ и /u:/; в системе дифтонгов – ядра /eɪ/, /aɪ/, /ɔɪ/, /əʊ/, /aʊ/, /ʊə/, и скольжения – /aɪ/, /ɔɪ/, /aʊ/ и /ʊə/ [1; 2].

Таблица 3

Усредненные показатели частотных характеристик скольжения дифтонгов (Гц)

Гласный	Форманты	Мужчины	Женщины
[eɪ]	F ₁	413	416
	F ₂	2130	2204
[aɪ]	F ₁	439	359
	F ₂	2058	2591
[ɔɪ]	F ₁	443	334
	F ₂	1924	2520
[əʊ]	F ₁	379	380
	F ₂	1024	1267
[aʊ]	F ₁	372	403
	F ₂	1074	1088
[ɪə]	F ₁	578	417
	F ₂	1643	1846
[ʊə]	F ₁	587	485
	F ₂	1250	1258
[eə]	F ₁	655	751
	F ₂	1594	1883

Получили подтверждение некоторые установленные ранее, а также выявлены новые тенденции изменения английского вокализма:

- *в системе кратких и долгих монофтонгов:*

- централизация гласных /e/, /æ/, /ɒ/, /ɔ:/, /u:/ и /ʊ/ по ряду. Движение данных гласных к центру фонетического пространства говорит о стирании их качества, что значительно сужает их спектрографическое пространство;

- децентрализация (движение *от* центра вокалического пространства) в речи всех информантов гласных /ɪ/, /ʌ/ и /ɑ:/, а также гласного /i:/ в речи информантов мужской группы;

- централизация и по ряду, и по подъему гласных /u:/ и /ʊ/ (в речи всех информантов) и гласного /i:/ (только в женской группе);

- *в системе дифтонгов:*

- полная монофтонгизация дифтонгов /ʊə/ (>/ɔ:/), /eə/ (>/ɛ:/) (в речи всех информантов) и /ɪə/ (>/i:/) (только в речи мужчин);

- *ядерный элемент дифтонгов:*
 - централизация ядер сужающихся дифтонгов /eɪ/, /aɪ/ и /ɔɪ/;
 - децентрализация ядерных элементов дифтонгов /ɪə/ и /aʊ/ (продвижение вперед) и /oə/ (оттягивание назад);
 - движение ядерных элементов в целом, по вертикали – *расширение* (кроме ядра дифтонга /ɪə/ – у всех информантов, и ядра дифтонга /ɔɪ/ – в мужской группе);
 - ослабление элементов скольжений дифтонгов: /əʊ/, /aʊ/, /aɪ/ и /oə/.

Таким образом, полученные нами данные позволили проследить общую преемственность установленных ранее отечественными и зарубежными лингвистами тенденций изменения английской вокалической системы в речи современных британцев и определить вектор развития RP под влиянием привнесения в него новых черт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безбородова М. В.* Особенности вокалической составляющей речи молодых британцев // Социофонетика звучащей речи. – М. : МГЛУ, 2011. – С. 37–54. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1(607). Сер. Языкознание).
2. *Безбородова М. В.* Перцептивный анализ вокалической составляющей речи молодежи Великобритании // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : МГЛУ, 2012. – С. 21–30. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1(634). Сер. Языкознание).
3. *Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. – М. : Триада, 1997. – 70 с.
4. *Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English (7th ed.). – London: Hodder Education, 2008. – 362 p.
5. *Foulkes P., Docherty G.* Urban voices. Accent studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – 326 p.
6. *Kerswill P., Wright S.* The validity of phonetic transcription: limitations of a sociolinguistic research tool // Language Variation and Change. – 1990. – 2. – P. 255–275.
7. *Labov W.* Internal Factors // Principles of Linguistic Change. – Vol. 1. – Oxford : Blackwell Publishers Inc., 1994. – 572 p.
8. *Labov W.* Social Factors // Principles of Linguistic Change. – Vol. 2. – Oxford : Wiley Blackwell, 2001. – 572 p.
9. *Milroy L., Gordon M.* Sociolinguistics: method and interpretation. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 49–87.
10. International Phonetic Alphabet (IPA). – URL: <http://www.wordiq.com>.

УДК 81'33

И. А. Борисова

кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник НИР кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: irinkaand@mail.ru

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ¹

В статье описываются основные особенности общения в интернет-сообществах с учетом одновременного общения с рядом партнеров (чаты с активными окнами, в которых идет общение с несколькими адресантами сразу); проводится предварительная оценка возможного влияния общения коммуниканта с одним партнером на общение с другим на разных языковых уровнях и механизм переключения мышления при переключении между окнами чата.

Ключевые слова: Интернет; одновременно; лексика; синтаксис; грамматика; дистанционный; влияние.

Borisova I. A.

Ph. D., Senior Researcher, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: irinkaand@mail.ru

PARALLEL COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS

The paper describes communication features in internet-communities in view of simultaneous communication with a number of partners (chats with active windows opened for each partner); a preliminary assessment is provided for possible impact of any window communication on other windows' communication at various language levels and of the mechanism of "thinking switching" when switching between chat windows.

Key words: internet; simultaneously; lexis; syntax; grammar; distant; impact.

Современные условия общения в интернет-сообществах диктуют определенные правила (запрет на обценную лексику, оскорбления, требования соблюдать вежливость, избегать использования прописных букв и т. д.), но они же обеспечивают и широкий круг возможностей: наличие определенного ряда инструментов (различные смайлики, значки) позволяет коммуникантам выражать свои эмоции, чувства и настроение – словом, использовать графические

¹Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ) в рамках проекта №14-18-01059.

и вербальные средства в условиях отсутствия визуального контакта в чатах, электронных письмах, интернет-журналах, на форумах и т. д. И сегодня к услугам пользователей огромное количество интернет-мессенджеров, почтовых служб и специальных программ; при этом любое из этих средств имеет встроенные панели инструментов для обеспечения возможности общения «вслепую», а некоторые предлагают также и более «живое» общение посредством подключения камеры, наушников и прочей аппаратуры для максимального приближения общения удаленных в пространстве коммуникантов к реальному.

Сегодня никого не удивить таким разнообразием возможностей – любой желающий может установить соответствующую программу и общаться с широким кругом людей. При этом возможно общение коммуникантов как всех сразу (например, в чат-комнатах), так и в режиме «один на один». Однако эти виды общения имеют принципиальные различия с точки зрения лингвистики (в части лексики, грамматики, синтаксиса, стиля и т. д.), так как общение с одним собеседником отличается от общения с несколькими коммуникантами сразу: ведь и при «живом» непосредственном общении мы выбираем различные языковые средства (вербальные и невербальные) в зависимости от количества партнеров по коммуникации – беседа «тет-а-тет» будет выстраиваться в совершенном другом ключе, нежели при общении «всех со всеми» в большой компании.

В этой связи, возможно, особый интерес для лингвистов может представлять общение одного пользователя с несколькими коммуникантами одновременно, но не в рамках одного «окна» (например, в одной чат-комнате, где сообщения от всех участников видны всем участникам), а по отдельности – когда один пользователь параллельно общается с несколькими другими, но для каждого из них он использует отдельное «окно», т. е. его партнеры по коммуникации не знают друг о друге. Может ли в таком случае общение «основного» пользователя с одним коммуникантом оказывать влияние на его общение с другими коммуникантами? Если да, то в чем это может проявляться – на уровне лексики, грамматики, синтаксиса, стиля или чего-то еще? Будет ли также оказываться влияние на механизмы «переключения» мышления?

Такое общение не является редкостью: многие пользователи хотят общаться с несколькими «адресатами», имея возможность оценивать их мнение по какому-то вопросу без непосредственного их «сталкивания» – например, при проведении опросов (где мнение одного опрашиваемого может повлиять на мнение другого) или проведении сеансов общения в формате чатов в рамках корпоративных каналов связи. Задав один и тот же вопрос или дав одну и ту же задачу на обсуждение, такой «топик-стартер» (*англ.* topic-starter – начинающий тему) может получить разные ответы или предложения по решению задачи, не теряя время на «коллективные» обсуждения. При необходимости выяснения реакции на мнение одного коммуниканта от какого-либо другого партнера по коммуникации можно «озвучить» его другому и получить ответную реакцию (мнение), которое может аналогичным образом быть «передано» первому коммуниканту «основным» («топик-стартером»). При условии наличия неприязни между этими коммуникантами «топик-стартер» может найти некую «золотую середину» при решении того или иного вопроса или подготовить их к непосредственному общению «вживую». Разумеется, такая коммуникация не предполагает наличия визуального контакта.

Однако существует и другой, более сложный вариант общения – когда в каждом «окне» идет беседа на свою, отдельную тему, т. е. «основной» пользователь поддерживает общение, переключаясь между различными «окнами», и вынужден реагировать по-разному на сообщения в «окнах». В этом случае интересно рассмотреть влияние речи и языковых средств коммуникантов на речь и языковые средства «основного» пользователя.

Вначале представляется уместным рассмотреть некоторые языковые уровни, основные языковые особенности в которых выражены наиболее ярко.

1. Лексика. Прежде всего необходимо помнить о том, что интернет-коммуникация отмечена «конкурирующим взаимодействием норм письменной и устной речи» [2, с. 180]. И это не может не обуславливать различия в коммуникации устной и письменной. Возможно, необходимо говорить о таком явлении, как «письменная разговорная речь» [1, с. 7–9].

Интернет-общение в чатах, на форумах и т. д. обуславливает некоторые особенности в части лексики, связанные с необходимостью

быстро печатать, при этом как можно полнее передавая желаемое сообщение. Это нашло отражение в сокращениях (“XlnT”, “THX” вместо “Excellent”, “Thanks”), аббревиатурах (“OIC” вместо “Oh I see”, “U” вместо “you”), графонах – словах, в которых помимо букв используются цифры и другие значки (“b4” вместо “before”, “gr8” вместо “great” и т. д.). В русскоязычном интернете имеет место быть так называемый олбанский язык, особенностями которого является намеренное искажение норм правописания («узбагойся», «шта?», «кросачег» и т. д.), использование англицизмов, в том числе сокращений, транслитерированных на русский язык («кэп», «нуб», «имхо», «ламер», «лол»), смешение слов иностранного языка (как правило, английского) и русского («кульно», «крякнутый» и т. д.). Именно лексические особенности повлияли на возникновение такого термина, как «устно-письменная речь» [3, с. 18–27], что довольно точно отражает общение в виртуальной среде.

2. Грамматика. Как правило, грамматика в письменном общении в интернет-сообществах максимально упрощается либо не соблюдается вообще в целях экономии времени. Из-за этого в сообщениях чатов можно видеть, например, такие реплики: “B back” (вместо “I’ll be back”), что характерно скорее для разговорной речи. Вообще в интернет-общении грамматические конструкции приближены к разговорным (“wanna tea?”, “must be fun”, “чаю?”). Кроме того, нередко несоблюдение правил пунктуации (в целях экономии времени), «выпадение» пробелов и т. д.

3. Синтаксис. На этом уровне, как и на уровне грамматики, выражено влияние разговорного стиля – наблюдаются простые неполные предложения, часто являющиеся продолжением реплик партнера по коммуникации («Или вообще не делать»; «А я да»; «Спать» и т. д.).

4. Стыль. Преобладает разговорный стиль, при этом выражена спонтанность написания реплик, допускаются опечатки, смешение кириллицы и латиницы, характерны особенности использования лексики, описанные в пункте 1. *Лексика.* Можно предположить, что подобный «набор» особенностей будет характерен для всех «окон» нашего «основного» пользователя, общающегося с несколькими коммуникантами – с каждым в отдельном «окне». Легче всего «перенять» особенности употребления лексики и упрощение

грамматики и синтаксиса – это наиболее «подвижные» параметры «речевого портрета» (по Р. К. Потаповой) коммуникантов [4].

Итак, на уровне лексики при переключении между «окнами» возможно использование и даже дословное копирование особенно понравившихся выражений или целых реплик, которые были оценены «основным» пользователем как остроумные, оригинальные, смешные, провокационные и т. д. Иногда это могут быть пересказы шуток, различных историй (при этом они могут сопровождаться репликой: «А у меня тут один товарищ...») практически в режиме он-лайн с копированием нужного содержания из соседнего «окна»). Все это нередко встречается в примерах общения, носящего скорее фатический характер и имеющего целью поддержать собственно само общение. Если же в каком-то «окне» обсуждается какая-то серьезная для коммуникантов тема, сообщения в которой нужно писать «по делу», то здесь общение будет в меньшей степени испытывать влияние соседних «окон», за исключением, возможно, отдельных слов – жаргонизмов, нарочных искажений («скачать прогу», «йа нипонил») и т. д. И даже в этом случае такие особенности общения возможны только при наличии некоторой «общности» коммуникантов – по возрасту, социальному положению, полу, роду занятий и т. д. Трудно представить подобное общение между начальником и подчиненным в корпоративной сети компании. В случае, если одно из «окон» является как раз «деловым», т. е. происходит общение «основного» пользователя с руководителем или подчиненным, то оно, как правило, выдерживается в деловом тоне, а влияние «соседних» реплик может проявляться только в виде перефразирования («более культурного» написания) тех из них, которые пользователь счел уместными в контексте своей темы беседы (например, «меня поражает Ваша когнитивная простота» или «альтернативно одаренный» вместо разговорного «не тупи»). Иногда, если возможно «ослабление» формальностей, допустимы «смайлики», графические изображения, не нарушающие деловой стиль общения.

Таким образом, степень влияния лексики отдельных «окон» зависит от формальности/неформальности общения, тематики беседы и целей общения в целом, а также от способности «основного» пользователя концентрироваться на конкретных партнерах по

коммуникации, вовремя «переключаясь» между ними и не путая «окна».

Что касается грамматики, то здесь влияние речи коммуникантов на речь «основного» пользователя может проявляться в слитном написании (отсутствии пробелов) выражений и даже целых предложений («ржунимагу», «сделайчтонибудьтыжепрограммист»), «выпадении» дефисов в сложных словах («веб дизайнер» или «вебдизайнер»), а также несоблюдении правил расстановки знаков препинания, причем такие несоблюдения могут варьировать от полного игнорирования каких-либо знаков препинания («я думал он вообще не придет вчера ночью в аэропорт ездил встречал кого то») до использования неоправданно большого их количества («А я, вообще, никак не сделал, потому, что, как нормальный человек, догадался, сначала, прочитав правила, а там, ничего не нужно в таком, случае делать. Это, сарказм, если кто, не понял»). Также нередко написание с маленьких букв, например имен собственных (чтобы не нажимать «лишнюю» клавишу верхнего регистра). И все же здесь «заимствование» определяется, скорее, уровнем грамотности коммуникантов, их личными предпочтениями в плане «хорошего тона» при общении с партнерами, а также временными рамками, которыми они располагают (написание развернутого, грамотного предложения с соблюдением всех правил займет больше времени, чем написание слегка упрощенного текста с тем же смыслом, но без запятых, строчными буквами и т. д.). Подобные «вольности» опять-таки допустимы в условиях «равноправного» общения по возрасту, социальному положению и т. д., а в «деловом» чате, скорее всего, придется соблюдать основные формальности.

Если рассматривать такой аспект, как синтаксис, то в интернет-общении велико влияние разговорной речи (как и в лексике), что выражается в использовании простых, неполных предложений («грустно», «и?»), вообще некоторой «несогласованности» отдельных частей реплик («А если не пытаться защитить страну, ты не понимаешь, что ли, к чему это приведет? Не говоря уже о жизнях простых людей – это то, чего люди хотят, что ли?») – здесь наличие нарушения смысловой и логической структуры, однако если представить, что это именно разговорный стиль, то становится

понятно, что автор сообщения вовсе не имел в виду, что жизни – это не то, что нужно людям). Здесь все зависит от грамотности коммуникантов, а также от уровня эмоциональности, который они хотят продемонстрировать; при этом средства выражения эмоциональности весьма разнообразны – это могут быть восклицательные знаки («Я вообще не об этом!!!»), а также написание всей или части реплики заглавными буквами (это понимается как крик, повышение тона) («Речь идет о СОВЕСТИ, у тебя ее, видимо, нет»). Возможно, в эмоциональном плане «основной» пользователь может зависеть от некоторых партнеров по коммуникации (если в каком-то «окне» идет эмоциональная переписка), и тогда он может начать «говорить», например, на «повышенных» тонах в другом «окне», где использование таких средств вовсе не предполагалось.

Чтобы понять, какой из аспектов интернет-общения в условиях «параллельной коммуникации» наиболее подвержен изменениям из-за влияния языковых средств, необходимо провести более фундаментальные исследования в целях сравнения языковых средств, используемых всеми участниками коммуникации, и оценки их влияния на речь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : автореф. ... канд. филол. наук. – Волгоград : ВГУ, 2001. – 24 с.
2. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
3. *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 40 с.
4. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Перспективы развития концепции «речевой портрет говорящего»: сб. тр. XVII Междунар. науч. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». – М., 2008. – С. 381–382.
5. *Потапова Р. К.* Лингвистическая специфика виртуальной коммуникации (коммуникация в мировой информационной сети) // Новые информационные технологии и лингвистика. – М. : URSS, Либроком, 2014. – 368 с.

УДК 81'42

Д. В. Вяльцева

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ;
e-mail: galdarya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЧИ БЛИЗНЕЦОВ

В статье предпринята попытка проследить основные закономерности развития речи близнецов – как монозиготных, так и гетерозиготных. В работе рассматривается понятие онтолингвистики – науки, предметом которой является речевая деятельность ребенка. Подробно рассматриваются логопедические нормы, характерные для детей в возрасте 6–7 лет.

Была также предпринята попытка выявить особенности развития речи близнецов. В деталях рассматривается понятие криптофазии – тайного языка близнецов. Особое внимание уделяется причинам отставания речевого развития близнецов на начальном этапе онтогенеза речи, а именно – биологическим особенностям, отставанию в сфере интеллекта, феномену «близнецовой ситуации», минимизации общения со взрослыми. В работе также была выдвинута гипотеза о зависимости зиготности близнецов и развития речи.

Ключевые слова: монозиготные близнецы; гетерозиготные близнецы; онтолингвистика; криптофазия; отставание речевого развития; близнецовая ситуация; зиготность близнецов.

Vyaltseva D. V.

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities
and Applied Sciences, MSLU; e-mail: galdarya@yandex.ru

PECULIARITIES OF SPEECH DEVELOPMENT FOR TWINS

The article is an attempt to investigate the main peculiarities of speech development for both types of twins – heterozygous and monozygotic twins. The article deals with the notion of the developmental linguistics, the science that studies speech activity of a child. The paper focuses upon basic logopedic norms that define the speech features of 6–7 year old children.

There is also an attempt to identify peculiarities of twins' language development. The article also gives the detailed examination of the concept «cryptophasia» – secret language of twins. Considerable attention is paid to the reasons for speech backwardness of twins, especially on the initial stage of speech ontogenesis. The reasons are biological characteristics, intelligence problems, the phenomenon of «the twin situation», minimization of communication with parents.

The article also puts forward a hypothesis about the dependency of zygosity of twins and speech development.

Key words: monozygotic twins; heterozygous twins; ontolinguistics; cryptophasia; speech backwardness; twin situation; twin zygosity.

Речь детей изучается во многих отраслях естественно-научных и гуманитарных знаний. В качестве объекта исследования детская речь всегда остается общей для всех речеведческих наук, хотя предмет исследования изменяется в зависимости от специфики той или иной области знаний [3]. Всевозможные результаты экспериментов и исследований, проводимые в области изучения развития речи, заносятся в различные базы данных, предоставляющие пользователю эффективные методы получения и анализа данных, необходимых для принятия оптимального решения [10]. В настоящее время на стыке языкознания и психологии развивается новая научная отрасль – психолингвистика, данные которой все шире используются различными методиками обучения языку [3]. И языкознание, и психолингвистика помогают решить такой сложный вопрос, как развитие и взаимосвязь понятий «язык» и «речь».

Один из разделов психолингвистики, изучающий онтогенез речи и детскую речь, – формирование речевой способности ребенка, возникновение и дальнейшее развитие индивидуального языка и возрастные изменения в языке индивида называется онтолингвистикой [8]. Развитие речи рассматривается как формирование навыков и умений точной, выразительной речи; свободного и уместного использования языковых единиц, соблюдения правил речевого этикета. Экспериментальные исследования, опыт работы свидетельствуют о том, что к старшему дошкольному возрасту дети могут овладеть не только правильной, но и хорошей речью.

Следовательно, в современной методике цель речевого развития детей дошкольного возраста – формирование не только правильной, но и хорошей устной речи, безусловно, с учетом их возрастных особенностей и возможностей [2].

Главной задачей онтолингвистики является развитие связной речи. Это объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, в связной речи реализуется основная функция языка и речи – коммуникативная (общения). Во-вторых, в связной речи наиболее ярко выступает взаимосвязь умственного и речевого развития. В-третьих, в связной речи воплощены и другие задачи речевого развития: формирование словаря, грамматического

строю, фонетической стороны. В ней проявляются все достижения ребенка в овладении родным языком [5].

Говоря о развитии речи детей старшего дошкольного возраста, уместно сосредоточить внимание на логопедических нормах для детей данной возрастной группы.

Развитие речи ребенка в возрасте 5-6 лет. В старшем дошкольном возрасте важной задачей является подготовка ребенка к обучению в школе. В этом возрасте надо учить дошкольника связно и последовательно передавать увиденное, правильно произносить слова и фразы. Словарный запас составляет примерно 2500–3000 слов. Ребенок овладевает связной речью, способен составить рассказ по картинке, пересказать текст в нужной временной и логической последовательности. Речь правильная, но возможны ошибки при построении сложных предложений. Произношение всех звуков правильное [10].

Развитие речи ребенка на 7 году жизни. Словарный запас увеличивается от 3500 до 7000 слов. Присутствуют образные слова и выражения, устойчивые словосочетания («ни свет ни заря», «на скорую руку» и др.) Осваиваются грамматические правила изменения слов и соединения их в предложении [11]. Развивается языковое и речевое внимание, память, логическое мышление и другие психологические предпосылки, необходимые для дальнейшего развития ребенка, его успешного обучения в школе. Произносительная сторона речи ребенка седьмого года жизни достигает довольно высокого уровня [1].

Однако следует отметить, что данные нормы характерны главным образом для детей, которые являются либо единственными детьми в семье, либо у которых имеется старшие, либо младшие сиблинги (от *англ.* sibling – брат или сестра). Иная ситуация наблюдается при развитии речи близнецов, как монозиготных (далее – МЗ)¹, так и гетерозиготных (далее – ГЗ)². Основное различие за-

¹ *Монозиготные близнецы* – результат многоплодной беременности, возникшей в результате оплодотворения одной яйцеклетки и развитию двух или более плодов (близнецов) [4].

² *Гетерозиготные близнецы* – результат многоплодной беременности, возникшей в результате оплодотворения двух и более яйцеклеток и развитию двух или более плодов (близнецов) [4].

ключается главным образом, как утверждают многие ученые, в некотором отставании развития речи близнецов.

Отмечается, что первые слова у одиночнорожденных детей появляются уже к году, что нельзя сказать о близнецах, которые в среднем начинают произносить свои первые слова в возрасте двух лет и позже. Также учеными была выявлена связь между зиготностью, полом и развитием речи детей. Согласно исследованиям, монозиготные дети начинают говорить позже по сравнению с гетерозиготными однополыми детьми [9]. По статистике, мальчики произносят свои первые слова позже, чем девочки. Таким образом, можно сделать вывод, что по сравнению с одиночнорожденными детьми среди близнецов случаи отставания в сроках возникновения речи встречаются намного чаще. Причем этот процент выше у МЗ, чем у ГЗ близнецов и у мальчиков, чем у девочек.

Изучая близнецов в возрасте 2–5 лет, выясняется, что они значительно отстают в речевом развитии по сравнению с одиночнорожденными детьми во всех взятых для исследования возрастах: средняя длина высказывания у близнецов короче, чем у одиночнорожденных детей, словарный запас беднее; они используют в целом незрелые и примитивные конструкции предложений и более ограниченный ряд тех частей речи, которые играют важную роль в когнитивных операциях [7]. Синтаксически и грамматически предложения близнецов короче, паузы между словами и предложения длиннее, чем у одиночнорожденных детей.

П. Миттлер, исследуя близнецов 4-летнего возраста, обнаружил задержку в языковом развитии по сравнению с одиночнорожденными детьми в среднем на 6 месяцев [13]. Однако следует отметить, что данный процесс наблюдается исключительно на раннем этапе овладения языком, после пяти лет речевое развитие детей близнецов полностью соответствует нормам онтолингвистики.

В период времени от двух до девяти с половиной лет близнецы показывают значительное отставание в развитии артикуляционных навыков по сравнению с одиночнорожденными детьми. Похожие результаты были получены для близнецов [12].

При исследовании речи у детей-близнецов были зафиксировали факты косноязычия (неправильное произношение звуков речи, выражающееся в их искажении или замене) не только у старших дошкольников-близнецов, но и у школьников [15].

Многие авторы отмечают, что для речевого развития детей-близнецов, особенно в раннем онтогенезе, вследствие существования между ними тесных внутриварных взаимоотношений, характерен феномен автономного секретного языка, или криптофазия. Под термином «криптофазия» понимается собственный интимный язык близнецов, полный неологизмов и практически не понятный окружающим, считая его одной из особенностей развития речи близнецов на раннем этапе онтогенеза [14].

Изучая психическое развитие пары 5-летних МЗ близнецов-мальчиков, А. Р. Лурия и Ф. Я. Юдович отметили, что их речь состояла главным образом из небольшого количества общеупотребительных слов (чаще всего искаженных) и небольшого числа «автономных» слов и звуков и, таким образом, выпадала из сложившейся системы русского языка. Основной единицей их речи являлось слово, приобретающее значение только в ситуации какого-либо действия [6].

Автономная речь у близнецов имеет свои отличия. Вследствие тесных взаимоотношений близнецов друг с другом и минимизации общения со взрослым речь у них, по-видимому, может развиваться в сторону углубления и усложнения автономной речи, что, в свою очередь, может приводить к непониманию ее даже близкими взрослыми. Более того, постепенно овладевая взрослой речью, близнецы, по-видимому, могут сохранять «секретный» язык для общения между собой, используя его осознанно и произвольно, при этом не пытаясь взаимодействовать посредством него со взрослыми [16]. Обращает на себя внимание и то, что, если автономный язык у одиночнорожденных детей появляется примерно в один год и сравнительно быстро исчезает, уступая место развивающимся формам взрослой речи, то у детей-близнецов большинство исследователей отмечают присутствие криптофазии в 4–6 лет, что может говорить о задержке речевого развития. По-видимому, это влечет за собой и бóльшую частоту случаев косноязычия у детей-близнецов по сравнению с одиночнорожденными детьми не только в дошкольном, но и в школьном возрасте.

А. Р. Лурия и Ф. Я. Юдович показали, что разлучение и помещение близнецов в разные группы детского сада создает объективные благоприятные условия для развития их речи и поднимает ее до уровня речи детей данного возраста.

По результатам исследований можно сделать вывод, что отставание в развитии социализированной речи у детей-близнецов

наблюдается только в раннем и дошкольном возрастных периодах, в то время как в старшем возрасте отставания не столь явны. При этом речь у близнецов дольше, чем у одиночнорожденных детей, носит ситуативный, непосредственный характер, что и объясняет частое использование ими в речи эмоционально окрашенных высказываний [6].

Отставания близнецов в речевом развитии исследователи объясняют главным образом: биологическими особенностями; отставанием в сфере интеллекта; феноменом «близнецовой ситуации»; минимизацией общения с взрослым [16].

Биологические особенности. Известно, что близнецы (МЗ чаще, чем ДЗ) подвержены большему риску осложнений и аномалий развития в пре- и перинатальном периоде, чем одиночнорожденные дети (трансфузионный синдром, химеризм, ягодичное предлежание плода, гипоксия мозга, внутричерепные кровоизлияния), они чаще рождаются недоношенными. Большой риск при рождении близнецов отражен в высоком проценте смертности близнецов – 3–4 %, что превышает мертворожденность в 2–3 раза. Для второго по порядку рождения близнеца эта опасность выше. Эти биологические факторы риска могут прямо или косвенно влиять на их последующее постнатальное (в том числе и психическое) развитие.

Отставание в интеллектуальном развитии. Поскольку при многоплодной беременности существуют негативные факторы внутриутробного развития и родов, они могут влиять и на задержку в интеллектуальном развитии близнецов, а последнее – на отставание в речевом развитии.

Близнецовая ситуация. Многие исследователи утверждают, что именно феномен «близнецовой ситуации» ответствен за отставание детей-близнецов в речевом развитии [4]. Близнецовая ситуация обычно определяется как ситуация взаимодействия двух (или более) детей-близнецов, которые, развиваясь в одной среде, являются удовлетворяющими друг друга партнерами по общению и, вследствие этого, не имеют потребности в общении со взрослыми и другими детьми. Однако данный феномен уместно принимать во внимание только в том случае, когда на развитие речи детей влияют некоторые негативные факторы (неполная семья, операция одного из близнецов и т. д.)

Минимизация общения со взрослым. Данный фактор, сопутствующий феномену «близнецовой ситуации», по-видимому,

оказывает существенное влияние на речевое развитие близнецов. Общаясь в условиях близнецовой ситуации и при не меньшей, чем у одиночнорожденных детей, потребности взаимодействовать со взрослым, близнец склонен к диадическому характеру беседы с ним, нежели к триадической схеме ведения разговора, которой им необходимо учиться в рамках близнецовой ситуации. Эта форма межсубъектного вербального общения трудна и для близнецов, и для взрослых: у первых она составляла только 6,49 % всей речевой деятельности за период наблюдения, хотя у взрослых она наблюдалась более часто и составляла 11,48 %. Таким образом, преобладание в общении близнецов с родителями диадической формы общения ведет к уменьшению доли вербального взаимодействия родителя с каждым близнецом в отдельности [14].

П. Миттлер, изучая особенности вербального взаимодействия родителей и детей в семьях с близнецами и одиночнорожденными детьми в 15 и в 21 месяц в процессе совместных игр в домашней среде, пришли к выводу, что матери близнецов так же активны в вербальном взаимодействии с их детьми, как и матери одиночнорожденных детей. Однако триадический характер общения в близнецовой ситуации существенно сужает речевую среду каждого близнеца, так как матери приходится часто переключать внимание с одного ребенка на другого. Что триадический характер коммуникации между матерью и близнецами является одним из главных, хотя и не единственным фактором задержки в развитии языка и в возникновении проблем с навыками чтения в будущем [12]

Помимо вышеперечисленных причин отставания в речевом развитии, существуют как специфические для близнецов (зиготность), так и общие для всех детей (пол, социоэкономический статус и уровень образования родителей, порядковый номер рождения) факторы, влияющие на различия внутри близнецовой популяции.

Различия по зиготности. В целом ГЗ имеют лучшие, чем у МЗ близнецов, оценки речевого развития. Однако отмечается, что разнополые ГЗ близнецы занимают в речевом развитии промежуточное положение между МЗ и однополыми ГЗ близнецами. По мнению исследователя, пока еще трудно найти какое-либо адекватное объяснение этому феномену.

Половые различия. В своем исследовании П. Миттлер показал, что девочки-близнецы явно обнаруживали более высокий уровень речевого развития, чем близнецы-мальчики, хотя

у одиночнорожденных детей различия по полу более отчетливы. Х. Кох отмечает, что ДЗ близнецы-девочки из однополых пар показывают наиболее высокие оценки речевого развития по сравнению не только со всеми другими различными по зиготности и полу группами близнецов, но и с их одиночнорожденными сверстницами. Они получили самые высокие оценки и по всем измерениям социального поведения [14].

Социальноэкономический статус и образовательный уровень родителей. При исследовании близнецов обнаружилось, что в семьях с низким социальноэкономическим статусом близнецы более существенно задерживались в речевом развитии, чем дети-близнецы из семей, обладающих более высоким социальноэкономическим статусом. Причем, по сравнению с данными по одиночнорожденным детям, принадлежность семей к низшим социальным классам имеет более выраженное негативное влияние на речевое развитие близнецов, нежели одиночнорожденных детей [15].

Исследования речевого развития близнецов в сравнении с одиночнорожденными детьми дают основания утверждать, что в отставании близнецов в речи, по-видимому, большую роль играют психологические, нежели биологические факторы. Вместе с тем вышеизложенные факты позволяют утверждать, что в случае близнецов можно говорить не только о количественных различиях в речевом развитии, но и о качественно своеобразном пути овладения речью в рамках близнецовой ситуации.

Говоря о монозиготных и гетерозиготных близнецах, следует отметить, что связь и отношения между однойцовыми близнецами намного крепче и теснее по сравнению с разнойцовыми. Следовательно, можно предположить, что и речевые различия у таких детей будут минимальными. Даже с возрастом эта тенденция сохраняется. Если при рождении вес у детей значительно отличался, то с большой вероятностью можно утверждать, что к началу пубертатного периода эти различия будут минимальны. То же самое можно сказать и о речи. Вплоть до подросткового возраста монозиготные близнецы сохраняют свой тайный язык. Даже разлученные в детстве близнецы выбирают очень похожие профессии, близкие по уровню сложности, двигательным навыкам и физическим нагрузкам. Кроме того, разлученные близнецы демонстрируют одинаковые вкусы, будь то увлечения, бытовые привычки, кулинарные

пристрастия и выбор языковых средств. Эмоциональная и психическая связь и вместе с тем вербальные отношения у монозиготных близнецов сохраняются на долгое время. Их идентичность и зависимость друг от друга в большей части случаев не позволяет им развиваться отдельно друг от друга, и даже становясь взрослыми и выбирая свой жизненный путь, они часто неосознанно выбирают те же условия жизни, что и их братья или сестры.

Что же касается гетерозиготных близнецов, то здесь ситуация несколько иная. В большинстве случаев такие дети, как и монозиготные близнецы, сильно привязаны друг к другу. Для них также характерно речевое отставание и использование криптофазии. Однако если при рождении один из близнецов слабее, то чаще всего это различие сохранится. Неидентичные могут показывать свою индивидуальность, и все видят эту разницу, однако и у них тоже есть преимущества: они не нуждаются в постороннем собеседнике. С возрастом, у таких детей больше шансов стать независимым от брата или сестры-близнеца. С большой вероятностью можно утверждать, что уже в юности взрослые гетерозиготные близнецы имеют свои индивидуальные речевые особенности и свою модель поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М. : Лабиринт, 1996. – 416 с.
2. *Выготский Л. С.* Вопросы детской психологии. – СПб. : Союз, 1997. – 224 с.
3. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.
4. *Канаев И. И.* Близнецы. Очерки по вопросам многоплодия. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 255–257, 301–302.
5. *Лепская Н. И.* Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). – М. : 1997. – 376 с.
6. *Лурия А. Р., Юдович Ф. Я.* Речь и развитие психических процессов у ребенка. – М., 1956. – 93 с.
7. *Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б., Виленская Г. А., Дозорцева А. В.* Развитие близнецов и особенности их воспитания. – М. : Институт психологии РАН, 1996. – 68 с.
8. *Ушакова Т. Н.* Психолингвистика: учебник для гуманитарных специальностей. – СПб. : 2000. – 165 с.
9. *Фридрих В.* Близнецы. – М. : Прогресс, 1985. – 216 с.

10. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. – М.: Владос, 2000. – 280 с.
11. *Шахнарович А.М.* Детская речь в зеркале психолингвистики. – М.: 1999. – 254 с.
12. *Koch Helen L.* Twins and twin relations. – Chicago, IL. : Chicago University Press, 1966. – 318 p.
13. *Mittler P.* Biological and social aspects of language development in twins. *Developmental Medicine and Child Neurology*, 1970. – Vol. 12/6. – P. 741–757.
14. *Mittler P.* Language development in young twins: biological, genetic and social aspects. *Acta geneticae medicae et gemellologicae*, 1976. – Vol. 25. – P. 359–365.
15. *Mogford K.* Language development in twins. Language development in exceptional circumstances. – Edinburgh : Churchill, Livingston, 1998. – P. 80–95.
16. *Reznick J. S.* Intelligence, language, nature and nurture in young twins. Intelligence, heredity and environment. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 483–504.

УДК 81'33

Н. И. Горожанина

докторант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ;
e-mail: nigorozhanina@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА, ГОВОРЯЩЕГО НА ОСНОВЕ ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВОГО АНАЛИЗА

(на примере публичного выступления Г. Коля)

В статье рассматриваются проблемы прикладной фонетики публичного выступления; предпринимается попытка реконструировать речевой портрет говорящего в исторической перспективе в рамках межкультурной коммуникации и сравнить его с дошедшими до нас данными и воспоминаниями об ораторе.

Ключевые слова: языкознание; фонетика; идентификация речи; межкультурная коммуникация.

Gorozhanina N. I.

Post-doctoral Scholar, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: nigorozhanina@yandex.ru

THE SPEAKER'S VOICE PROFILE BASED ON THE PERCEPTUAL ACOUSTIC ANALYSIS (Public Speech of Helmut Kohl)

The paper deals with a problem of applied phonetics and public speech. The historical reconstruction of a voice profile of a speaker in the framework of intercultural communication is attempted. The voice profile is compared with the data and reminiscences about the speaker available today

Key words: linguistics; phonetics; speech identification; voice-print identification; intercultural communication, phonetics.

Актуальность данного исследования вызвана возросшим интересом к звучащей речи, ее возможностям и роли в процессе коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, характеризуется такими функциями, как, например, «информирующая (информативная), эмотивная, фатическая, оценочная, побудительная, запретительная, идентифицирующая, т. е. относящаяся к характеристикам индивидуального “портрета” говорящего» [4, с. 13]. Изучение специфики коммуникации напрямую связано с изучением роли звучащей речи в процессе коммуникации.

Для того чтобы рассмотреть речь «под микроскопом» и определить ее «элементарные частицы» [4, с. 14], нужно было разработать новые подходы, специальные методики и инструментариум. Это послужило одним из оснований для возникновения в середине XX в. такого научного междисциплинарного направления в лингвистике, как *речеведение* (термин Р. К. Потаповой).

Сложность задач, стоящих перед речеведением, вызвана еще и тем, что в центр внимания исследования попадает не только сам продукт, т. е. звучащий текст, но и целый ряд «сопутствующих» факторов, связанных с «психологической установкой говорящего и слушающего, их эмоциональным состоянием, предшествующим опытом, пресуппозицией и т. д.» [4, с. 15].

Восприятие интерпретации слушающим говорящего в рамках межкультурной коммуникации накладывает на саму коммуникацию определенный «фильтр» восприятия. Попытка проследить закономерности этой «фильтрации» посредством перцептивно-слухового исследования и определяет задачи, стоящие перед нами в рамках данного эксперимента.

Объективные данные биографии и воспоминания людей, знавших Г. Коля лично и оставивших воспоминания о его ораторском опыте, позволят нам получить более полный речевой портрет говорящего с учетом исторической перспективы и увидеть универсалии и особенности восприятия риторика в рамках межкультурной коммуникации.

Личность Г. Коля на политическом небосклоне ФРГ неоднозначна. Он – профессиональный политик, после объединения Германии в 1990 г. «утвердил за собой право называться первым послевоенным “канцлером всех немцев”» [1], единственный канцлер, которому удалось занимать этот пост два раза подряд по 8 лет, т. е. 16 лет (согласно Конституции, максимально можно быть выбранным на пост канцлера 2 раза подряд по 4 года, т. е. на 8 лет).

Еще будучи школьником, он проявлял качества, подчеркивающие его «особый статус» («... die seinen „Sonderstatus“ begründeten») [8, с. 37–38]. Учителя и ученики знали, что Коля не позволит сложностям заставить его свернуть с пути («dass er sich durch Hindernisse nicht so einfach von seinem Weg abbringen lässt») [8, с. 37–38]. Он говорит то, что думает, и то, что в его устах звучит

иронично, таковым и задумывалось им («Was zuweilen ironisch klingt, ist auch so gemeint») [8, с. 37–38].

К выдающимся качествам Г. Коля относилось умение привлекать и привязывать к себе людей («Menschen für sich einzunehmen und an sich zu binden») [6, с. 56]. В политику он перенес мир личных отношений. И это позволяло ему чувствовать себя хорошо. («Kohl hat die Welt der privaten, der familiären Beziehungen in die der Politik übertragen. Nur so fühlte er sich wohl») [7, с. 261]. Большое значение Коль придавал личным контактам с сотрудниками, без разницы, получал ли он от этого собственную выгоду или просто из стремления к «гармонии» («Großen Wert legte er auf den privaten Kontakt mit seinen Mitarbeitern, sei es aus Eigennutz oder aus Harmoniestreben») [6, с. 121].

Его публичные выступления отмечались тем, что он обращался непосредственно к слушающим. («Er sprach sie direkt an») [6, с. 74]. Коль говорил как практик («Da sprach der Praktiker» [6, с. 74]). Он не относился к тем, кто говорил о планах на будущее, перспективах, видениях; среди прагматиков он был самым прагматичным («Da Kohl nicht zu denen gehört, die Zukunftspläne, Perspektiven und Visionen entwickeln, sondern unter den Pragmatikern der Pragmatischste ist...») [6, с. 332]. И, возможно, именно это было причиной неприятия его интеллигенцией, которая часто высмеивала его («Er wurde ... von den Intellektuellen gelegentlich verspottet») [5, с. 320]. Коль был канцлером, над которым смеялись, называя его «грушей» («Kohl war der belächelte Kanzler, „die Birne“») [9, с. 257]. Он характеризовался эстетамы от политики как неумелый оратор, выглядевший неспортивно, как человек, который даже не пытается скрыть свой характер и свой диалект («Er ist kein gewandter Redner, hat keine sportliche Erscheinung und ist ein Mensch, der seine Gemütsart ebenso wenig wie seine Mundart zu verbergen weiß») [5, с. 259].

Отношение к нему коллег по партии также было неоднозначным. В 1972 г. Штраус (ХДС) так охарактеризовал Г. Коля: «Он совершенно неспособен, ему не хватает выделяющих его духовных и политических предпосылок, у него ничего нет, чтобы быть кандидатом на пост канцлера». Далее он говорил о «политическом пигмее» ХДС, о карлике, размером «с карман жилетки», политике массового тиража («1972 Strauß hatte von Kohl gesagt: „Er ist total

unfähig. Ihm fehlen die charakterlichen, die geistigen und die politischen Voraussetzungen. Ihm fehlt alles für einen Kanzlerkandidaten“ Er hatte ferner von den „politischen Pygmäen“ der CDU gesprochen, «die nur um ihre Wahlkreise bangen, diese Zwerge im Westentaschenformat, diese Reclam-Ausgabe von Politikern...») [5, с. 246].

Однако события 1989 г. изменили ситуацию. Г. Коля стал восприниматься как «канцлер немецкого единства» [3]. Несмотря на то, что у него проявлялись признаки страха «провалиться», поскольку он и сам не считал себя блестящим оратором («bei ihm kamen alte Versagensängste wieder hoch: für einen glänzenden Redner hielt nicht einmal er sich selbst») [6, с. 487], его публичное выступление в Дрездене в декабре 1989 г. оценивается очень высоко. Очевидцы рассказывают, что впервые за 40 лет политической карьеры Колю удалось словами и жестами воодушевить десятки тысяч людей, управлять, «дирижировать» ими. Теми же словами, которыми он говорил со своей публикой на рыночных площадях старой Федеративной Республики, где его слушали недовольные и собранные «под заказ» слушатели, отвечавшие ему дежурными аплодисментами, ему удалось в Дрездене вызвать у публики восхищение. («Mit ihr gelang es Kohl zum ersten Mal in seiner vierzigjährigen Rednerkarriere, eine Menge von mehreren Zehntausend Menschen mit Worten und Gesten zu inspirieren, zu lenken und zu dirigieren. Mit dem gleichen Vokabular, mit dem er auf den Marktplätzen der alten Bundesrepublik sein Publikum ansprach, wo ihm meist missgelaunte und bestellte Zuhörer gleichgültig, allenfalls höflich lauschten und Routinebeifall spendeten, mit dem gleichen Vokabular riss er in Dresden die Massen zu Begeisterungstürmen hin») [6, с. 496]. Слова выходили из глубины его мощной груди («... die Worte, die er aus der Tiefe seines gewaltigen Brustkorbs hervorholte») [6, с. 496].

Автор сравнивает единение оратора и публики с выступлением античного хора («...als führten der Redner und sein Publikum einen antiken Sprechgesang auf») [6, с. 496]. Это описание ярко демонстрирует высокий уровень принятия Г. Коля как оратора, политика, лидера, что отразилось и на самом публичном выступлении.

В рамках предварительного и основного перцептивно-слухового эксперимента для экспертной оценки двум группам аудиторов (носители немецкого языка – НН, n = 20; носители русского языка – НР, n=20) была предложена запись выступления Гельмута Коля.

Общее время звучания его выступлений составило 120 минут. Для анализа был выбран отрывок выступления на митинге у Бранденбургских ворот в Берлине в 1989 г. Это историческое событие состоялось непосредственно после триумфального выступления Коля в Дрездене. Запись, предлагаемая для анализа, состоит из 3-х частей: начало выступления (50 сек), середина (56 сек), конец выступления (43 сек). В рамках данной статьи будут представлены результаты оценок 10 аудиторов (НН = 5, НР = 5). На данном этапе исследования результаты, полученные в ходе эксперимента от 10 аудиторов, позволят установить общие тенденции, необходимые для последующей корректировки основного эксперимента.

Аудиторам предлагалось ответить на вопросы анкеты, разработанной Р. К. Потаповой. Анализировались фонетические, языковые, физиолого-антропологические, физические, эмоциональные характеристики оратора.

В результате проведенного перцептивно-слухового анализа было установлено, что при описании **фонетических характеристик** говорящего НН характеризовали *высоту голоса* как «средняя», с тенденцией «выше средней», НР также определяли как «средняя», однако с тенденцией к «низкой» высоте тона голоса. *Диапазон изменения высоты* тона голоса НН характеризовался как «средний» (60–80 %), с тенденцией «узкий»; НР не были однозначны в своих ответах, встречаются характеристики «широкий – средний – узкий – очень узкий». *Мелодический рисунок* НН и НР описывают как «плавный», однако НН маркируют его как «монотонный», что соответствует практически полному отсутствию колебания диапазона изменения высоты тона голоса. При описании *темпа речи* НН и НР едины во мнении: «медленный» – «средний». Данный темп речи можно считать универсальным для стиля публичного выступления. Отсутствие *пауз* хезитации и наличие «средних» и «длинных» пауз в речи Г. Коля также можно отнести к универсальным характеристикам стиля публичного выступления. «Большая», с тенденцией к «средняя» сила голоса отмечается как НН, так и НР. Наивысшая сила голоса отмечается в начале выступления (А-отрезок). Наибольшее разнообразие наблюдается в восприятии *тембра* голоса. Это позволяет нам предположить, что именно здесь проявляются индивидуальные особенности аудиторов. Однако можно проследить тенденции: НН чаще харак-

теризуют окраску голоса Г. Коля как «глухой – звонкий – чистый – жесткий – приятный». Степень и средства *различия ударных и безударных* слогов во фразе носит языковые различия аудиторов. НН отмечали небольшую разницу, осуществляющуюся за счет изменения громкости и высоты тона голоса. НР чаще всего отмечали «не различаются» и, видимо, это явилось причиной отсутствия выделения ведущей характеристики различия ударных и безударных слогов во фразе. Русское ухо воспринимает наличие / отсутствие качественной редукции ударных гласных и связанные с эти временные характеристики слогов, что в немецком языке отсутствует. С восприятием различия ударных-безударных слогов связан и вопрос о *четкости произнесения звуков и слогов*. НН в 100 % случаев отвечают как «четкое», у НР нет однозначного ответа «четкое – нечеткое». *Речевое дыхание* чаще всего как НН, так и НР характеризуют как «нормальное» (80 % – 60 %), *речевой ритм* «чеканный» (НН 80 % – 100 %, НР 60 % – 80 %). Две последние характеристики также могут быть отнесены к универсальным, поскольку «сбой» речевого дыхания напрямую связан с усилением эмоционального состояния оратора, а восприятие ритма как «чеканного» соответствует ситуации реализации риторического произведения.

Языковые характеристики оратора. *Родной язык* оратора: НН «родной» – 100 %, «литературный» – 60 %, «диалектально окрашенный» – 60 %; НР «родной» – 80 %, определение диалектальной окраски вызвало затруднение, встречаются все возможные варианты ответа «литературный – диалект – диалектально окрашенный». Уровень языковой подготовки аудиторов – НР соответствует ступени В1, что, с нашей точки зрения, недостаточно для распознавания диалектальной окраски речи оратора. С точки зрения аудиторов (НН и НР), оратор владеет литературным разговорным, профессионально ориентированным языком. НР предполагают, что оратор имеет публичную профессию (60 %). *Образовательный статус* оратора НН однозначно описываются как «высшее образование». НН считают, что он получил высшее техническое образование. (В 1950 г. Г. Коль поступил на юридический факультет университета г. Франкфурт-на-Майне, в 1951 г. перевелся в Гайдельбергский университет, где изучал историю и общественно-политические науки. В 1956 г. его закончил. В 1958 г. Г. Коль защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Политическое развитие Пфальца

и возрождение партий после 1945 г.)). *Социальный и экономический статус* НН определяют как «высокий», НР констатируют наличие у оратора высшего образования, однако они не дают однозначного ответа ни на вопрос о социальном, ни на вопрос об экономическом статусе. При определении *функционального стиля* НН и НР были едины во мнении – «публичная речь». Определяя вид *речевой деятельности и коммуникативный акт*, НН говорят о «подготовленном – квазиподготовленном монологе», представляющем собой «объявление, сообщение». НР в 80 % случаев ведут речь о «подготовленной» «объявлении, сообщении».

Физиолого-антропологический облик оратора НН и НР был описан однозначно. Оратор – мужчина в возрасте 55–65 лет (100 % – НН, 80 % – НР) (Г. Коль родился 3 апреля 1930 года, на момент выступления ему было 59 лет), выше среднего – высокого роста, среднего – полного телосложения. Следует отметить, что 40 % НН считают, что Г. Коль был очень полным, а 40 % НР характеризует его как человека среднего роста. «Рост 193 см, вес – за 120 кг – оказаться самой крупной фигурой в немецкой политике ему было дано от природы» [2].

При описании **физического и эмоционального состояния** оратора НН отмечают некую «гнусавость» и «шепелявость». НР не отмечают каких-либо *дефектов речи*. Общее *эмоциональное состояние* описывается слабыми (положительными и отрицательными) и нейтральными эмоциями (НН: «тревожность, деловитость, тихую радость», НР: «тревожность, отстраненность, воодушевленность»). Общее *психическое состояние* соответствует норме (НН и НР).

Заключительный блок вопросов касается **эмоциональной реакции** аудиторов на **речевое высказывание** и на **голос** оратора. У НН это «слабые отрицательные – нейтральные» эмоции, голос оценивается как «положительный», с тенденцией «нейтральный». У НР вызвало затруднение описать свою эмоциональную реакцию на речевое высказывание Г. Коля. Голос определяется как «нейтральный», с тенденцией «положительный».

В заключение следует подчеркнуть, что «речевой портрет оратора» состоит как из универсально-типологических, фонетических характеристик, так и специфических, конкретно языковых, культурно и социально обусловленных. Голос и речь оратора несут

информацию об отношении оратора к собеседнику, высказыванию и ситуации в целом, о его физиологических, психических, психологических и интеллектуальных особенностях. Изложенные в статье результаты, полученные в ходе перцептивно-слухового анализа публичного выступления Г. Коля, и сопоставление полученных данных с воспоминаниями его соратников, показали возможность получения достоверных данных о риторике с учетом исторической перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вяткин К. С.* Гельмут Коль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historystudies.org/2012/06/vyatkin-k-s-gelmut-kol/>
2. Гельмут Коль отмечает 80-летний юбилей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/35639/2/>
3. Знаменитости: Гельмут Коль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qoos.ru/people/politicians/helmutkohl/>
4. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 464 с.
5. *Dönhoff Marion Gräfin.* Deutschland, deine Kanzler // Die Geschichte der Bundesrepublik 1949–1999. Siedler. – München: Albrecht Knaus Verlag, 1999. – 365 S.
6. *Dreher K.* Helmut Kohl: Leben mit Macht. – Stuttgart: Deutscher Verlag-Anstalt, 1998. – 671 S.
7. *Fetscher I.* Helmut Kohl // Sie prägen Deutschland: Eine Geschichte der Bundesrepublik in politischen Portraits / Hrsg. von Hans Sarkowicz. – München: C. H. Beck, 1999. – S. 259–271.
8. *Maser W.* Helmut Kohl: Der deutsche Kanzler; Biographie. – 2. Aufl. – Berlin–Frankfurt a./M.: Ullstein, 1990. – 380 S.
9. *Prantl H.* Richard von Weizsäcker // Sie prägen Deutschland: Eine Geschichte der Bundesrepublik in politischen Portraits / Hrsg. von Hans Sarkowicz. – München: C. H. Beck, 1999. – S. 249–258.

УДК 612.858.74

Ю. А. Гусакова (Елемешина), И. В. Курьянова

Гусакова Ю. А. (Елемешина), аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: yulia.elemeshina@yandex.ru

Курьянова И. В., аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: ivkuryanova@mail.ru

СЕГМЕНТАЦИЯ РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ДИКТОРА

В статье рассматривается актуальный вопрос инструментальной фонетики – проблема сегментации устной речи иноязычного диктора с целью его последующей идентификации. В работе описаны возможные критерии сегментации – качественные и количественные характеристики звучащей речи, например речевые паузы и интонация, а также их акустические корреляты (частота основного тона, интенсивность и длительность), позволяющие эксперту обнаружить конкретные сегментные единицы в иноязычной речи (слоги, слова и т. д.), описать их структуру, выделить основные признаки. Дается характеристика структурно-мелодического анализа звучащей речи как одного из методов идентификации говорящего на иностранном языке.

Ключевые слова: сегментация речевого сигнала; идентификация по голосу и речи; метод идентификации на основе сравнения мелодических структур опорных фрагментов речевого сигнала.

Gusakova (Elemeshina) Y. A.

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: yulia.elemeshina@yandex.ru

Kuryanova I. V.

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: ivkuryanova@mail.ru

SPEECH SEGMENTATION WHEN PERFORMING FOREIGN LANGUAGE SPEAKER IDENTIFICATION RESEARCH

The article deals with the topical issue of instrumental phonetics that is foreign speech segmentation for the purpose of further speaker identification. The paper presents potential segmentation criteria i.e. qualitative and quantitative

utterance features. They are, for instance, speech pauses, intonation and their acoustic correlates (voice pitch frequency, intension and continuance), which allow to find out certain segmental units of foreign speech (syllables, words, etc.), to describe their structure and to determinate main features. It is described foreign language speaker identification method based on the comparison of utterance pitch contour parameters.

Key words: speech segmentation; speech and voice identification; speaker identification method based on the comparison of utterance pitch contour parameters.

Проблема достоверной сегментации слитной речи приобретает особое значение при идентификации говорящего по голосу и речи в рамках проведения фоноскопической экспертизы. Решение этой задачи в настоящее время немыслимо без использования различного рода автоматизированных и полуавтоматизированных систем идентификации. Актуальность идентификации дикторов, говорящих на иностранных языках, экспертом, не владеющим данным языком, с каждым годом возрастает. Эта проблема получила широкий резонанс как у экспертов различных правоохранительных структур, так и у лингвистов, психологов и психолингвистов. Традиционные подходы к задаче идентификации говорящего опираются на субъективные методы: слуховое опознание и сравнение акустических представлений, основная проблема заключается в том, что эксперту, не владеющему исследуемым языком, приходится исключать категорию «смысл» при восприятии иноязычной речи.

Первые исследования в области применения автоматизированных систем идентификации были проведены за рубежом и основывались на методиках криминалистической идентификации говорящего, принятых в США, Германии, Великобритании. В России первые исследования с учетом потребностей криминалистики, посвященные данной проблеме, проводились на материале английского, немецкого и французского языков, где анализировались особенности восприятия носителями русского языка, не владеющими вышеперечисленными языками, сегментных и супraseгментных, а также ритмо-мелодических характеристик речи указанных языков [8, с. 240]. Основное внимание в зарубежных методиках уделялось аппаратным средствам исследования речевого сигнала, а также перцептивному анализу применительно к сегментному и супraseгментному уровням языка.

Аппаратно-программный комплекс по идентификации по голосу и речи лиц, говорящих на таджикском, цыганском, узбекском, азербайджанском и киргизском языках (АПК «Этнос»), стоящий на вооружении в экспертно-криминалистических подразделениях Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, включает последние научные разработки российских и зарубежных ученых в области речевых технологий и основан на комплексном использовании *трех направлений методов*: автоматических, автоматизированных и экспертно-аудитивных (слуховых и лингвистических) методов.

Метод идентификации на основе сравнения мелодических структур опорных фрагментов речевого сигнала является одним из автоматизированных методов и позволяет эксперту анализировать и сравнивать основные характеристики мелодических структур в речи говорящего, поэтому исследование фонетической структурированности составляющих звучащего текста приобрело большую актуальность в связи с поиском принципов сегментации, необходимых для решения данной задачи. Изучение любого звучащего речевого сообщения предполагает предварительную сегментацию этого сообщения с выделением ключевых сегментов и их признаков, отношений между ними, их структурной организации с целью дальнейшего распознавания и понимания последнего. При этом встает вопрос определения самих единиц сегментации речевого высказывания, методики, критериев их обнаружения, специфики и форм взаимодействия.

Сегментация письменного текста не представляет такой трудности благодаря дискретности букв, пробелов и знаков пунктуации. Иное дело – звучащая речь, в которой сочетаются звуки, слоги и слова, которые разграничиваются только благодаря предшествующему языковому опыту коммуниканта.

Процессы фонации и артикуляции обуславливают деление речевого высказывания на составляющие: минимальные (звук, слог) и максимальные (текст, дискурс). Слоги и слова в одних случаях выступают как дискретные единицы, иногда же кажутся «неорганизованным» потоком. Дискретность реализуется через знание системы того или иного языка, а также зависит от тренированности лингвистического слуха коммуниканта, его способности «узнавать» и адекватно вычленять те или иные речевые компоненты высказывания.

Непрерывные движения артикуляторных органов в процессе речепроизводства находят отражение в изменениях акустических характеристик, фиксируемых на спектрограмме. Дискретные явления при этом характеризуются специфическими признаками. Так, дискретными являются акустические корреляты таких признаков, как наличие / отсутствие голоса при произнесении звуков, полное или частичное закрытие рта, смыкание и размыкание мягкого нёба [5, с. 263]. Относительная дискретность речевого потока делает более реальной сегментацию кепстральных изображений на отрезки, соответствующие разным типам звуков, их частей и сочетаний. Резкие изменения кепстральной картины во времени, связанные с изменением конфигурации источника и речевого тракта, в целом могут быть использованы в качестве условных маркеров при членении речи. При этом каждый язык располагает своей системой акустических признаков сегментации, сосуществующей с универсальной системой средств разграничения [5, с. 263].

Поиск объективных критериев вычленения из непрерывного потока речи ограниченного числа элементарных отрезков в масштабе звука невозможен без учета сведений об объективных признаках границ таких единиц речи, как слоги, фонетические слова, фразы и т. д. [5, с. 263]. Реализация речевой сегментной цепи невозможна без изменения на определенных участках конфигурации одного или более акустических признаков. При этом некоторые акустические характеристики, например наличие/отсутствие частоты основного тона, необязательно могут изменяться одновременно, а способны удерживаться на протяжении относительно больших речевых отрезков, включающих целую звуковую последовательность.

С одной стороны, акустические признаки разграничения возникают как следствие изменения характера примыкания соседних граничащих звуков (контактное примыкание звуков в слого, дистантное примыкание звуков на границе слогов), с другой – могут сигнализировать о самом факте наличия пограничных сигналов, тип и локализация которых зависят от специфики структуры конкретного языка, т. е. для различных языков система акустических признаков сегментации различна. Процесс анализа может проходить как последовательно, т. е. распознаются сегмент за сегментом, так и одновременно.

Вычленяемые речевые сегменты можно условно разделить на макро-, медиа- и микроуровневые. При сегментации на микроуровне анализируются звуковые, интерзвуковые (сочетания двух соседних звуков), а также межзвуковые переходные процессы, смычки, фрикации, эксплозии и т. д. Объектами макросегментации являются синтагмы, речевые такты, ритмические группы, фразы, сверхфразовые единства, фоноабзацы. Промежуточное положение между микро- и макросегментацией занимает фонетическое слово (ритмическая структура) – объект медиасегментации [5, с. 272].

При этом не следует говорить об универсальном способе формальной сегментации речи. В зависимости от характера сигнала можно идти от описания акустических признаков границ сегментов меньших звука, к описанию акустических границ звуков и далее к описанию акустических границ слога, фонетического слова, синтагмы, фразы, сверхфразового единства. Эта же последовательность может быть и обратной, если использовать в качестве исходной отправной точки анализа более крупный сегмент. Если рассматривать ту же самую иерархию в синтагматике, т. е. в процессе развертывания речевого высказывания в процессе речевой деятельности, то особую сложность для сегментации будет представлять слог по сравнению с возможностью вычленения таких сегментов, как фонетическое слово, синтагма или фраза. Последние характеризуются рядом признаков, которые позволяют объединить их в систему акустических коррелятов пограничных сигналов, что значительно облегчает процедуру вычленения их в потоке речи [7, с. 53].

Одной из задач поиска разграничительных средств слитной речи является определение сориентированного на звукоречевой характер коммуникации критерия, позволяющего сегментировать слитную речь на определенные участки. В качестве критерия сегментации могут рассматриваться качественные и количественные характеристики, которые в речевой коммуникации появляются только изредка, как, например, речевые паузы, или же функционируют постоянно, как, например, интонация. Характерные изменения этих признаков могут служить признаками разграничения. Исследования просодических характеристик в речевом потоке показывают, что все просодические изменения способствуют делению

целого на более мелкие единицы (информационные и смысловые), с одной стороны, и выделению структуры фразы – с другой.

Каждой смысловой единице в семантическом плане соответствует некое единство в акустическом плане. Просодически это единство определяется своими границами и может соответствовать одному или нескольким словам или же фразам. Одним из акустических коррелятов такого единства является подъем частоты основного тона, который настолько отличается от всего тона во фразе, насколько говорящий выделяет данную смысловую единицу.

Из трех просодических характеристик (частоты основного тона, интенсивности и длительности) при определении акустического коррелята стыка при сегментации наиболее информативной выступает временная характеристика (длительность). Наличие любого высказывания предопределяет присутствие в нем паузы, которая рассматривается как пограничный сигнал и связана с актом смыслового кодирования и декодирования текста. Локализация пауз в тексте связана с его коммуникативной направленностью, а также с умением говорящего кодировать текст, физиологическим состоянием коммуникантов. Пауза в речи трактуется как падение уровня интенсивности до нуля на минимальном временном участке, длительность которого в среднем приравнивается к 10 мс. При этом перерыв в звучании может быть как внутри звука – так называемая интрасегментная пауза, так и за его пределами, тогда говорят об интерсегментной паузе. Интрасегментные паузы появляются в процессе артикулирования звуков, например при произнесении взрывных согласных, при этом в таких случаях принято говорить о перерывах в звучании, а не о собственно паузах. Интерсегментные паузы, в свою очередь, делятся на синтаксические и несинтаксические (например, эмфатические, паузы хезитации и др.). Синтаксические паузы реализуют членение предложения, а также объединяют части высказывания в единое целое.

Принимая во внимание возможность реализации пауз практически в любом месте высказывания, можно говорить о различных типах реализации мелодического контура во фразе. Система мелодических контуров, особенно в сочетании с паузацией, дает возможность членить звучащий текст достаточно полно и разнообразно. В качестве признаков сегментации акустического

речевого сигнала можно также выделить наличие/отсутствие частоты основного тона; скачкообразное повышение частоты основного тона от согласного к гласному; скачкообразное понижение частоты основного тона на переходе от гласного к согласному; наличие / отсутствие шума, его длительность и крутизна нарастания; наличие низкочастотной/высокочастотной энергии, а также длительность сегментов [5, с. 271].

Знание всех этих характеристик и применение их в практической деятельности во время анализа мелодических структур в иноязычной речи, позволяет эксперту точно обнаружить конкретные сегментные единицы (слоги, слова и т. д.), описать их структуру, выделить основные признаки.

Возможность сравнения мелодического оформления различных фрагментов речевого сигнала обеспечивается их типичностью и повторяемостью в речи конкретного диктора с поправкой на характерную для него специфику контекстной и иной внутридикторской вариативности.

Цель структурно-мелодического анализа состоит в выявлении однотипных мелодических структур в исследуемых фонограммах и сравнении их характеристик для установления степени близости параметров мелодических контуров. Данная цель достигается последовательным подбором нескольких реализаций опорных фрагментов (далее – ОФ) по каждому типу/подтипу контура в сравниваемых фонограммах.

Все типы (подтипы) имеют определенный набор измеряемых параметров мелодики (отдельный параметр получает свое значение в конкретной реализации ОФ). Сравнение осуществляется по каждому из используемых типов (подтипов) на основе пороговых, т. е. пограничных, значений, отделяющих сходные реализации от различных, рассчитанных для параметров каждого типа мелодического контура» и заложенных в АПК «Этнос». При вычислении общего результата учитываются весовые коэффициенты, приписанные каждому параметру и каждому типу фрагмента мелодического контура.

Подбор ОФ мелодического контура для сравнения осуществляется экспертом на основе слухового и визуального анализа речевого сигнала. Это могут быть фоноабзацы (последовательности из нескольких высказываний или синтагм общей длительностью

более 10 сек.), синтагмы, а также их структурные составляющие (предшкалы, шкалы, ядерные слоги и ядерно-заядерные участки с мелодически однотипным оформлением).

При подборе фрагментов для сравнения следует руководствоваться следующими критериями:

- подбирать элементы контура, имеющие ярко выраженную специфику и несколько примеров реализации в каждой из фонограмм. Например, в речи дикторов-таджиков наиболее часто встречаются ядерные мелодические модели с нисходящим или восходяще-нисходящим контуром.

- ограничивать внешние факторы, вызывающие реализационное варьирование однотипных мелодических структур – фрагменты речи должны максимально совпадать по стилистической и эмоциональной окраске (это может относиться как ко всему речевому фрагменту, так и к отдельным его частям).

- ограничивать сегментные и структурные факторы, вызывающие реализационное варьирование однотипных мелодических структур. В частности, при анализе и сравнении ядерной мелодики следует подбирать участки, сопоставимые по протяженности голосового участка, а именно, по наличию / отсутствию заядерных слогов, а при отсутствии заядерного участка – с учетом сегментного состава ядерного слога. Так, при коротком голосовом участке (например, если ядерный слог оканчивается глухим согласным) более вероятно простое, раннее или среднее по таймингу и равномерное по крутизне движение тона, а варьирование большинства параметров просто невозможно. При большей длительности тонального участка ядерного слога – например, если на конце ядерного слога сонант или долгий гласный, возможны некоторое варьирование тайминга (средний и поздний) и неравномерность скорости изменения тона (крутое в начале, пологое в конце, или наоборот). При появлении заядерных слогов область потенциального варьирования реализационных параметров может еще больше увеличиваться, что расширяет возможности исследования индивидуальной специфики интонирования. Увеличение / уменьшение длительности тонального участка может происходить также под влиянием ускорения / замедления темпа речи. Упомянутые факторы влияния могут вступать во взаимодействие друг с другом, например замедление темпа может увеличить длительность ядра

и, соответственно, создать базу для полноценного развертывания мелодической модели. И наоборот, ускорение темпа может привести к сокращению тонального участка и упрощению мелодической конфигурации, даже если сегментный субстрат обладает достаточной длительностью голосового участка.

Кроме того, сам по себе сегментный состав ядерного слога может оказывать некоторое влияние на характер тональной конфигурации и значения ЧОТ. Так, например, известно, что гласные высокого подъема обладают более высокой собственной частотой, чем гласные низкого подъема; глухие согласные вызывают небольшой подъем ЧОТ в начале следующего гласного, а звонкие, наоборот, ее понижение. Следует также обращать внимание на характер синтагматической границы после ядерного участка, поскольку в случае, если граница не маркируется паузой, а реализуется другими просодическими средствами, конечный участок ядерного тона может несколько видоизмениться под влиянием тонального начала следующей синтагмы.

Для выделенного фрагмента контура рассчитывается следующий набор параметров:

- **начальная частота** – значение первого отсчета (в Гц) в начальной точке выделенного фрагмента контура;
- **конечная частота** – значение последнего отсчета (в Гц) в конечной точке выделенного фрагмента контура;
- **максимальная частота** – максимальное значение частоты ОТ (в Гц) в пределах выделенного фрагмента контура;
- **время максимума** – координата максимального значения в процентах от общей длительности выделенного фрагмента;
- **минимальная частота** – минимальное значение частоты ОТ (в Гц) в пределах выделенного фрагмента контура;
- **время минимума** – координата минимального значения в процентах от общей длительности выделенного фрагмента;
- **интервал** – разница между максимальным и минимальным значением частоты ОТ (в Гц);
- **интервал** – разница между максимальным и минимальным значением частоты ОТ (в ПТ (полутон));
- **время половинной частоты** – координата значения половинной частоты (от интервала между максимумом и минимумом) в процентах от общей длительности выделенного фрагмента;

- **средняя частота** – среднее значение ЧОТ (в Гц) в пределах выделенного фрагмента контура;
- **скорость изменения тона** – средняя скорость убывания или возрастания тона на выделенном участке контура (в ПТ/мсек);
- **скос (асимметрия)** характеризует степень несимметричности распределения значений ЧОТ относительно среднего значения: положительная асимметрия указывает на отклонение распределения в сторону положительных значений; отрицательная – на отклонение распределения в сторону отрицательных значений.
- **эксцесс** характеризует относительную остроконечность или сглаженность распределения значений ОТ по сравнению с нормальным распределением: положительный эксцесс обозначает относительно остроконечное распределение; отрицательный эксцесс обозначает относительно сглаженное распределение.
- **коэффициент изрезанности** контура используется для оценки степени изрезанности протяженных участков мелодического контура (синтагм, шкал, длительных речевых участков);
- **длительность** – длительность выделенного фрагмента в миллисекундах [6, с. 117].

Дальнейшее сравнение осуществляется автоматически в экспертном режиме на основе полученных средних значений по каждому параметру каждого (под)типа элементов мелодического контура. Каждый параметр имеет свой весовой коэффициент, определяющий его долю в общей оценке степени сходства / различия по каждому из задействованных (под)типов фрагментов контура. Для каждого (под)типа рассчитываются степень сходства и степень различия. Далее по этим частным значениям (под)типов аналогичным образом, с учетом весовых коэффициентов, рассчитывается общая оценка сходства / различия речевых образцов, на основе которой формулируется общий вывод о тождестве / различии голосов.

Таким образом, сравнению фонограмм данным методом должен предшествовать тщательный слуховой анализ речевого материала, по результатам которого может быть определена оптимальная для данного конкретного случая стратегия сравнительного анализа, т. е. типы и состав участков контура для сравнения, критерии их подбора в фонограмме. Эффективность данного вида анализа в значительной степени зависит от компетенции, опыта

и интуиции эксперта, его способности точно определить потенциально наиболее информативные «фокусные» зоны при работе с конкретным материалом, поступившим на исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голощанова Т.И.* Исследование иноязычной речи экспертными методами // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой / отв. ред. чл.-корр. РАН В. А. Виноградов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 710–726.
2. *Голощанова Т.И.* Перспективные направления криминалистического исследования звукозаписей на этнических языках: материалы Междунар. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов» / отв. ред. В. И. Кирин – М.: Академия управления МВД, 2009. – С. 337–341.
3. *Голощанова Т.И.* Идентификация иноязычных дикторов автоматическими методами: материалы Междунар. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов» / отв. ред. В.И. Кирин – М.: Академия управления МВД, 2010. – С. 372–377.
4. *Голощанова Т.И. и др.* Идентификация по голосу и речи лиц, говорящих на таджикском, узбекском, цыганском языках, с применением АПК «Этнос»: методические рекомендации для экспертов / под ред. С.В. Сыромятникова – М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН РФ, 2009. – 143 с.
5. *Златостова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н.* Общая и прикладная фонетика: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – 416 с.
6. Научно-технический отчет по ОКР «Разработка дополнительного программного обеспечения к аппаратно-программному комплексу по идентификации лиц, говорящих на этнических языках» / рук. ОКР А.О.Таланов – СПб.: Центр речевых технологий», 2011. – С. 108–119.
7. *Потапова Р. К., Блохина Л. П.* Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. – М.: МГИИЯ, 1986. – 115 с.
8. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
9. *Потапова Р. К., Михайлов В. Г.* Основы речевой акустики: учеб. пособие. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – 494 с.
10. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с. – (Studia philologica).

УДК 81'23

В. А. Долинский

доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: vdolinsky@yandex.ru

АНТОНИМИЯ В КОГНИТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ (БОЛЕЗНЬ / ЗДОРОВЬЕ)¹

Статья представляет русские антонимы *болезнь* и *здоровье* как имена концептов в языковом сознании носителя русского языка и как семантическое поле ассоциативно связанных слов. *Болезнь* и *здоровье* рассматриваются как биполярное дискретное противопоставление и как континуальное семантическое поле – универсальный символ и значимый элемент русской языковой картины мира. В качестве приложения к статье приведены базы данных (ассоциативные поля) и иллюстрации.

Ключевые слова: концепт; антонимы; языковая картина мира; поле вербальных ассоциаций; болезнь / здоровье.

Dolinsky V. A.

Doctor of Filology, Professor of Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: vdolinsky@yandex.ru

ANTONYMY IN COGNITIVE DIMENSION (SICKNESS / HEALTH)

The paper presents the Russian antonyms *sickness / health* as the names of concepts in the native speaker's language consciousness and as the semantic field for a number of words linked by association. *Sickness* and *health* are considered both as discrete bipolar opposition and as continual semantic field – a universal symbol and an element of Russian language picture of the world. The databases (word association fields) and illustrations are attached as the annex to the article.

Key words: concept; antonyms; linguistic worldview; word association field; sickness / health.

Здоровью противоположна болезнь. Антонимы *здоровье* и *болезнь* описывал еще Аристотель. Отношения симметрии здесь образуют своеобразный цикл: *заболеть* – *болеть* – *выздоровливать* – *быть здоровым*. На существование таких циклов обращал внимание Платон [12, с. 20; 216].

¹Исследование выполнено в рамках научного проекта (РФФИ) №14-06-00363. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. К. Потапова

О здоровье и болезни говорят применительно к человеку, хотя болезни свойственны и животным, и растениям.

Лингвист Джордж Лакофф отмечал:

Человек и большинство млекопитающих спят лёжа, а просыпаясь, встают. Здоровье и жизнь ориентируются вверх; болезнь и смерть – вниз. Мы говорим: «Он на вершине здоровья»; «Его свалила болезнь». Серьезная болезнь вынуждает человека лежать. Мертвый падает вниз [9, с. 397].

Здоровье и болезни известны человеку изначально. Так, народу леле (Lèlé, государство Чад) угрожает множество болезней и опасных явлений природы, однако леле в своих оценках риска особенно выделяют удар молнии, бесплодие и бронхит. В разных культурах и в разные эпохи вырабатывались и менялись специфические концептуализации болезней и стратегии врачевания. Изменения эти стали очевидны в XXI в. – в эпоху спорта, культа физической кондиции, рекламирующей фармакологии и сверхсовременной медицины.

В иерархии ценностей человека нет ничего выше здоровья. «Здравствуйте! Здорóво!» – говорим мы при встрече. Как заклинания звучат пожелания здоровья по любому поводу. Болезнь как потеря здоровья вошла в проклятия: «Болячка тебе! Вот зараза!». О здоровье не говорят, опасаясь накликать беду. Здоровье – состояние нейтральное, нормативное. Всякие отклонения от этой нормы отмечают: о болезнях говорят, их обсуждают, вокруг болезней выстраиваются разнообразные ритуалы, процедуры излечения и институты [22, с. 12]. Документируются бесчисленные *истории болезней*, но не существует *историй здоровья*.

Мотив здоровья / болезни звучит в обыденном общении: это и *тост* («Ваше здоровье!»), и *ответ на благодарность* («На здоровье!») и сами названия этикетных жанров (*по-здравиение, здравица, со-болезнование*).

Круг общеупотребительной лексики, обслуживающий смыслы «здоровье / болезнь», или лексикон болезни (в соответствии с латинской традицией – морбуальный) составляет более 170 единиц [22, с. 15]. В инструментарии особой практики выработалась терминология специального языка – так называемая медицинская латынь, составляющая десятки тысяч наименований.

Важный момент организации морбуального лексикона – его «двуполюсность»: один из полюсов – *здоровье*, другой – *болезнь*. Эти биполярные антонимичные смыслы толкуются друг через друга: здоровье как отсутствие болезней, а болезнь – как отсутствие здоровья. Будучи антонимами с позиции логики, болезнь и здоровье не симметричны в когнитивном аспекте. Здоровье одно, а болезней много. Синонимы и номенклатура здоровья и болезней находятся в крайне неравновесном соотношении – единицы (здоровье) сосуществуют в лексиконе наряду с сотнями и тысячами (болезни). Дискретность антонимов размывается континуальностью ассоциативного поля [7]. Пионер системологии А. А. Богданов подчеркивал:

За понятием контраста скрывается определенная общность элементов, без которой это понятие не имеет смысла. Это было понято психологами, которые «ассоциацию по контрасту» и рассматривают как частный случай «ассоциации по сходству» [1, с. 152].

Медицинская номенклатура заболеваний вторгается в лексикон современного человека без специального медицинского образования, которому не надо объяснять, что такое *диагноз*, *симптом* и десятки названий болезней. Латинизмы вытесняют народную терминологию: сегодня никто не говорит *инфлюэнца*, *чахотка* или *грудная жаба*, всем известны медицинские наименования этих болезней – *грипп*, *туберкулез* и *стенокардия*. С другой стороны, лексикон «популярных» болезней пополняется за счет новых терминов *анорексия* и *булимия*, частота употребления которых растет в СМИ. Терминологизация морбуального лексикона – универсальное для многих языков явление распространения медицинской латыни.

На противопоставлении разговорного и научного жаргонов часто строится диалог пациента и врача, напоминающий беседу слепого с глухим. Процедура означивания известного симптома наукообразным термином становится в устах врача родом словесной магии, древнейшей функции языка. Вспомним диалог из «Кавказской пленницы» Леонида Гайдая (1967):

Саахов: У него появляются какие-то навязчивые идеи – какая-то украденная невеста, он рвётся всё время кого-то спасать... Просто... помутнение рассудка, честное слово!

Доктор: Ясно, *delirium tremens*¹.

С.: А?

Д.: Белая горячка.

С.: Да, белая, – горячий, совсем белый...».

Лингвист Жозеф Вандриес писал:

Знать имена вещей – значит, иметь над ними власть. Знание слов, следовательно, есть признак власти. «*О лихорадка, – говорили в своих заклинаниях колдуны-знахари Атхарва-Веды, – не уйдешь от меня, я знаю твоё имя*». Приказ болезни выйти из больного становится могущественнее от того, что знают ее название. Знать название болезни – это уже наполовину вылечить ее. Нам не следует смеяться над этой первобытной верой. Она живет еще в наше время, раз мы придаем значение форме диагноза.

«У меня очень голова болит, доктор». – «Это цефалалгия». – «У меня плохо работает желудок». – «Это диспепсия». Этот мольеровский диалог повторяется каждый день в приемных врачей. На это скажут, что технический термин обладает точностью, которой нет у обиходного слова, что первый обозначает совокупность определенных симптомов, что цефалалгия – это не совсем то, что головная боль, а диспепсия – затрудненное пищеварение. Но ведь врач ограничивается, в сущности, тем, что подставляет таинственное слово на место обычного слова, понятного для всех больных. А больные чувствуют себя уже лучше только от того, что представитель науки знает название их тайного врага [3, с. 175–176].

Во врачебной среде некоторые диагнозы, напротив, объявлялись «опасными» для состояния больных. Сообщать их пациентам считалось «нецелесообразным». Эзотеризм экспертного знания обосновывался заботой о «психическом здоровье» общества, состоящего из больных людей, и о поддержании веры в «социальное бессмертие» смертных. Но рекомендации экспертов противоречивы. Так, пациентам сообщают, что не следует долго пребывать на солнце из-за повышения риска возникновения рака, а затем они узнают, что недостаток солнечного света приводит к нехватке витамина D, снижению иммунитета и повышению риска возникновения рака. Всё больше обращений за медицинской помощью вызвано

¹ Алкогольный делирий, белая горячка, – *лат.* *Delirium tremens* (*букв.* ‘трясущееся помрачение’) – психоз, бред с галлюцинациями; наблюдается при алкоголизме.

«ятрогенными заболеваниями», т. е. болезнями, связанными с предшествующими обращениями за медицинской помощью.

Ятрогенные заболевания – психогенные расстройства, возникающие как следствие неосторожных высказываний врача, так и ипохондрического синдрома (мнительности) больного. Многие пациенты страдают не только от болезни, но и от порождаемых ею тревоги, страхов, опасений за исход. Этим объясняется особое внимание больного к словам и интонациям доктора, к выражению его лица. В зависимости от склада личности и особенностей психики разные пациенты по-разному, иногда противоположным образом, реагируют на определенные слова лечащего врача. Угнетающий смысл могут иметь не только непродуманные реплики («Ваш сердечный приступ – это первый звонок»; «Главный сосуд сердца пропускает кровь на 30%») или непонятное значение некоторых слов и выражений («крючкообразный желудок», «дистрофия миокарда»), но иногда даже междометия или затянувшееся молчание врача, которые больной может расценить как признаки безнадежности прогноза.

Факторами, способствующими появлению ятрогенных расстройств, являются как недостаток (сокрытие) информации о болезни, так и неоправданное расширение ее объема. Нередко в СМИ излагаются симптомы той или иной опасной болезни, фиксируется внимание на ее ранних проявлениях, рисуются устрашающие перспективы позднего обращения к врачу, сообщается о том, что наша пища небезопасна, или о том, что можно подхватить опаснейший вирус. Решающим фактором здесь является распространенность и эффективность лечения «популярных» болезней. Так, в начале XX в. среди страдавших ятрогенными болезнями чаще встречались те, кто предполагал у себя туберкулез или сифилис; в начале XXI в. более распространены канцерофобии и кардиофобии.

Кампания в масс-медиа в связи с лихорадкой Эбола, объявленной угрозой миру № 1, как и паника в связи с птичьим гриппом, забытым сегодня, заставляет заподозрить здесь завуалированную рекламную деятельность фармацевтических концернов, заинтересованных в реализации собственных препаратов по концептуальному сценарию «болезнь – страх – панацея».

Специальные термины, входя в общеречевое употребление, подвергаются широкой метафоризации: *симптом* и *синдром*, *инфекция* и *иммунитет*, *вакцина* и *реанимация*, *эпидемия* и *этаназия*. Масс-медиа пестрят такими оборотами, как: *болезни*

переходного периода; *бацилла* равнодушия; *вывих* общественного сознания; моральный *иммунитет*; *некроз* совести; экономика тяжело *больна*; *симптомы* кризиса; *прививка* от дефолта; *эпидемия* эмиграции; *вирус* национализма; *паралич* власти; *кардиограмма* взлетов и падений; нет *панацеи* от коррупции; курс рубля пошел *на поправку*.

Классик квантитативной лингвистики Габриэл Альтман употребляет медицинскую терминологию при описании языковых изменений:

Известно, что изменения форм в языке во многих случаях могут быть зафиксированы с помощью логистической кривой, имеющей S-образную форму. Причина этого состоит в том, что говорящие, употребляющие новую форму, находятся во взаимодействии с теми, кто еще не использует ее. Чем больше число использующих новую форму, тем меньше число использующих старую. Модель взаимодействия описывается законом Пиотровского и состоит в механизме *эпидемического* расширения (*заражения*) от носителей к неносителям [20, p. 19].

Русский словарь здоровья / болезни в своей высокочастотной зоне основан на двух корнях *здоров-* / *боль-*, что соответствует его двуполюсности. Лексикон болезни строится на корне *боль-* и представляет собой корневое гнездо: *боль* / *болезнь* / *больница*. Более логичным кажется построение рассматриваемого лексикона с опорой на три корня *здоров-*, *боль-*, *лек-*. Действительно, в *больнице* оказываются не для того, чтобы болеть, а для того, чтобы лечить, и внутренняя форма менее частотного слова *лечебница* кажется более естественной. Но у слова *больница* много «конкурентов» – *клиника*, *госпиталь*, *лазарет*, *диспансер* [18, с. 170], устаревшие *врачѣбница*, *недужница* [5].

Помимо номинации *врач* (этимологически связанного со знахарством) в русской речи употребляются *доктор*, *медик*, *врачеватель*, *целитель* и, увы, устаревшее *сестра милосердия*, как и заимствованные *санитар*, *фельдшер*.

Среди синонимов слова «болезнь»: *хворь*, *недуг*, *недомогание*, *нездоровье*, *немоць* [8]. В этом ряду есть только один дериват с корнем *боль-* – *заболевание*, специальное медицинское обозначение болезни. Употребляются особые отсубстантивные глаголы семантики болезни – *хворать*, *грипповать*, *температурить* и ряд

субстантивов для именованя здорового человека – *бодряк, бутус, геркулес, здоровяк, здоровила, крепьши*.

В русском языке существует и система средств для обозначения фаз болезни и ее интенсивности. В сценарий болезни входят следующие эпизоды: обнаружение симптомов; диагностирование; течение болезни; лечение; прогноз; исход.

Боль и болезнь порождают широкий круг ассоциаций, которые через метафоры, стертые и авторские, проникают в язык. Представления о болезни складываются в языке в гештальты человека, предмета и стихии. Болезнь чаще всего представлялась женщиной, как в народных заговорах: *сёстры Кривота, Сухота и Ломота; Осна Ивановна*. Антропоморфный образ болезни определялся предикатами: *пристала, пришла, подстерегала, ушла, унесла*.

Как отмечает лингвист Л. О. Чернейко:

Болезнь можно *вонзать* и *выгнать*, её можно *напустить*. <...> Выстраиваемая говорящим сочетаемость имени предопределяется его глубинным ассоциативным потенциалом, который и раскрывается исследователем, моделирующим внерациональную, сублогическую основу языкового сознания [17, с. 288; 290].

Болезнь как стихийная сила может *прихватить, скрючить, измотать, измочалить*. Болезнь может представляться предметом: *тяжелая, легкая*, а также *модная, редкая, распространенная*. Боль также уподобляется предмету: *острая, тупая, горячая, жгучая*. Это стихия, которая *ломит, колет, режет, стреляет, дергает, пульсирует, щемит, давит, ноет*.

Слово «здоровье» этимологически восходит к концепту «дерево» (аналогия по крепости) и ассоциируется с природной стихией и жизненной силой и стойкостью. Здоровье *бычье, воловье, коровье, лошадиное*. По крепости здоровье наделяется эпитетами *железное, стальное, несокрушимое* [4]. Плохое здоровье характеризуется как *хрупкое, расшатанное*; здоровье *пошатнулось, подкачало, никуда (не годится)*.

Ассоциативные связи выявляют природный, жизнеутверждающий характер здоровья и губительный, разрушительный характер болезни (боли). Концептосфера медицины, защищающей основы здоровья (жизни), построена на образе врага здоровья (смерти), насылающего болезни и угрожающего основе жизни. Во врачебном

дискурсе дихотомия *здоровье / болезнь* преобразуется в мифологему борьбы (поединка) с сильным противником и непредсказуемым исходом.

Как пишет философ Ларс Свендсен:

Вместо того чтобы воспринимать *болезнь* как отдельное явление, имеющее начало и конец, мы видим в ней неизменного попутчика *здоровья*, «оборотную сторону» здоровья и постоянно присутствующую угрозу: она требует неусыпной бдительности, должна преодолеваться и усмиряться денно и ночью, семь дней в неделю. Забота о здоровье стала бесконечной войной с болезнью [15, с. 110].

Психиатр Томас Сас подчеркивает:

Как консерваторы, так и либералы одобряют антинаркотические законы, психиатрическое насилие и другие выпады против индивидуальной свободы и ответственности, сформулированные в терапевтических терминах [23].

В случае летального исхода в этом неравном сражении рационализм и формальная логика всегда оказываются защитниками проигравшей стороны. В сегодняшней прессе часто можно встретить высказывания типа: «На брифинге лечащий врач заявил: “Мы применяли все современные технологии. Но болезнь оказалась сильнее”».

Но жизни и здоровью противостоит не только болезнь: в природе действует случай – иррациональное начало, не поддающееся описанию на языке причинно-следственных связей (стихийное бедствие, травма, несчастный случай, убийство, самоубийство)¹. Сама смерть, являясь неотъемлемым атрибутом жизни, оказывается ее смыслообразующим дополнением.

Ассоциативное поле слова ЗДОРОВЬЕ (см. табл. 1), выявляемое в эксперименте с носителями русского языка [6], включает:

синтагматические реакции и эпитеты (крепкое 58, плохое 30, хорошее 28, слабое 12, железное 6, стальное 1, отличное 6, отменное 6, богатырское 5, абсолютное 1, неважное 1, редкостное 1,

¹Смертность населения в России за 2013 г. составила около 2 млн человек. В первой тройке причин смертности: 1-е место: болезни сердечно-сосудистой системы – 54,8 %; 2-е место: онкологические заболевания – 14,9 %; 3-е место: внешние причины смертности, не вызванные болезнями (травмы, отравления, убийства, самоубийства) – 10,1 %.

сибирское 1, то, что надо 1). Оно небогато *симптомами болезней* (сердце 5, кашель 3, зубы 2, боль 2, ангина 1, голова 1, кровь 1, нога 1, стоматолог 1).

Помимо гештальтов *болезнь* (болезнь 37, отсутствие болезней 1, хворь 1) и *медицина* (врач 17, доктор 3, больница 16, поликлиника 9, медицина 2, (красный) крест 2, минздрав 1, аптека 1, здравница 1, профилактика 1, клиника 1, скорая помощь 1, медпункт 1, пенсия 1, нож 1, шприц 1), поле ЗДОРОВЬЕ также включает гештальты:

природное начало и *укорененность* (крепкое 58, некрепкое 2, крепость 1, крепьш 1, от природы 1, организм 1, состояние организма 1, тело 1, жирная 1, толстый 1, пылать 1, пышет 1, бык 4, как у быка 1, воловье 1, корова 3, лошадь 1, берёза 1, пшеница 1, гармония 1, вода 1, воздух 1, горы 1, лес, воздух 1, утро 1, молоко 3, овощи 1, океан 1, травы 1, яблоко 1);

ощущение, чувство (сила 28; счастье 21, радость 11, бодрость 8, улыбка 3, розовый 3, румянец 3, румяный 2, румяное лицо 1, щеки 4, красные щеки 2, красный 1, красота 2, легкость 2, настроение 2, сильный 2, жизнерадостность 1, свежесть 1, аппетит 1, веселье 1, веселый человек 1, запах 1, чувство 1);

общее достояние (человека 12, нации 10, народа 4, людей 4, страна 1, семья 1, всем 1, личное 1, твоё 1, чужое 1, мужчины 1, собственность 1, присутствующих 1, тёщи 1);

ценность (беречь 9, дороже (всего) 8, нет (-у) 8, не купишь 8, главное 6, дух 3, души 1, важнее 3, важность 2, необходимость 4, необходимо 2, нужнее 2, глава 2, деньги 2, цель 2, залог 1, одно 1, это всё 1, благополучие 1, добро 1, золото 1, серебро 1, надёжность 1, наше богатство 1, отправная точка 1, прежде всего 1, преимущество 1, привилегия 1, ресурсы 1, мудрость 1, смысл 1, шар 1);

смерть (жизнь 25, смерть 3, не вечно 3, вечное 1, ребенок 8, детей 1, детство 1, расти 1, молодость 4, было 2, боязнь 1, мама 1, родители 1, старик 1, бабушка 1, дряхлость 1, исход 1, труп 1, кладбище 1);

подконтрольность и *самоуправление* (спорт 31, спортсмены 2, физкультура 4, в порядке 4, в твоих руках 1, забота 2, диета 2, зарядка 2, мускулы 2, мышцы 1, закаляться 1, атлет 1, бег трусцой 1, движение 1, культурист 1, спортивный зал 1, тренировка 1, физическое 1, штанга 1, сон 1, форточка 1, чистота 1);

неподконтрольность и **саморазрушение** (плохое 30, нет (-у) 8, подорвано 7, никуда 4, отсутствует 3, беда 1, беззаботность 1, безразлично 1, зачем? 1, ломкое 1, подкачало 1, неважное 1, невозможность 1, недостижимое 1, необратимо 1, не врач 1, не вылечишь 1, не спасет 1, ни к чёрту 1, ноль 1, отвратительное 1, поправить 1, пошатнувшееся 1, пошатнулось 1, погода 1, хреновое 1, хилое 1, хрупкое 1); (курение 3, алкоголь 2, сигареты 2, вредить 1, губить 1, водка 1, спирт 1, выпить 1, пить 1, половой акт 1, секс 1, шлюха 1);

культурноязыковой фон (журнал 72; передача 7; Белянчикова 1, Порфирий Иванов 1, Чазов 1, весло 1, приложение к «АиФ» 1, программа 1, канал 1, диктор телевидения 1, телепередача 1; змея и чаша 1, символ медицины 1, изголовье 1, плакат больничный 1, сорт хлеба 1, желаю 2, будь здоров 1, за ваше здоровье 1, на здоровье! 1).

В таблице 2 представлено ассоциативное поле ДОКТОР [6]. У русских слово ДОКТОР чаще ассоциируется с *болезнью* ($F = 21$), чем со *здоровьем* ($F = 3$). У американцев стимул DOCTOR [21] также чаще ассоциируется со словами *sickness, illness* ($F_{\text{sum}} = 55$), чем с *health* ($F = 45$). С другой стороны, и ЗДОРОВЬЕ редко ($F = 3$) вызывает ассоциацию с *доктором* (ранг 44). У американцев стимул HEALTH дает реакцию *doctor* с частотой $F = 27$ (ранг 10).

Наивно-языковая и сциентистская картины мира могут создавать когнитивный диссонанс в поле «болезнь / здоровье». Так, случайность и непредсказуемость болезни, травмы, инфекционного заражения отразились в речевом клише «несчастный случай». Предположение о том, что жизнь и здоровье могут быть полностью контролируемы, означает, что несчастный случай является лишь неправильно оцененным риском, которым пренебрегли. Крайним проявлением подобного детерминизма явилось решение *Британского медицинского журнала* о запрете использования номинации «несчастный случай» (*accident*) на страницах издания. Объяснялось это тем, что подобное выражение понимается как нечто непредсказуемое, а причины травмирования являются предсказуемыми [15]. Решение редакции было обусловлено предпосылкой, что человеческая жизнь в принципе поддается контролю.

Это представление, – пишут психологи Д. Шульц и С. Шульц, – стало главной движущей силой, своеобразным *Zeitgeist* в науке и философии XVII в. и самым решительным образом изменило все представления о природе человека. Оно настолько пропитало собой общественное мнение, что, например, даже в период Гражданской войны в США (1861–1865) офицер армии северян писал, рассуждая о смерти своего друга, что от него не осталось ничего, «кроме поломанного механизма, который когда-то приводился в действие душой» [19, с. 43].

Механицизм и редукционизм, восходящие к Декарту, и еще далее – к ветхозаветному представлению о человеке, как «испорченном механизме», лежат в основе сценария реконструкции и протезирования человеческого тела. Суперсовременная медицина разрабатывает и уже внедряет в практику идею *киборга* – кибернетического организма, не знающего болезней, старости и смерти.

Сегодня профессионалы от медицины овладевают всё более совершенными методами борьбы с болезнями. Но, наряду с существенными преимуществами, новейшие технологии с неизученными последствиями их применения предоставляют человечеству широкие возможности разрушения. Например, дистанционный мониторинг работы организма приведет к изменению всей системы здравоохранения. Пациент будет излечен, и он даже не узнает, что был болен. Отказ от перехода на новую систему будет равнозначен самоубийству.

В современной цивилизации люди, как никогда ранее, опираются в своих оценках риска на «экспертные мнения» ученых, призванных ограждать смертных от опасностей жизни. При этом сама наука, превратившись в «служанку» техники, стала восприниматься как наибольшая угроза. В высокотехнологичном обществе «всякое решение имеет зыбкую основу. Опасность таится уже не в невежестве, а в знании» [15, с. 119].

Философ и методолог науки Пол Фейерабенд писал:

Я согласен с тем, что наука и основанная на ней цивилизация содержит нечто, называемое “мнением экспертов”, и что это отличается от того, что называют “распространёнными предрассудками” <...> Единство мнений экспертов не может служить обоснованием их объективности, у нас много авторитетов, среди которых мы выбираем <...> Восхваление объективности и рациональности рационалистами является рекламой некоторой племенной веры...

Является ли человеческая жизнь наивысшей ценностью? Христианские мученики так не считали, и ни один рационалист до сих пор не сумел доказать, что они ошибались. У них было другое мнение, вот и всё...

Нет никаких объективных ценностей, которые могли бы оправдать нас, приведи наши действия к беде...

Не следует забывать о наших собственных инквизиторах – о наших ученых, врачах, педагогах, социологах, политиках, «носителях прогресса». Взгляните хотя бы на этих врачей, которые до сих пор режут, травят и облучают, не пытаясь исследовать других методов лечения, которые хорошо известны, не имеют опасных последствий и вполне могут быть успешными. Разве не стоило бы попытаться использовать эти методы? [16, с. 398; 401; 412–413].

При оценке риска болезней необходимо учитывать не только потенциальный вред использования новой технологии, но и вред ее неиспользования. Так, эпидемия холеры 1991 г. в Перу (около миллиона жертв) началась из-за прекращения хлорирования воды во избежание вредных последствий, которые может оказать хлор. Во многих странах по требованию защитников окружающей среды было запрещено использование препарата ДДТ, якобы, представляющего серьезную опасность для человека. Дешевое средство, эффективное в борьбе с москитами (разносчиками малярии), было запрещено, и жертвами стали 50 млн человек.

В клятве Гиппократа говорится о разрушающем лечении, приносящих вред лекарствах и тому подобном абсолютно однозначно:

Я клянусь, что ... буду лечить, чтобы помочь больному, согласно моим способностям и мнению, но никогда не буду делать этого с целью нанести вред или совершить преступление. Никогда я не дам яд кому бы то ни было, когда меня попросят сделать это, и не предложу его сам. <...> Но будут и моя жизнь, и мое искусство чистыми и святыми. <...> В какой бы дом ни ступила моя нога, я приду для того, чтобы помочь больному и буду воздерживаться от любого намеренного преступления или вреда, особенно от насилия над мужчинами и женщинами... Теперь, если я выполню эту клятву и не нарушу ее, да придет ко мне навечно уважение всех людей за мое искусство; но если я совершу грех и нарушу ее, да постигнет меня обратное¹.

¹ Цит. по: [2, с. 53].

Психолог Карл Роджерс отмечал:

Среди терапевтов нет согласия в отношении их целей или намерений... Среди них нет единодушия по поводу того, что является успешным результатом их работы. Они не могут прийти к согласию в отношении того, что является неудачей. Создается такое впечатление, что эта область полностью погружена в хаос и раздроблена¹.

Автор концепции «личностного знания» Майкл Полани писал:

Интуиция внутренне присуща самой природе рациональности. Когда существование ее проявляется слишком явно, ее стремятся скрыть с помощью разного рода эвфемизмов, стыдливых иносказаний – подобно тому как в викторианскую эпоху ноги именовали конечностями – старательно избегая называть вещи своими именами. Человек рационален только в той мере, в какой истинны концепции, к которым он привязан. <...> Мы можем сжигать ведьм в том случае, если мы верим в их существование; будем строить церкви только в том случае, если верим в бога.

Бессмысленно, например, сравнивать удобство интерпретации внезапной смерти в языке колдовских сил и языке медицинских терминов. Наш выбор языка – это вопрос истины или заблуждения, справедливости или несправедливости, наконец, жизни или смерти. <...> Чтобы описывать опыт более полно, язык должен быть менее точным... Процесс предметного отнесения (denotation) сам по себе является неформализуемым [14, с. 38; 127–129].

Лингвист и когнитолог Роландас Павилёнис подчеркивал:

Было бы невозможно установить критерий «здоровья», если бы мы не выясняли природу «нездоровья». Слово «здоровый» применительно к человеку не имело бы смысла, если бы все люди были только здоровыми. Также и слова «осмысленный», «осмысленность» не имели бы смысла, если бы все употребляемые нами выражения были только осмысленными. Бессмысленность важна именно потому, что она помогает понять осмысленность. Абсурд помогает понять смысл. Тем более если абсурд – это не только часть языковых выражений, но и часть самой жизни [13, с. 103].

Приведем примеры русских пословиц о здоровье, болезнях и докторях. Некоторые из них основаны на языковой игре с антиномией «здоровье/болезнь», на алогизмах и нарушении

¹Цит. по: [24, р. 114].

коммуникативных норм, что в недавнем прошлом позволяло заклеить эти жемчужины народной мудрости как «образцы безыдейности», «глупости» или «голового смехачества» [10].

Больному и мёд не вкусен, а здоровый и камень ест.
Больной от могилы бежит, а здоровый в могилу спешит.
Здоровому и нездоровье здорово, а нездоровому и здоровье нездорово.
Человека лень не кормит, а здоровье только портит.
Без болезни и здоровью не рад.
И стар – да петух, и молод – да протух.
В добром здоровье и хворать хорошо.

Болезнь входит пудами, а выходит золотниками.
Один глаз да зорек – не надо сорок.
Недавно ослеп, а ни зги не видит.
Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой.
Ему натошак ничего в рот не идет.
Хоть и бородавка, а всё-таки прибавка.
Личико беленько, да разуму маленько.
Хворь и поросёнка не красит.
На обе ноги хромает.

Каждому болезнь своя тяжка.
Что у кого болит, тот про то и говорит.
Чужая болячка никому не больна.
Застарелую болезнь трудно лечить.
Леченая скотина – не животина.
Болит бок девятый год, да не знаю, в котором месте.
Что совою о пень, что пнём о сову – всё ей больно.
Не учи хромать, у кого ноги болять.
Чем ушибся, тем и лечись.
Печаль не уморит, а здоровью повредит.
Не каждый больной, кто стонет.
Сон лучше всякого лекарства.
Держи голову в холоде, желудок в голоде, а ноги в тепле.

Боль врача ищет.
Не дай бог лечиться да судиться.
Аптекари лечат, а хворые кричат.
Аптека и лечит, так калечит.
У корысти всегда рожа бескорыстна.
Лекарь свой карман лечит.
Целовал ястреб курочку до последнего пёрышка.

Не плачь, козявка! Только сок выжму...
Тяните жилы, пока мы живы; а умрём, ничего не возьмёте.
Здоровье дороже золота.
Здоровья не купишь.
Не до жиру, быть бы живу.
Мало ль кто хворает, да не все же умирают!
На живом всё заживет.
Колоченная посуда два века живет.
Двум смертям не бывать, одной не миновать.
Живи, коли можется – помирай, коли хочется.
Чудак покойник! умер во вторник, в среду стали гроб тесать, он
пошел впрысядку плясать.
Как помер, так и часу не жил.
Кого схоронили, того и вылечили.
Краше его в гроб кладут.
Одного рака смерть красит.
От смерти не отлечишься.
Мёртвых с погоста не носят.

В заключение приведем высказывания, относящиеся к концептосфере «здоровье / болезнь».

Врачу, исцелися сам! (*Medice, cura te ipsum!*) (*лат.* крылатое выражение; встречается в Библии [Лука 4: 23], у Плутарха, Еврипида).

Я называю телесную боль – а ее у меня нет, ничто ведь не болит. Если бы, однако, образ ее не присутствовал в моей памяти, я не знал бы, что мне сказать, и не сумел бы, рассуждая, провести границу между ней и наслаждением. Я говорю о телесном здоровье, будучи здоров телом; качеством этим я обладаю, но если бы образ его не находился в моей памяти, я никак не мог бы припомнить, что значит это слово. И больные не понимали бы значения слова «здоровье», если бы образ его не был удержан памятью, хотя самого здоровья у них и нет (*Бл. Августин*).

Я уж успею почуять беду и не предворяя ее страхом. Кто боится страданий, тот страдает уже от своей боязни (*М. Монтень*).

Наше поведение сродни заразной болезни: хорошие люди перенимают дурные привычки, подобно тому как здоровые заражаются от больных (*Ф. Бэкон*).

Лекарство бывает хуже болезни (*Ф. Бэкон*).

[Пьер] заболел и пролежал в Орле три месяца; с ним сделалась, как говорили доктора, желчная горячка. Несмотря на то, что доктора

лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел (*Л. Н. Толстой*).

Болезнь самая страшная – верить во врачей (*Л. Н. Толстой*).

Я считаю непозволительным врачу высказывать свои сомнения в возможности благоприятного исхода болезни. Он должен беречь больного и окружающих, от которых приходится иногда скрывать истину в интересах больного (*С. П. Боткин*).

Одни вечно больны только потому, что очень заботятся быть здоровыми, а другие здоровы только потому, что не боятся быть больными (*В. О. Ключевский*).

Наука стремится все пороки объяснить болезнями, а моралисты все болезни производят от пороков. Скоро к удовольствию судей и врачей преступников будут лечить, а больных наказывать (*В. О. Ключевский*).

По правилам народной медицины некоторых местностей, когда у кого-либо отнимется язык, то обливают водой колокольный язык и этою водою поят больного; это называется «добыть языка в колокольне» (*И. А. Бодуэн де Куртенэ*).

Когда мы будем сильны, как деятели Первой французской революции, то на нас произведет, безусловно, хорошее и радостное впечатление чистка векового парка от гнилых, отживших деревьев, слишком долго загромождавших дорогу другим, имеющим равное право расти-цвести свой век, – такое же хорошее впечатление производит зрелище смерти неизлечимо больного! (*А. Стриндберг*).

Байрон в письме к Томасу Муру пишет: «Леди Ноэль действительно была опасно больна; но утешьтесь, сейчас она вновь опасно здорова» (*О. Уайльд*).

Ипохондрик – это такой человек, который чувствует себя хорошо только тогда, когда чувствует себя плохо (*О. Уайльд*).

При аналитическом лечении не происходит ничего, кроме обмена словами между пациентом и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и чувствах. Врач же слушает, стараясь управлять ходом мыслей больного, кое о чем напоминает ему, удерживает его внимание в определенном направлении, дает объяснения и наблюдает за реакциями притяжения или непритяжения, которые он таким образом вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных, которым импонирует лишь явное и осязаемое, а больше

всего действия, какие можно увидеть разве что в кинематографе, никогда не упустят случая усомниться: «Как это можно вылечить болезнью одними разговорами?». Это, конечно, столь же недальновидно, сколь и непоследовательно. Ведь те же самые люди убеждены, что больные «только выдумывают» свои симптомы. Когда-то слова были колдовством, слово и теперь во многом сохранило свою прежнюю чудодейственную силу (З. Фрейд).

Марк Аврелий сказал: «Боль есть живое представление о боли: сделай усилие воли, чтобы изменить это представление, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнет». Это справедливо (А. П. Чехов).

Гости заговорили о дантистах и, совершенно по ходу дела, о нашем с Адрианом музыкально-критическом символе – «мертвом зубе»! <...> Они, весело и благодушно смеясь, болтали об усиливающейся склонности зубных врачей без проволочек удалять зубы с атрофированным нервом, ибо последний признан инфекционным инородным телом после долгого, кропотливого, тонкого совершенствования терапии корней в XIX веке. <...> Несомненно, что если когда-нибудь приступят к устранению больного элемента в широком плане, к умерщвлению нежизнеспособных и слабоумных, то и под это подведут такие основания, как гигиена народа и расы, хотя в действительности дело будет идти о гораздо более глубоких преобразованиях, об отказе от всякой гуманной мягкотелости – детища буржуазной эпохи; об инстинктивной самоподготовке человечества к суровой и мрачной, глумящейся над гуманностью эре, к веку непрерывных войн и революций, который, по-видимому, отбросит его далеко назад, к темным временам, предшествовавшим становлению христианской цивилизации Средневековья после гибели античной культуры (Т. Манн).

Был Евтушенко... Читал одно стихотворение о том, что мы должны, даже болея и страдая, благодарить судьбу за то, что мы существуем. Стихи такие убедительные, что было бы хорошо напечатать их на листовках и распространять их в тюрьмах, больницах и других учреждениях, где мучают и угнетают людей (К. И. Чуковский).

Мне представляется, что воспитание человека сегодня направлено на то, чтобы уменьшить способность к страданию. Школа ныне слывет хорошей, «если дети хорошо проводят там время». Тогда как прежде это не было критерием. <...> Ни в грош не ставится способность переносить страдания, ибо предполагается: страдания не должно быть – оно, в сущности, устарело (Л. Витгенштейн).

Понятие «боль» ты усвоил вместе с языком (Л. Витгенштейн).

Опытные врачи-диагносты ... знают всё же гораздо больше, чем они могут выразить в словах. <...> Периферическое знание невыразимо в словах (М. Полани).

Восторженный очерк о больнице называется «Кузница здоровья», а восторженный очерк о кузнице называется «Здравница металла» (И. А. Ильф).

Из-за противоположности общественных интересов коммуникация между членами общества становится практически столь же невозможной, как и между душевнобольными. И если в последнем случае лечение состоит в том, чтобы заново ввести больного в понимающую общность социума, то смысл самой критики идеологии – в исправлении ложного сознания и выработке основ нового, истинного понимания и неискаженной коммуникации. В ситуациях особо глубоких коммуникативных нарушений могут оказаться необходимыми некоторые формы самолечения, когда больной знает о механизме своего расстройства (Г.-Г. Гадамер).

Как прогрессирует культура? В чем заключается благотворное влияние *отклонения от нормы*? <...> Изучение общественного мнения основывается на допущении, что ответы человека заведомо будут определяться его эгоистическими соображениями или привычками. Но это верно только для 99% нездорового населения. Люди психологически здоровые голосуют, покупают и формируют суждения исходя – хотя бы отчасти – из логики, здравого смысла, понятий о справедливости, правде и т. д. <...> Тем временем, несомненно *благотворные* последствия остракизма или изгнания из группы – особенно в тех случаях, когда сама изгоняющая культура сомнительна, больна или недостойна. <...> Приспособиться может и корова, и раб, и робот. <...> Мы владеем богатейшим словарём психопатологии, а вот для описания психологического здоровья или трансцендентности наш словарный запас весьма скуден. Вкусы, ценности, мнения и предпочтения самоактуализированных людей покоятся скорее на внутреннем и детерминированном реальностью базисе, а не на относительном и внешнем. Этим объясняется их тяготение к справедливому, а не к несправедливому, к истинному, а не к ложному, к красивому, а не к безобразному. Такие люди живут в рамках *системы неизменных ценностей*, а не в мире роботов, где *ценности отсутствуют напрочь* (а есть только мода, прихоти, чужие мнения, подражание, соображения престижа) (А. Г. Маслоу).

На Земле, как *эпидемия*, свирепствует глупость (В. В. Налимов).

Учитель и врач – два занятия, для которых любовь к людям обязательное качество (*Н. М. Амосов*).

В полной запуски у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны, – а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безуёмного пьянства (*А. И. Солженицын*).

Я скажу, что Освенцим представляет собой крайнее проявление той позиции, которая всё еще процветает в нашей среде. В индустриальных демократических странах она обнаруживает себя <...> в колоссальном самомнении наших интеллектуалов, в детской мегаломании некоторых наших врачей, которые запугивают своих пациентов, калечат их, а затем вытягивают из них большие гонорары; в отсутствии чувства жалости у многих наших искателей истины, которые систематически мучают животных, изучают их страдания и получают награды за свою жестокость (*П. К. Фейерабенд*).

Многие виды психических заболеваний проявляются, между прочим, в расстройстве системы ассоциаций и относительно легко диагностируются при помощи ассоциативного эксперимента. Однако для того, чтобы иметь возможность судить о характере отклонений, надо хорошо знать, от чего отклоняется больной; если его речевое поведение – это патология, то где лежат границы нормы? (*А. А. Леонтьев*).

Больной нуждается в уходе врача. И чем дальше врач уйдет, тем лучше (*А. Г. Кнышев*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БАЗЫ ДАННЫХ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1

Частотное распределение ассоциативов на слово-стимул

ЗДОРОВЬЕ [6]

(N = 1010; F₁ = 72; L = 288; m₁ = 199)

-- 137	богатырское – 5	важность – 2
журнал – 72	моё – 5	глава – 2
крепкое – 58	сердце – 5	деньги – 2
болезнь – 37	бык – 4	диета – 2
спорт – 31	в порядке – 4	желаю – 2
плохое – 30	змея – 4	забота – 2
сила – 28	людей – 4	зарядка – 2
хорошее – 28	молодость – 4	зубы – 2
жизнь – 25	народа – 4	красные щеки – 2
счастье – 21	необходимость – 4	красота – 2
врач – 17	никуда – 4	лёгкость – 2
больница – 16	физкультура – 4	медицина – 2
слабое – 12	щеки – 4	мускулы – 2
человека – 12	важнее – 3	настроение – 2
радость – 11	доктор – 3	некрепкое – 2
нации – 10	дух – 3	необходимо – 2
бег – 9	кашель – 3	нужнее – 2
беречь – 9	корова – 3	отдых – 2
поликлиника – 9	курение – 3	прекрасное – 2
бодрость – 8	молоко – 3	румяный – 2
дороже (всего) – 8	не вечно – 3	сигареты – 2
нет (-у) – 8	отсутствует – 3	сильный – 2
не купишь – 8	розовый – 3	сон – 2
ребёнок – 8	румянец – 3	состояние – 2
передача – 7	смерть – 3	спортсмены – 2
подорвано – 7	улыбка – 3	успех – 2
богатство – 6	алкоголь – 2	хорошее самочувствие – 2
главное – 6	больной – 2	цель – 2
железное – 6	большое – 2	Белянчикова – 1
отличное – 6	боль – 2	Минздрав – 1
отменное – 6	было – 2	Порфирий Иванов – 1

Чазов – 1	дерьмо коровье – 1	лес, воздух – 1
абсолютное – 1	детей – 1	личное – 1
ангина – 1	детство – 1	ломкое – 1
аппетит – 1	диктор телевидения – 1	лошадь – 1
аптека – 1	добро – 1	магазин – 1
атлет – 1	доброта – 1	мама – 1
бабушка – 1	друзей – 1	медпункт – 1
бег трусцой – 1	дряхлость – 1	моральный – 1
беда – 1	души – 1	мост – 1
беззаботность – 1	есть – 1	мудрость – 1
безразлично – 1	есть (смысл существовать) – 1	мужчины – 1
береза – 1	жалко – 1	мышцы – 1
благополучие – 1	железо – 1	надежность – 1
богатырь – 1	жизнерадостность – 1	населения – 1
божье – 1	жирная – 1	наше – 1
боязнь – 1	задворье (!) – 1	наше богатство – 1
будь здоров – 1	закаляться – 1	на здоровье! – 1
быт – 1	залог – 1	неважное – 1
величина – 1	запах – 1	невозможность – 1
веселье – 1	зачем? – 1	недостижимое – 1
веселый человек – 1	за ваше здоровье – 1	необратимо – 1
весло – 1	здоровье – 1	нервы – 1
вечное – 1	здравница – 1	не врач – 1
вода – 1	змея и чаша – 1	не вылечишь – 1
водка – 1	золото – 1	не спасет – 1
воздух – 1	идеальное – 1	ни к чёрту – 1
воловье – 1	изголовье – 1	нога – 1
вредить – 1	исход – 1	нож – 1
всем – 1	как у быка – 1	ноль – 1
выпить – 1	канал – 1	овощи – 1
в твоих руках – 1	кладбище – 1	одно – 1
гармония – 1	клиника – 1	океан – 1
голова – 1	краснеть – 1	организм – 1
голоса – 1	красный – 1	отвратительное – 1
горы – 1	крепость – 1	отправная точка – 1
готово – 1	крепьш – 1	отсутствие – 1
губить – 1	крест – 1	отсутствие болезней – 1
да – 1	крест красный – 1	от природы – 1
дань – 1	кровь – 1	о себе – 1
движение – 1	культурист – 1	память – 1
девушки – 1		пенсия – 1

пить – 1	румяное лицо – 1	травы – 1
плакат больничный – 1	свежесть – 1	тренировка – 1
погода – 1	светлый – 1	труп – 1
подкачало – 1	секс – 1	трусы – 1
половой акт – 1	семья – 1	тёщи – 1
поправить – 1	серебро – 1	удалое – 1
пощатнувшееся – 1	сибирское – 1	утро – 1
пощатнулось – 1	символ медицины – 1	физическое – 1
прежде всего – 1	скорая помощь – 1	форточка – 1
преимущество – 1	смысл – 1	хворь – 1
привет – 1	собственность – 1	хилое – 1
привилегия – 1	сорт хлеба – 1	хреновое – 1
приложение к «АиФ» – 1	состояние организма – 1	хрупкое – 1
присутствующих – 1	спирт – 1	человек важнее всего – 1
проблемы – 1	спортивный зал – 1	чистота – 1
программа – 1	стальное – 1	чувство – 1
профилактика – 1	старик – 1	чужое – 1
пшеница – 1	стоматолог – 1	шар – 1
пылать – 1	страна – 1	шлюха – 1
пышет – 1	суд – 1	шприц – 1
раскопки – 1	твое – 1	штанга – 1
расти – 1	телепередача – 1	это всё – 1
редкостное – 1	тело – 1	яблоко – 1
ресурсы – 1	толстый – 1	
родители – 1	то, что надо – 1	

Частотное распределение ассоциативов на слово-стимул

ДОКТОР [6]

(N = 1010; F₁ = 139; L = 282; m₁ = 202)

врач – 139	белый колпак – 3	наук – 2
халат – 65	вредитель – 3	человек в белом – 2
наук – 57	доцент – 3	человек в белом халате – 2
Айболит – 51	дядя – 3	ОЗ – 2
-- 49	запах – 3	Али – 1
Ватсон – 39	здоровье – 3	Астров – 1
белый – 34	злой – 3	Булгаков – 1
белый халат – 32	личный – 3	Вертер – 1
больница – 28	поликлиника – 3	В. Винокур – 1
болезнь – 21	помощь – 3	Зорге – 1
Живаго – 17	психиатр – 3	Иванова – 1
боль – 13	семейный – 3	Канатчикова дача – 1
очки – 12	студент – 3	Кашпировский – 1
хирург – 11	тело – 3	Кинчев – 1
больной – 10	у меня это – 3	Крупов – 1
лечит – 10	ученый – 3	ОРЗ – 1
лекарство – 9	шлягер – 3	Павел Владимирович – 1
зубы – 8	шприц – 3	Роберт (Dr. Robert) – 1
страх – 7	Чехов – 2	Саша – 1
добрый – 6	белый цвет – 2	Спок – 1
зубной – 6	большой – 2	Филгуд – 1
медицина – 6	враг – 2	Хайдер – 1
плохой – 6	деньги – 2	Шуберт – 1
время – 5	детский – 2	аборт – 1
мужчина – 5	домашний – 2	абсцесс – 1
терапевт – 5	дурак – 2	автомобиль – 1
убийца – 5	жизнь – 2	акушер – 1
хороший – 5	здоровый – 2	аптека – 1
человек – 5	зубной врач – 2	баран – 1
Буги – 4	колпак – 2	белый халат и шапочка – 1
больно – 4	корова – 2	белый, тихий – 1
гинеколог – 4	красный крест – 2	блестящие инструменты
лечение – 4	кресло – 2	– 1
окулист – 4	профессор – 2	бормашина – 1
пациент – 4	реанимация – 2	борода – 1
смерть – 4	скальпель – 2	ботаник – 1
стоматолог – 4	скука – 2	ботинок – 1
философии – 4	укол – 2	ваш – 1
близна – 3	физико-математических	венеролог – 1

ветеринар – 1	колбаса – 1	палата – 1
ветер – 1	коновал – 1	паук – 1
внесение веры – 1	крест – 1	пахнет лекарствами – 1
внимание – 1	кудесник – 1	передник – 1
врун – 1	лекарь – 1	перелом – 1
всадник – 1	лектор – 1	пиджак – 1
в земстве – 1	лор – 1	пила – 1
гадость – 1	магистр – 1	пожилой – 1
гад – 1	мама – 1	помощь (не всегда) – 1
геморрой – 1	мастер – 1	портфель – 1
грипп – 1	математик – 1	постель – 1
дантист – 1	математики – 1	преисподни – 1
даун – 1	медицинский халат – 1	пришел – 1
диктор – 1	медицинских наук – 1	приятный – 1
директор – 1	медсестра – 1	профан – 1
диск-доктор – 1	моего тела – 1	профессиональный – 1
доброта – 1	мой – 1	профессия – 1
доктор – 1	мокрый – 1	прохиндей – 1
долгий – 1	морг – 1	псих – 1
друг – 1	мучитель – 1	психика – 1
душа – 1	мягкость – 1	психолог – 1
женщина в белом халате – 1	напряжение – 1	психотерапевт – 1
забастовка – 1	наркоз – 1	пьяный – 1
заболел – 1	нашатырь – 1	регистратура – 1
запах больницы – 1	неверие – 1	рецепт – 1
запах горькой травы – 1	некомпетентный – 1	родители – 1
запах спирта – 1	ненависть – 1	руки – 1
здоровый человек – 1	ненужность – 1	садизм – 1
зима – 1	неприступность в белом халате – 1	садист – 1
знакомый – 1	неприятность – 1	свет – 1
знание – 1	неприятный – 1	светлое – 1
знающий – 1	не всегда компетентен – 1	свинья – 1
зубная боль – 1	не дали больничный – 1	серьезность – 1
зубной садист – 1	не лечит – 1	симпатичный – 1
известный – 1	нужный – 1	советский – 1
исповедь – 1	обидно – 1	сон – 1
иудей – 1	огни – 1	спаситель – 1
каких-то наук – 1	один – 1	спаситель-губитель – 1
кандидат – 1	осёл – 1	старичок – 1
катастрофа – 1	отдых – 1	старый – 1
китаец-учитель – 1	отравитель – 1	стетоскоп – 1
клизма – 1	отражатель – 1	страшно – 1
кликка пса – 1	офтальмолог – 1	съел – 1
козёл – 1	очкарик – 1	таблетка – 1
		таракан – 1

твоего тела – 1	участковый – 1	чисто выбритый – 1
термометр – 1	учитель – 1	что-то белое – 1
технических наук – 1	фельдшер – 1	чудесный – 1
тормоз – 1	филолог – 1	чужой – 1
тоска – 1	фонендоскоп – 1	шапочка – 1
трубка – 1	хлебцы докторские – 1	шапочка докторская – 1
уехал – 1	холодный – 1	эрос – 1
ужасно – 1	хороший врач – 1	эскулап – 1
умный – 1	хрустит – 1	язва – 1
усы – 1	чайник – 1	Stewart – 1
утешение – 1	частный – 1	album – 1
ухо – 1	черный – 1	

Плакат (1910)

Плакат (1921)

Плакат (1923)

Плакат (1940)

Плакат (1948)

Плакат (1961)

за здоровье ?

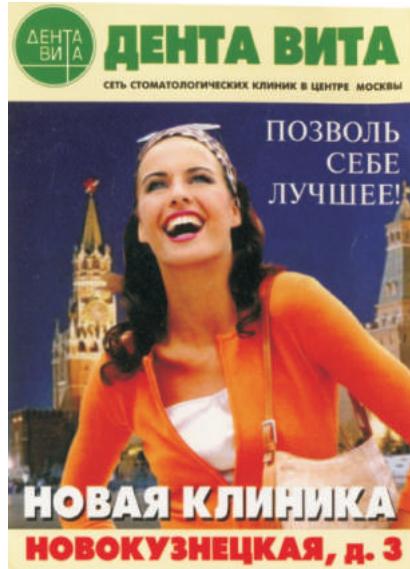
Плакат (1969)

Карикатура (В. Песков, 1989)

Коллаж (А. Кнышев, 1990)

Рекламная листовка (1993)

Обложка журнала (2002)

Плакат (2014)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. <1925>: в 2 кн. : Кн. 1. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
2. *Вайсман Б.* Психиатрия – предательство, не знающее границ / пер. с англ. – М.: Анвик К, 2002. – 384 с.
3. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. <1920; рус. пер. 1937> / пер. с фр. – 2-е изд.– М.: УРСС, 2001. – 408 с.
4. *Горбачевич К. С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: Норинт, 2002. – 224 с.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ: в 4 т. – 4-е изд. – СПб.–М., 1903–1909.
6. *Долинский В. А.* Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: дис. ... д-ра филол. наук: в 2 т. – Т.–2. Словарь «Вербальные ассоциации московских студентов» (БД ВАМС). – М., 2011. – 585 с.
7. *Долинский В. А.* Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. – М.: Тезаурус, 2012. – 512 с.
8. *Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь синонимов русского языка: в 2 т. – Т. 1. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1970. – 680 с.
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
10. *Левин Ю. И.* Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Семиотика и информатика. – Вып. 16, 1981. – С. 145–162.
11. *Леонтьев А. А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – С. 5–16.
12. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 292 с.
13. *Павилёнис Р.* Смысл и идентичность, или Путь к себе / пер с лит. – Вильнюс: ЕГУ, 2013. – 242 с.
14. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии <1958> / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
15. *Свендсен Л.* Философия страха / пер. с норв. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.
16. *Фейерабенд П. К.* Прощай, разум / пер. с англ. – М.: АСТ ; Астрель, 2010. – 477 с.
17. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 320 с.

18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Т. 1. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – 624 с.
19. Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии / пер. с англ. – СПб. : Евразия, 2002. – 532 с.
20. Altmann G. The Art of Quantitative Linguistics // Journal of Quantitative Linguistics. – Vol. 4. – No. 1–3. – 1997. – P. 13–22.
21. Jenkins J. J. The Minnesota Word Association Norms // Norms of Word Association. – N. Y. & L. : Academic Press, 1970. – P. 1–38.
22. Studia Litteraria Polono-Slavica. – Т. 6. Choroba, lek i zdrowie. – Warszawa: IS PAN SOW, 2001. – 556 s.
23. Szasz T. The Untamed Tongue: A Dissenting Dictionary. – La Salle, IL: Open Court Publishing Co., 1990. – 288 p.
24. Zilbergeld B. The Shrinking of America: Myths of Psychological Change. – Boston–Mass. : Little, Brown &Co., 1983. – 307 p.

УДК 81'342.1

В. Б. Кузнецов

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ; e-mail: kuvlad2007@yandex.ru

ЧТО МЫ ИЗМЕРЯЕМ, ОЦЕНИВАЯ ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТОТЫ СПЕКТРАЛЬНЫХ МАКСИМУМОВ ГЛАСНОГО ЗВУКА?

В статье рассматривается сложный вопрос артикуляторной интерпретации измерений частот спектральных максимумов гласных звуков. Обсуждается разное понимание таких ключевых терминов, как «резонанс», «форманта». На основе анализа такого явления, как переподчинение спектральных максимумов полостям речевого тракта делается вывод о невозможности использовать термин «форманта» как синоним термина «резонанс» и ошибочности требования к упорядоченности формант по частоте.

Ключевые слова: форманта; резонанс; спектральный максимум; речевой тракт; полюс; формантные треки.

Kouznetsov V. B.

Ph. D., Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: kuvlad2007@yandex.ru

WHAT IS ACTUALLY MEASURED IF THE FREQUENCY OF SPECTRUM MAXIMA OF VOWELS IS ESTIMATED?

The present paper deals with an important and controversial issue of articulatory interpretation of spectral peaks of vowels. The consequences of different use of the terms resonance and formant are discussed. Analysis of the phenomenon of formant cavity affiliation led to the conclusion that it could not be regarded as correct to use the term formant as a synonym of resonance and that the constrain on frequency ranking of vowel formants is fallacious.

Key words: formant; resonance; spectral maximum; vocal tract; pole; formant tracks.

Прежде чем обсуждать вопрос, поставленный в заглавии статьи, необходимо разобраться в употреблении таких ключевых терминов, как «резонанс», «частота резонанса», «форманта», «частота форманты». Заметим, что речь пойдет не столько о чисто терминологических аспектах соотношения этих терминов, сколько о содержательной интерпретации результатов спектрального анализа гласных звуков с использованием этих терминов.

В соответствии с теорией «источник-фильтр» [4] спектральные характеристики звуков речи определяются свойствами акустического источника и резонансными (фильтрующими, передаточными) функциями речевого тракта. Очевидно, что анализируя речевой сигнал, мы можем с той или иной степенью точности лишь оценить резонансную характеристику речевого тракта. Одна из наиболее часто стоящих задач перед фонетистами – измерение спектральных характеристик гласных звуков, в частности оценка значения частоты спектральных максимумов. Причем фонетистов интересуют те спектральные максимумы, которые обусловлены соответствующими резонансами речевого тракта, определяющими фонетическое качество гласного.

Итак, в вышеизложенном материале мы избегали использования термина «форманта», употребив термины «резонанс» и «спектральный максимум». Где же место форманты при описании акустических свойств речевого тракта и результирующего спектра?

Анализ литературы показывает, что существуют разные варианты использования этих терминов. Согласно одному из них, исходным термином для характеристики фильтрующей функции речевого тракта является резонанс, а форманта используется в качестве синонима. При описании спектральной огибающей прибегают к термину «спектральный максимум», или «форманта». Такой подход распространен очень широко. Например, авторы «Общей фонетики» С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова пишут: «В речевой акустике резонансные максимумы передаточной функции называют формантами...» [3, с. 119]. При этом они отмечают, что «...частоты резонансов (формант) и частотное положение амплитудных максимумов в спектре гласного отождествлять, строго говоря, не следует. Однако если плотность спектральных линий достаточно велика, это различие становится незначительным. Поэтому в фонетической литературе термин “форманта” нередко употребляется для обозначения как резонансных частот тракта, так и амплитудных пиков в спектре вокальных звуков» [3 с. 154]. Заметим, что в вышеприведенной цитате под условием «если плотность спектральных линий достаточно велика», подразумевается, что анализируемый речевой сигнал характеризуется низкой частотой основного тона (низкий мужской голос). При этом вводится ограничение на соотношение формантных частот: $F_1 < F_2 < F_3$ и т. д. Таким образом, форманты упорядочены по частоте.

При таком подходе синонимичность терминов «резонанс» и «форманта» фактически бесполезна, а многозначность термина «форманта» может затруднить понимание того, о чем идет речь.

В литературе имеется пример, когда форманта, а не резонанс считается исходным понятием: «Супраларингальная часть речевого тракта пропускает пропорционально больше акустической энергии на определенных частотах, называемых формантными частотами. Термин “резонанс”, или “затухающий резонанс”, часто используется для обозначения формант системы» [10, с. 136]. Правда, в другом месте той же книги отношение между формантой и резонансом трактуется с точностью до наоборот: «Структура формантных частот речи является отражением резонансов супраларингальной части речевого тракта» [10, с. 147].

Довольно сложно дать однозначную интерпретацию такого словосочетания, как «формантные резонансы», встретившееся в работе Ладефогед [9].

В другом варианте трактовки терминов «резонанс» и «форманта» говорят о том, что это разные понятия. В своей классической книге «Акустическая теория речеобразования» Г. Фант пишет: «Резонансные пики, наблюдающиеся в спектральной картине звуков речи, называются формантами ... Частотное положение максимумов $|T(f)|$, т. е. резонансных частот, весьма близко к соответственным максимумам спектра $P(f)$ данного звука. Хотя, строго говоря, частоты резонансов и частоты этих максимумов не стоит отождествлять – в большинстве случаев термины «резонансная частота» и «формантная частота» можно считать синонимами» [4, с. 32].

Отметим разные основания синонимичности терминов «резонанс» и «форманта» в подходе, представленном в книге С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой, и позиции Г. Фанта. В первом случае синонимичность задана априори: просто в речевой акустике резонанс называют формантой. Фант же исходит из того, что форманта – это характеристика спектра. И так как частоты формант и резонансов во многих случаях оказываются близкими, появляется основание считать эти термины синонимами.

Неизменность позиции Г. Фанта по этому вопросу подтверждается им в его более поздней публикации 1997 г. «Акустический анализ речи», написанной для «Энциклопедии акустики» [7], где

он дает однозначное определение форманты: «Форма спектра в основном определяется отдельными формантами, т. е. пиками, сформированными резонансами речевого тракта».

В журнале «Вопросы языкознания» за 1962 (№ 5 и № 6) в разделе «Консультации» В. И. Григорьев опубликовал две прекрасные статьи [1; 2], в которых в доступной для лингвистов форме рассмотрел ключевые понятия акустики речи (резонанс, форманта, антирезонанс, антиформанта), что облегчало для неспециалистов понимание недавно переведенной тогда на русский язык уже упомянутой книги Г. Фанта «Акустическая теория речеобразования». Вот его определение форманты, которое разделяем и мы: «... отображение резонансной характеристики полости на спектр возбуждающего источника и называется формантой» [1, с. 115].

Завершая терминологический анализ, скажем еще об одном термине, с которым фонетисты сталкиваются при описании резонансных характеристик речевого тракта. Этот термин – «полюс». В том случае, когда резонансная характеристика речевого тракта моделируется математически как фильтрующая функция, полюс соответствует резонансу, а ноль – антирезонансу. Читателя, желающего более подробно узнать о терминах «полюс» и «ноль», используемых, в частности, при описании спектров назализованных гласных и согласных звуков речи, мы отсылаем к статье В. И. Григорьева «О роли антиформант в образовании речевого спектра» [2].

Теперь обратимся к вопросу о том, как интерпретировать результаты измерения формантных частот гласных звуков.

Более полувека тому назад Г. Фант выражал сожаление о том, что в фонетической литературе все еще преобладает неполная, частично ошибочная и чрезмерно упрощенная теория сдвоенного резонатора [4], согласно которой F_1 связана с задней полостью, а F_2 – с передней. Фант убедительно показал что, это представление «...лишь чисто внешне соответствует факту корреляции между уменьшением ротовой полости и увеличением фарингальной в ряду [a], [æ], [e] и [i], что связано с уменьшением F_1 и увеличением F_2 » [4, с. 115–116].

Предложенная Стивенсом и Хаузом [11] и несколько видоизмененная Фантом трехпараметрическая модель речевого тракта дает более адекватное представление о формировании резонансных

свойств надгортанной части речевого аппарата. В соответствии с этой моделью для предсказания параметров результирующего спектра ротового гласного достаточно знать, где находится место наибольшего язычного сужения, степень этого сужения (площадь поперечного сечения) и наличие или отсутствие огубленности.

Анализируя русские гласные, Г. Фант приходит к выводу, что модель сдвоенного резонатора применима только для гласного [i]. В качестве примера приведем интерпретацию Г. Фантом связи артикуляторных параметров гласного [u] с его формантной структурой: «... для гласного [u] F_1 зависит от губного прохода в значительно большей степени, чем F_2 ; обратное справедливо для язычного прохода. Если вдобавок учитывать еще и объемы полостей, то можно сделать вывод, что для [u] частота F_1 связана главным образом с задней полостью и отверстием губ, а F_2 – с передней полостью и язычным проходом. Однако совокупное влияние передней полости и отверстия губ на F_1 в [u] больше, чем их влияние на F_2 , а совокупное влияние задней полости и язычного прохода на F_2 больше, чем их влияние на F_1 . С этой точки зрения F_2 в [u] можно считать формантой, обусловленной задним резонатором, а F_1 – передним» [4, с. 203].

Следует отметить, что для современной фонетики типична ситуация, когда, с одной стороны, теория речеобразования Г. Фанта (источник-фильтр) общепризнанна и даже именуется классической, а с другой – в своей исследовательской практике фонетисты все еще продолжают опираться на представления теории сдвоенного резонатора.

Необходимо остановиться еще на одном явлении, увеличивающем сложность взаимосвязей между спектральными характеристиками гласного и его артикуляторной природой. Речь идет о переподчинении формант полостям речевого тракта (formant cavity affiliation). Это явление, начиная с работы Стивенса и Хауса, выполненной в 1956 г. [11], отмечалось многими учеными в модельных экспериментах и при анализе речевого сигнала. Обратимся к описанию этого явления в вышецитированной работе Григорьева [1]. Автор описывает процесс переподчинения формант полостям речевого тракта в расчетном эксперименте, использующем трехпараметрическую модель Г. Фанта (см. рис. 1). Приведем полученную Григорьевым схему-номограмму (слегка нами измененную) и его комментарии к ней.

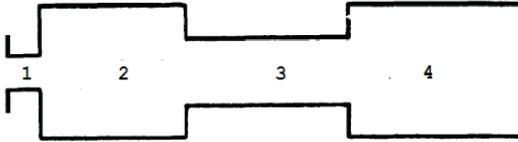

Рис. 1. Трехпараметрическая модель речевого тракта: 1) выходное отверстие; 2) передняя полость; 3) суженная секция; 4) задняя полость

«При перемещении суженной секции от заднего положения примерно до середины трубы передняя полость, объем которой уменьшается при соответственном возрастании частоты резонанса, захватывает вторую форманту и перемещает ее из положения, близкого к первой форманте, вверх (см. рис. 2).

Одновременно навстречу второй форманте движется третья форманта, ведомая задней полостью, объем которой увеличивается, и соответственно, резонансная частота понижается. При выравнивании объемов передней и задней полости вторая и третья форманты R_1 и R_2 – нижние резонансы передней и задней полости речевого тракта соответственно максимально сближаются друг с другом и образуют на спектре единую область усиления. В этой точке влияние передней и задней полости на вторую и третью форманты уравнивается, так что положение обеих формант определяется ими в равной степени. При дальнейшем перемещении суженной секции к выходному отверстию передняя полость захватывает третью форманту и ведет ее вверх до слияния с четвертой формантой, в то время как движение второй форманты в основном определяется увеличением объема задней полости» [1, с. 119–120]. Из этой цитаты со всей очевидностью следует невозможность трактовать форманту как синоним резонанса. Заметим, что в данном случае повышение информативности спектральной огибающей путем использования дикторов с низкой F_0 не обеспечит совпадения формантной частоты и частоты резонанса. Причем обусловленность формант той или иной из полостей изменяется в точках максимумов и минимумов формантных треков на номограмме¹.

¹Серия исследований этого явления была проведена французскими учеными. Они выявили в речевом тракте три местоположения этих точек, названных ими фокальными точками (focal points) [5]. Эти точки соответствуют гласным фонетического треугольника [i, a, u].

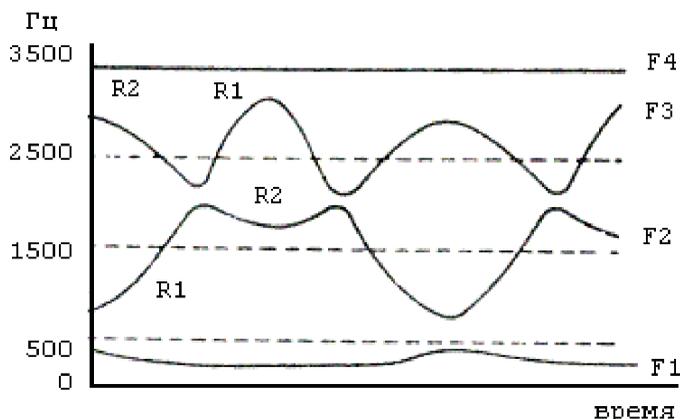

Рис. 2. Схема преобразований формантной структуры в результате цикла деформации типа местных сужений, моделируемых трехпараметровой моделью речевого тракта (пунктиром обозначены положения формант, характерные для гласного шва)

Таблица 1

Средние значения частот резонансов (R_1) французских гласных (15 мужчин и 5 женщин). Для R_3 приведены средние значения стандартного отклонения (τ). R_1, R_3 – резонансы задней полости, R_2 – резонанс передней полости

	Мужчины (15)				Женщины (5)			
	R_1	R_2	R_3	τ	R_1	R_2	R_3	τ
a	744	1345	2553	80	911	1594	2879	72
ε	526	1927	2570	42	673	2250	3087	67
ø	329	1360	2247	62	450	1653	2623	44
e	350	2711	2105	64	434	3133	2429	66
y	256	1810	2138	55	255	2179	2596	70
i	242	3484	2172	61	250	3796	2589	66
u	257	647	2218	63	259	708	2551	47

Если мы будем, например, отслеживать (см. рис. 2) траекторию второго спектрального максимума (F_2), то получим один результат, а при анализе траектории резонанса передней полости (R_1) результат будет совершенно иным. Таким образом, феномен *переподчинение формант* несовместим с требованием упорядоченности формант по частоте.

Отсюда дилемма: должны ли мы удовлетвориться отслеживанием и, соответственно, измерением формант как спектральных максимумов, упорядоченных по частоте, или же мы попытаемся проследить по спектральным максимумам изменение резонансных частот речевого тракта?

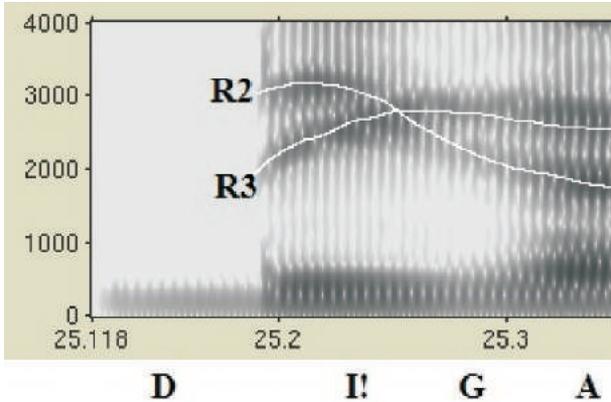

Рис. 3. Спектрограмма испанского слова «diga», демонстрирующая обусловленность спектральных максимумов резонансами передней (R_2) и задней (R_3) полостей речевого тракта

Для описания спектральных характеристик французских гласных исследователи [6] использовали частоты резонансов (см. табл. 1). Можно видеть, что для передних закрытых гласных [i, e] (выделенные в таблице строки) частота второго спектрального максимума (традиционно трактуемая как вторая форманта) определяется как резонансом задней полости R_3 , в остальных же случаях $R_1 = F_1$.

На основе этих данных можно, например, предсказать, что при переходе от гласного [i] к гласному [a] произойдет пересечение треков второго и третьего спектральных максимумов, так как резонанс R_2 должен снизиться с 3481 Гц до 1345 Гц, а R_3 – подняться с 2172 Гц до 2553 Гц.

На рисунке 3 приведена спектрограмма испанского слова «diga», которая подтверждает предсказанную динамику изменения резонансных частот речевого тракта и эффект переподчинения спектральных максимумов.

В заключение следует отметить, что интерпретация спектральных максимумов как отображения резонансов речевого тракта существенно усложняется, если в спектре гласного прослеживается

влияние подгортанной (трахея, бронхи, легкие) и / или носовой полости [13; 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев В. И. О формантах и формантной структуре // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 115–121.
2. Григорьев В. И. О роли антиформант в образовании речевого спектра // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 99–107.
3. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.
4. Фант Г. Акустическая теория речеобразования. – М.: Наука, 1964. – 284 с.
5. *Badin P., Boe L. J., Perrier P., and Abry C.* Acoustic considerations upon formant convergence // *Journal of the Acoustical Society of America*, 1990. – Vol. 87. – P. 1290–1300.
6. *Bailly G.* Characterization of formant trajectories by tracking vocal tract resonances // *Levels in speech communication: relations and interactions.* (Eds.) C. Sorin, J. Mariani, H. Méloni and J. Schoentgen. – Amsterdam: Elsevier, 1995. – P. 91–102.
7. *Fant G.* Acoustical Analysis of Speech // *Encyclopedia of Acoustics*, M. J. Crocker (ed.) John Wiley. – 1997. – Vol. 4. – P. 1589–1597.
8. *Fant G.* Speech Acoustics and Phonetics. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. – 320 p.
9. *Ladefoged P.* Instrumental Techniques for Linguistic Phonetic Fieldwork // *The Handbook of Phonetic Sciences.* Hardcastle, William J. and John Laver (eds). Blackwell Publishing, 1999. Blackwell Reference Online. 28December2007. – P. 92–113. – URL: http://www.blackwellreference.com/subscriber/tocnode?id=g9780631214786_chunk_g97806312147865
10. *Lieberman Ph., Blumstein Sh.* Speech physiology, speech perception, and acoustic phonetics // *Cambridge studies in speech science and communication.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 249 p.
11. *Stevens K. N., House A. S.* Studies of formant transitions using a vocal tract analog // *He journal of the Acoustical society of America.* – N. Y., 1956. – Vol. 28. – P. 578–585.
12. *Stevens K. N.* On the quantal nature of speech // *Journal of Phonetics.* – 1989. – Vol. 17. – P. 3–45.
13. *Stevens K. N.* Articulatory–Acoustic–Auditory Relationships // *The Handbook of Phonetic Sciences.* Hardcastle, William J. and John Laver (eds). Blackwell Publishing, 1999. Blackwell Reference Online. 28 December 2007. – URL: http://www.blackwellreference.com/subscriber/tocnode?id=g9780631214786_chunk_g978063121478615

14. *Chia Xuemin, Sonderegger M.* Subglottal coupling and its influence on vowel formants // *He journal of the Acoustical society of America.* – N. Y., 2007. – Vol. 122. – No. 3. – P. 1735–1745.

УДК 81'24

С. Майснер

кандидат наук, преподаватель на отделении межкультурной германистики в университете им. Георга Августа, Гёттинген, Германия;
e-mail: swetlana.meissner@phil.uni-goettingen.de

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ СПОСОБНОСТИ ИЗУЧАЮЩИХ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ

Эта статья посвящена восприятию речевого оформления презентации на немецком языке как иностранном. На примере изучающих немецкий язык как иностранный на продвинутом этапе она представляет возможные отклонения от нормы презентаций, а также некоторые пути тренировки презентационных способностей.

Ключевые слова: презентация; доклад; презентационные способности; речевое оформление; процесс воздействия.

Meißner S.

Dozentin an der Abteilung Interkulturelle Germanistik der Georg-August-Universität Göttingen, Deutschland; e-mail: swetlana.meissner@phil.uni-goettingen.de

PRÄSENTATIONSFÄHIGKEITEN FORTGESCHRITTENER DAF-LERNENDER

Der folgende Beitrag thematisiert am Beispiel fortgeschrittener Deutschals-Fremdsprache-Lernender die Wirkung der sprecherischen Gestaltung und mögliche Auffälligkeiten beim Präsentieren in der Fremdsprache Deutsch. Darüber hinaus zeigt es einige Schulungsmöglichkeiten für Präsentationsfähigkeiten dieser Lernergruppe.

Key words: Präsentation; Vortrag; Präsentationsfähigkeiten; sprecherische Gestaltung; Wirkungsprozess.

Meissner S.

Ph. D., Teacher of the Department of Intercultural German Studies at the University of Goettingen, Germany;
e-mail: swetlana.meissner@phil.uni-goettingen.de

PRESENTATION SKILLS OF LEARNERS OF GERMAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE ADVANCED STAGE

This article focuses on the perception of speech used during presentations in German as a foreign language. Using the example of those learning

German as a foreign language at the advanced stage, possible deviations from presentation standards are shown, and some ways of training presentation skills are described.

Key words: presentation; report; presentation skills; verbal support; influence process.

1. Einführung

Mündliches Vortragen, Referieren und Präsentieren gewinnen als grundlegende Schlüsselkompetenzen immer mehr an Bedeutung im universitären Studium in Osteuropa. Im „Gemeinsamen europäischen Referenzrahmen für Sprachen“ [4, S. 63] ist das Konzept „Präsentation“ sehr allgemein gefasst. Für produktive mündliche Aktivitäten im Bereich „vor Publikum sprechen“ gibt es eine Skala, auf der die Fähigkeiten entsprechend der Niveaus A1 bis C2 abgestuft sind. Auf dem A1-Niveau wird beispielsweise ein kurzes, eingeübtes Statement verlangt. Auf dem B1-Niveau sollte „eine vorbereitete, unkomplizierte Präsentation zu einem vertrauten Thema“ aus dem Fachbereich der Lernenden klar vorgetragen werden [4, S. 66]. Die wichtigsten Aspekte sollten also verständlich erläutert werden, sodass das Publikum dem Vortragenden mühelos folgen kann. Nachfragen seitens des Publikums können aufgegriffen werden. Sollten diese zu schnell werden, kann eine Wiederholung mit geringerer Sprechgeschwindigkeit gefordert werden.

Auf B2-Niveau sollte der Lernende bereits in der Lage sein, „eine klare und systematisch angelegte Präsentation“ vorzutragen. Dabei sollen „wesentliche Punkte und relevante unterstützende Details“ in den Vordergrund gestellt werden. Vom Publikum aufgeworfene interessante Fragen können spontan aufgegriffen werden, „häufig in bemerkenswert gewandter und flüssiger Weise“ [4, S. 66]. Die vorbereitete Präsentation sollte Gründe für oder gegen eine Betrachtungsweise und die Vor- und Nachteile unterschiedlicher Alternativen nennen. Der Referent sollte flüssig und spontan verschiedene Arten von Nachfragen aufgreifen können – „ohne Anstrengung für sich oder das Publikum“ [4, S. 66].

Lerner auf C2-Niveau sollten sicher und für das Publikum gut verständlich ein komplexes, nicht vertrautes Thema referieren können. Dabei sollte Vortrag an die Bedürfnisse des Publikums angepasst und entsprechend strukturiert sein [4, S. 66].

Die Anforderungen an Präsentierende unterschiedlicher sprachlicher Niveaus sind eher ideale Vorstellungen der Präsentationskompe-

tenz von Muttersprachlern, für den fremdsprachlichen Kontext sind sie jedoch zu unspezifisch formuliert. Es fehlen vor allem genaue Angaben zu paraverbalen Mitteln. Um diese Lücke zu füllen, werden im Folgenden die parasprachlichen vs. sprecherischen Merkmale der gesprochenen Fremdsprache Deutsch in Fokus genommen. Dabei wird exemplarisch am Beispiel von sprecherischen Auffälligkeiten in Präsentationen fortgeschrittener weißrussischer Lernender des Deutschen als Fremdsprache (DaF) die Bedeutung der Sprechweise im Zuhörprozess thematisiert und Möglichkeiten aufgezeigt, wie sprecherische Fähigkeiten auf paraverbalen Ebene geschult werden können.

2. Wirkung der Sprechweise beim Präsentieren

Beim Präsentieren geht es in erster Linie um das Sprechen zum Publikum. Dementsprechend sind daran mindestens zwei Personen beteiligt. Der Präsentierende hat in einer Präsentation das Rederecht und löst im Zuhörprozess eine bestimmte Wirkung beim Publikum aus. Der Präsentierende verfolgt dabei zwar bestimmte Ziele, er kann aber nicht garantieren, dass die intendierten Wirkungen beim Publikum genauso ankommen. Das Publikum nimmt den Präsentierenden und die durch ihn vermittelten Inhalte nämlich nicht passiv wahr, sondern bewertet aktiv Einstellungen, Motive und Inhalte und reagiert entsprechend [7, S. 773]. Nicht nur die beteiligten Personen, sondern auch dementsprechend die individuelle Bestimmung einer Situation, deren Bewertung sowie das subjektive Erleben der Umstände sind für den Wirkungsprozess entscheidend [6, S. 63].

Inwiefern das Publikum dem Präsentierenden folgen kann und weiter zuhört oder bestimmte Äußerungen durch beeinträchtigte Verständlichkeit nicht richtig interpretieren kann, entscheidet neben der inhaltlichen, strukturellen und medialen Aufbereitung der Inhalte das sichere und gekonnte sprecherisch-sprachliche Verhalten des Präsentierenden. Die situationsangemessene und adressatengerechte Nutzung sprecherischer Merkmale beeinflusst nicht nur den Verstehensprozess positiv, sondern auch den Gesamteindruck einer Präsentation. Studienbezogene, fachrelevante Inhalte in einer fremden Sprache vor einem Publikum frei formuliert darzustellen bzw. zu präsentieren, fällt den nichtdeutschen Muttersprachlern jedoch häufig sehr schwer. Hier spielen sowohl interferenzbedingte als auch kulturspezifische

und sprechertypische Einflüsse eine Rolle [9; 10]. Diese können die Aufmerksamkeit des Publikums vom Inhalt auf die Form lenken. Häufig entstehen durch den Gebrauch der gesprochenen Fremdsprache Deutsch zusätzliche Sprechhemmungen, die den Zuhörprozess und dementsprechend das Folgen in der Fremdsprache stark beeinträchtigen können.

3. Präsentationsfähigkeiten fortgeschrittener DaF-Lernender

In einer teilnehmenden Beobachtung und sich daran anschließenden auditiven Analyse wurden die Präsentationsfähigkeiten fortgeschrittener weißrussischer DaF-Lernender hinsichtlich der Verwendung sprecherischer Merkmale untersucht. Dabei handelt es sich um acht Studierende des Hauptstudiums der Germanistik mit Niveau B1 und B2 nach dem „Gemeinsamen europäischen Referenzrahmen“ [4], welche im Rahmen ihres Studiums Referate zum Thema „Vermittlung sprachlicher Fertigkeiten im schulischen Fremdsprachenunterricht Deutsch“ hielten. Alle Studierenden bekamen für die Vorbereitung ihrer Referate einen aktuellen fachdidaktischen Basistext in deutscher Sprache und wurden über die Grundlagen der Referatsvorbereitung und -präsentation informiert. Bei der Erarbeitung sollten folgende Arbeitsschritte beachtet werden [in Anlehnung an 2, S. 8]:

- den Grundlagentext lesen und verstehen
- wesentliche Aspekte hörergerecht auswählen
- eine Sprechvorlage erstellen (= Gliederung erstellen und Stichwörter erarbeiten)
- eigene Praxisbeispiele finden
- ein Handout erstellen
- die erarbeitete Präsentation üben.
- Während der Präsentation sollten folgende Aspekte berücksichtigt werden:
 - Formulierungen finden (unter Einbeziehung der Sprechvorlage)
 - auf die sprecherische und körpersprachliche Gestaltung achten
 - das Publikum durch Nachfragen aktiv einbinden.

Durch Vorbereitung und Präsentation des Kurzreferates sollten sowohl bei den Präsentierenden als auch beim Publikum die grundlegenden sprachlichen Fertigkeiten gefördert werden. Während die Referenten durch die Erarbeitung der Inhalte ihr (Lese-)Verstehen

fachwissenschaftlicher und fachdidaktischer Literatur schulten, trainierte das Publikum diese Fertigkeit beim Lesen der Handouts und Folien. Bei der Erstellung der Referatsgliederung und Erarbeitung von Stichwörtern sollte die Schreibfertigkeit der Präsentierenden gefördert werden. Das Publikum sollte die produktive schriftliche Aktivität wiederum durch Notieren wesentlicher Aspekte des Referates beim Rezipieren trainieren. Weiterhin übten beide Seiten ihre rezeptive Fertigkeit des Hörens: Der Präsentierende bei der Aufnahme und Verarbeitung der Diskussionsbeiträge des Publikums und das Publikum beim Verstehen des Vortrags selbst. Schließlich war auch das Sprechen beider Beteiligten entscheidend: Der Präsentierende schulte seine produktiven mündlichen Aktivitäten durch das Einüben und Präsentieren des Vortrags und das Publikum durch die anschließenden Diskussionsbeiträge.

Die Präsentation fand im universitären Lehrveranstaltungskontext in Weißrussland statt und richtete sich an acht bis zehn Seminarteilnehmerinnen und -teilnehmer. Die Präsentation erfolgte in Form einer Power-Point-Präsentation, Computer und Beamer dienten also als Medium. Die Dauer war auf zehn bis max. fünfzehn Minuten beschränkt. Hinsichtlich der Nutzung sprecherischer Merkmale konnten folgende Auffälligkeiten beobachtet werden:

- Festhalten an der schriftlichen Sprechvorlage
- fehlender Blickkontakt zum Publikum
- monotone Sprechweise
- geringe Sprechspannung
- teilweise undeutliche Artikulation
- teilweise zu hohe Sprechlage
- fehlende Lösungstiefe in abgeschlossenen Äußerungen
- schnelles Sprechtempo
- wenig bzw. sinnwidrige Pausen
- geringe Lautstärke
- angespannte Körperhaltung.

Es lässt sich vermuten, dass weißrussische DaF-Lernende für die Bedeutung der sprecherischen Gestaltung beim Präsentieren und deren Wirkung im Zuhörprozess bisher nicht ausreichend sensibilisiert wurden. Neben den interferenzbedingten segmentalen und suprasegmentalen Abweichungen war augenfällig, dass die Lernenden eher auf das

„Vorlesen“ bzw. (auswendig gelernte) Aufsagen ihrer Sprechvorlage fixiert waren, als ihre Gedanken frei zu formulieren, geschweige denn das Publikum anzuschauen. Dadurch entstand eine eher monotone und nicht dialoggestaltende Sprechweise, die den Verstehensprozess deutlich beeinträchtigte. Bei konkreten inhaltlichen Nachfragen des Präsentierenden waren seitens des Publikums nur geringfügig Informationen aus dem Gedächtnis abrufbar.

4. Schulung von Präsentationsfähigkeiten

Zur (Weiter-)Entwicklung der sprecherischen Präsentationsfähigkeiten fortgeschrittener DaF-Lernender (Niveau B1 / B2) eignen sich Aufgaben zum lernprozessbegleitenden Beobachten und Beschreiben des sprecherisch-sprachlichen Verhaltens des Präsentierenden sowie die Arbeit mit Kriterienkatalogen, anhand derer DaF-Lernende lernen, das eigene und fremde sprecherisch-sprachliche Verhalten wahrzunehmen und zu beurteilen. Indem das Publikum thematisiert, wie es den Sprecher wahrgenommen hat, bekommt der Präsentierende eine Rückmeldung darauf, inwiefern seine Intention angekommen ist, inwiefern er die Anforderungen (z.B. des Publikums, des „Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens“, des Lehrenden) erfüllt hat und was eher störend wirkte. So kann durch Kriterienkataloge die Einschätzung von Präsentationsfähigkeiten transparent gemacht werden. Folgende Fragestellungen sind in Anlehnung an den Kriterienkatalog zur Beurteilung von mündlichen Präsentationen in der Fremdsprache Deutsch von Berkemeier [2] in Bezug auf die sprecherische Gestaltung von besonderer Relevanz:

- War die Aussprache des Präsentierenden klar und deutlich?
- Gab es Variationen beim Melodieverlauf?
- Gab es sinnvolle Betonungen und Pausen?
- Gab es zu viele oder zu wenige Pausen?
- Was das Sprechtempo situationsangemessen oder zu schnell/zu langsam?
- War die Lautstärke situationsangemessen?
- War die Stimme klangvoll oder klangarm?
- Sprach der Präsentierende eher in einer hohen oder eher in einer tiefen Sprechstimmlage?

Die Aufmerksamkeit auf die sprecherische Gestaltung des Präsentierenden kann insbesondere durch Gedichtvorträge oder Vorträge zu

vorhandenem Wissen (z. B. Urlaub und Ferien) gelenkt und geübt werden [3, S. 545]. So können verschiedene Sprechweisen (z. B. langsam vs. schnell, monoton vs. dialoggestaltend, leise vs. laut) in Deutsch als Fremdsprache zum Gegenstand der Diskussion gemacht werden, indem das Publikum ihre Eindrücke hinsichtlich der Wahrnehmung des Präsentierenden und der Aufnahme des Textes darstellt.

Auch wenn Präsentationen eine mündliche produktive Aktivität für Lernende unterschiedlicher sprachlicher Niveaus darstellen, sind bei der Entwicklung und Schulung von Präsentationsfähigkeiten insbesondere auch Anforderungen in Bezug auf Inhalt und Umfang relevant. Einzelne sprachliche Teilfertigkeiten können im Vorfeld isoliert trainiert werden. Bevor jedoch vor einem großen Publikum vorgetragen wird, sollten die Lernenden ihre Präsentationen vorerst in kleinen Gruppen üben und so versuchen, ihre Sprechängste in der gesprochenen fremden Sprache abzubauen. Vielfältige Redeanlässe zur Weiterentwicklung von Präsentationsfähigkeiten im Lernprozess bieten die beste Möglichkeit, eigene Präsentationskompetenz auszubauen bzw. zu verbessern.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Becker-Mrotzek M.* Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik. – Baltmannsweiler: Schneider Hohengehren, 2009. – S. 592.
2. *Berkemeier A.* Präsentieren lehren. Vorschläge und Materialien für den Deutschunterricht. – Baltmannsweiler: Schneider Hohengehren, 2009. – S. 116.
3. *Berkemeier A., Pfennig L.* Schüler/innen präsentieren // Mündliche Kommunikation und Gesprächsdidaktik/Becker-Mrotzek. – M.– Baltmannsweiler: Schneider Hohengehren, 2009. – S. 544–552.
4. *Europarat.* Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen. – Berlin etc.: Langenscheidt, 2001. – S. 248.
5. *Fix U., Gardt A., Knape J.* Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung. – Berlin–N. Y.: de Gruyter, 2008. – 1. Halbband. – S. 1129.
6. *Hirschfeld U., Neuber B., Stock E.* Phonetische Sprechwirkungsforschung im Bereich der interkulturellen Kommunikation // Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch. – Frankfurt a. M.: Lang, 2010. – S. 43–68.
7. *Hirschfeld U., Neuber B., Stock E.* Sprach- und Sprechwirkungsforschung // Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung. – Berlin–N. Y.: de Gruyter, 2008. – 1. Halbband. – S. 772–786.

8. *Hirschfeld U., Stock E.* Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch. – Frankfurt a. M.: Lang, 2010. – S. 294.
9. *Potapova R.* Interkulturelle Aspekte der Para- und Extralinguistik // Sprechwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch. – Frankfurt a. M.: Lang, 2010. – S. 29–42.
10. *Reinke K.* Fremder Akzent – von der auditiven Wahrnehmung zur Deutung der Persönlichkeit // *Babylonia*. – 2011 – Nr. 2. – S. 73–79.

УДК 81'33

Н. Е. Маслова

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ;
e-mail: natalia.maslova277@gmail.com

К ВОПРОСУ О МОДИФИКАЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ¹

Статья посвящена изучению вариантов и модификаций фразеологических единиц (ФЕ), соотносящихся с семантическим полем «агрессия», в дискурсе социальных сетей Интернета. Исследование имеет своей целью создание корпуса примеров ФЕ вышеуказанного типа, что необходимо для увеличения эффективности выявления текстов депривационного характера и контент-анализа социальных сетей.

Ключевые слова: социальная сеть; фразеологические единицы; вербальная агрессия; варианты ФЕ; модификации ФЕ; определение тональности текста; выявления текстов депривационного характера; контент-анализ социальных сетей.

Maslova N. E.

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities
and Applied Sciences, MSLU; e-mail: natalia.maslova277@gmail.com

TO THE QUESTION ON IDIOM MODIFICATIONS IN SOCIAL NETWORK COMMENTS

The report deals with formal and semantic idiom modifications used in social network aggressive comments. Our aim is to create a database of modified idioms that should stimulate aggressive text detection and opinion mining in social networks.

Key words: social network; idioms; verbal aggression; idiom variation; idiom modification; sentiment analysis; aggressive text detection; opinion-mining.

Проблемой вариативности и модификаций фразеологических единиц занимались многие лингвисты на протяжении нескольких десятилетий [2; 3; 5–8]. Но сегодня эта тема становится особенно актуальной в связи с двумя задачами. Во-первых, необходимо

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 14-18-01059 Российского научного фонда (РНФ) на базе МГЛУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. К. Потапова.

бороться с набирающей обороты вербальной агрессией в Интернете, так как вербальная агрессия в виртуальном пространстве наносит ничуть не меньше вреда, чем при непосредственном общении. Во-вторых, большую популярность в наши дни получил метод контент-анализа социальных сетей (*англ.* opinion mining). Поэтому для автоматизированной обработки больших объемов текстов (обсуждений новостей, форумов, социальных сетей) необходимо разработать программный продукт с привлечением знаний лингвистов, психологов, программистов и социологов.

Эта непростая задача таит в себе много трудностей. Одна из них – распознавание компьютером фразеологических единиц. Фразеологизмы представляют собой эмоциональный конденсат любого человеческого языка. На это указывают многие отечественные лингвисты. Например, Баранов и Добровольский в книге «Аспекты теории фразеологии» [3] пишут, что фразеологизмы играют роль стабилизаторов эмоционального состояния коммуникантов, служат своего рода «отдушиной». Виртуальное общение не составляет исключения. В обсуждениях социальных сетей ФЕ очень часто используются коммуникантами.

Фразеологические единицы – единицы сверхсловного уровня: как правило, они состоят из двух-трех слов. Кроме того, компоненты ФЕ могут разбиваться другими словами, часто они видоизменяются, перефразируются. Поэтому при определении эмоциональной окраски комментариев социальных сетей требуется более тонкий инструмент анализа. Именно это и определяет практическую значимость данного исследования.

В ходе исследования изменений ФЕ лингвист неизбежно сталкивается с вопросом: что именно относить к идиомам, а что – к устойчивым словосочетаниям, а значит, оставлять за рамками исследования? Скажем, стоит ли считать фразеологизмом или хотя бы коллокацией словосочетание «удержаться у власти» в следующем примере:

А.: «Им и так у власти удержаться надо, им не до Крыма уже сейчас».

В.: «Антон, так вот за удержание власти биться и будут, пока ЮВУ совсем из-под контроля не вышел».

С одной стороны, словосочетание «удержание власти» представляет собой синтаксический вариант коллокации «удержаться

у власти». Как пишет об этом Гвоздарев [6, с. 44], фразеологизм имеет специфические грамматические парадигмы, отличные от грамматических парадигм слова, и «удержание у власти» – пример такой парадигмы. С другой – можно справедливо заметить, что одним из главных свойств фразеологизма является его образность, а в рассматриваемом сочетании если и есть метафорическая образность, то весьма условная.

Многие лингвисты высказывались на эту тему, среди них стоит выделить работы [4, с. 24–26; 9]. Так, в предисловии к электронному ресурсу «Словарь русской идиоматики» читаем: «В отечественной традиции принято различать собственно фразеологизмы (идиомы), в которых исходное значение полностью переосмысливается (*медведь на ухо наступил, ломиться в открытую дверь*), и коллокации, в которых одно слово выступает в своем обычном значении, а другое – во фразеологически связанном (*плакать навзрыд, в стельку пьяный*)» [9, с. 2]. Иными словами, напрашивается вывод о градуированности такого свойства словосочетаний, как идиоматичность. В работе Е. И. Большаковой рассматривается шкала «слово – коллокация – идиома» [4]. Перед современными лингвистами стоит необходимость формализации и автоматизации оценки степени идиоматичности словосочетания.

Почему коммуниканты прибегают к модификациям ФЕ? Причина кроется в желании использовать не затасканные, а яркие, свежие образные выражения; с помощью обновленного оборота говорящий может выразить весь накал своих чувств. На это указывает и Т. Н. Федуленкова в своей монографии [10]. Алефиренко пишет: «Вариантность лексического состава фразем – яркое проявление динамического взаимодействия единиц лексического и фразеологического уровней в синхронии, их функционально-семантического взаимовлияния, вследствие чего происходит коммуникативно обусловленное усовершенствование фразеологической системы и ее развитие» [2].

Следует различать изменения плана выражения, которые приводят к существенному преобразованию плана содержания (их мы будем называть, вслед за Гвоздаревым, модификациями), и изменения, не влекущие за собой существенные преобразования плана содержания (т. е. варианты фразеологизмов). Известный

отечественный лингвист Н. М. Шанский дает следующую трактовку фразеологических вариантов: «Варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и степени семантической слитности» [8, с. 75]. Что касается изменений, коренным образом затрагивающих план содержания, то их также называют неофразеологизмами (Шанский), неофразами (Алефиренко) и модификациями (Гвоздарев).

Проблема заключается в том, что не всегда легко установить, является ли данная реализация фразеологизма существенной для плана содержания или нет. Как пишет Гвоздарев, «проблема тождества фразеологической единицы возникает в связи с тем, что фразеологическая единица, во-первых, реализуется в речи в виде различных своих проявлений, в различных формах, иногда заметно отличающихся друг от друга, во-вторых, развитие фразеологического состава языка, изменения фразеологических единиц и появление новых нередко начинается с изменений, на первый взгляд, несущественных, в функционировании единиц в речи. Проблема вариантности фразеологической единицы тесно связана с философской проблемой явления и сущности, что уже отмечалось в литературе» [6, с. 127]. О проблеме разграничения модификаций и вариантов ФЕ более подробное описание можно найти в [2; 10].

Обзор работ данной тематики позволил создать сводную классификацию видов изменений ФЕ. Далее она будет подробно рассмотрена и проиллюстрирована примерами, взятыми в соцсети «ВКонтакте»¹.

Виды изменений фразеологических единиц

I. Изменения формы (варианты ФЕ)

а. Языковые

1. Фонетические

2. Морфологические

3. Лексические

- замена одного из компонентов
- двойная актуализация
- нарушение дистрибуции

¹ Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

4. Синтаксические
 - квантитативные
 - инверсия
 - дистанцирование компонентов
 - топиализация
 - пассивизация
 - б. Метаязыковые
 1. Кавычки
 2. «Как говорится»
- II. Изменения содержания (модификации ФЕ)
- а. по Алефиренко, Шанскому, Баранову и Добровольскому
 1. Конденсация
 2. Буквализация
 3. Контаминация
 - б. по Гвоздареву
 1. Лексико-фразеологический
 2. Семантический
 3. Синтактико-фразеологический

В первую очередь различают языковые и метаязыковые варианты фразеологизмов. К последнему, как объясняет П. С. Дронов, относятся случаи, в которых фразеологизм вводится одной из фраз «как говорится», «что называется», «как говорят в народе» или просто кавычками. Пример: *Как будем жить? Не так страшен чёрт, как его малюют. Жили и будем жить, хватит стонать.* Такой способ употребления ФЕ дает понять, что «обычно он не употребляет это выражение» [7, с. 25]. Такие ситуации «указывают на некую смену кода (т. е. говорящий вставляет их перед употреблением иноязычных или не свойственных ему слов и выражений)» [там же].

Языковые варианты разделяются в соответствии с языковым уровнем, средствами которого варьируется данный фразеологизм: фонетические, морфологические, лексические, синтаксические. Некоторые лингвисты (например, [1]) разделяют эти варианты на две группы: семантические и структурные. К первым относят лексические варианты, а к структурным – все остальные.

Приводимая в настоящем исследовании классификация не отличается излишней дробностью. Подобно тому, как в радуге

носители русского языка выделяют 7 цветов, наше разделение ограничивается четырьмя основными типами вариантов. В отличие от других лингвистов, в данной работе мы не акцентируем внимание на смешанных типах. Например, 6 разновидностей вариантов, выделяемых Гвоздаревым (морфонематический, морфемный, морфологический, синтаксико-морфологический, морфолого-синтаксический и, наконец, лексико-морфологический) [6, с. 36], в данном исследовании объединяются в один морфологический вид и не различаются внутри него.

Следует отметить, что выделяемые виды вариантов неодинаково представлены в интернет-общении. Так, практически не представлен фонетический уровень вариативности. Во всей выборке (около 800 комментариев, среди которых – 200 фразеологизмов) встретилось всего два примера:

1. «Они ничего не подозревали и тут нате вам Здравсти девочки!»

В данном высказывании употреблена просторечная форма слова «здравствуйте». Здесь представлен не фразеологизм, а крылатая фраза из фильма.

2. «а крыму то уже пути назад нету, все ...».

Вместо «пути назад нет» использована просторечная форма «нету».

Причина такой «депривации» фонетического вида вариантов кроется не в том (как можно было бы подумать сначала), что в центр исследования попадали письменные тексты, а не разговорная речь. Уже немало работ посвящено неформальному интернет-общению, и можно без сомнений признать, что в большинстве случаев письменная речь в соцсетях представляет собой скрипт разговорной речи. Это явление можно было бы объяснить, если бы коммуниканты проживали в центральной части России, не отличающейся особым диалектом. Но в действительности люди, участвующие в переписке, находятся в совершенно разных городах нашей огромной страны. Кроме того, нельзя все списать на повсеместную грамотность населения. В таком случае фонетические варианты фразеологизмов должны были бы встретиться в комментариях, содержащих значительное количество орфографических и пунктуационных ошибок. Нельзя не заметить, что слова «здравствуйте» и «нет» относятся к высокочастотным. Первое

из них часто употребляется в просторечном варианте в результате закона минимальных усилий, чего нельзя сказать о втором. Не останавливаясь на вопросе, почему распространена именно такая просторечная форма слова «нет», отметим, что в письменную речь проникают лишь самые частотные просторечия. Это верно как для лексики, так и для фразеологизмов. Но вероятность употребления высокочастотного просторечного слова в ФЕ меньше, чем в свободном словосочетании, поэтому и фонетические варианты ФЕ так редки в соцсетях.

Наиболее часто в Сети используются лексические и синтаксические средства вариации фразеологизмов. Лингвистами выделяются следующие виды лексических вариантов: двойная актуализация, нарушение дистрибуции, замена одного из компонентов. Приведем пример двойной актуализации:

«Так что Юрий, мы с вами на баррикадах будем по разные стороны, и постараюсь не промахнуться».

В этом высказывании благодаря контексту («и я постараюсь не промахнуться») фразеологизм воспринимается одновременно и как свободное выражение, и как образное. Также имеет место инверсия: компонент «на баррикадах» вынесен вперед, ср. «быть по разные стороны баррикад». Поэтому этот пример можно отнести к смешанному типу (лексико-синтаксическому) или можно утверждать, что в данном высказывании реализованы два языковых уровня изменения ФЕ.

Замена одного из компонентов, как пишет Ю. А. Гвоздарев, часто вызвана «пуризмом, когда в народных фразеологических единицах заменяются слова, признающиеся грубыми, вульгарными, на слова литературные, «приличные»» [6].

Однако не всегда замена производится с целью улучшить стиль речи. Бывают и противоположные случаи (и весьма частые), когда говорящий намеренно понижает регистр, выбирая эмоционально нагруженные синонимы, чтобы задеть чувства коммуниканта или выразить весь накал своего негодования. Примером тому служит фраза «*все для быдла, все для электората*». Такие случаи замены компонента приводят к образованию новых ФЕ с совершенно другим смыслом.

Напомним, к синтаксическим вариантам относятся инверсия, дистанцирование компонентов и квантитативные изменения.

Дронов также перечисляет топиализацию («тот сор, который вынесли из избы») и пассивизацию («крест, носимый им со смирением»). Также Н. Ф. Алиференко и Н. Н. Семененко относят сюда контаминацию (смешение двух фразеологизмов) и буквализацию (употребление фразеологизма в буквальном смысле) [2], но есть основания полагать, что эти два вида относятся к смысло-различительным изменениям ФЕ, т. е. к модернизации, поскольку в результате этих процессов образуются ФЕ с совершенно новым смыслом.

Кроме того, Дронов в своей работе [7] выделяет следующие разновидности количественных вариантов:

- расширение состава;
- добавление адвербиального компонента;
- добавление атрибутивного компонента;
- добавление дейктического компонента;
- добавление компонента с обязательной атрибутивной валентностью;
- сужение состава (редукция);
- повтор компонента.

Необходимо также упомянуть вводимое Дроновым разделение количественных вариантов ФЕ на стандартные и нестандартные [7, с. 15]. Стандартными являются варианты, в которых добавляемое слово коррелирует как с образом, так и с актуальным значением. Здесь наглядно проявляется отличие фразеологизмов от обычной лексики и то, как особенности архитектоники объектов языковой системы (а именно – наличие не только актуального значения, но и образной составляющей) влияют на реализацию такого явления, как вариативность. Нестандартными считаются варианты, где вводимое слово коррелирует только с одной составляющей ФЕ – либо с актуальным значением, либо с образом.

Рассмотрим пример нестандартного варианта ФЕ:

«До окончательного решения еще далеко, когда нам можно будет навешать очередной лапши».

Здесь представлены одновременно и редукция (опущен компонент «на уши»), и адъективное расширение компонентного состава (за счет прилагательного «очередной»). Дронов указывает на то, что такие прилагательные, как правило, «относительные, указывающие на информативные признаки» [7]. Слова, передающие

значение повторяющегося действия, часто несут отрицательную коннотацию, и это верно не только для русского языка. Сравните с раздражительными высказываниями: «Да ты все время / постоянно ноешь!»; «You're always late!»; «Er ist immer müde. Er hilft mir gar nie!»

Выше были изложены типичные варианты фразеологизмов (т. е. изменения формы без изменений смысла). А теперь рассмотрим модификации ФЕ, где изменения затрагивают и план содержания. В отечественных работах по фразеологии встречаются такие названия этого явления, как отфраземное образование, неологизмы фразеологии [8], фразеологическая неология [1]. Алефиренко распределяет неофраземы по таким категориям, как «события», «признаки» и «предметы» [там же]. Предлагается объединять неофраземы в когнитивно-дискурсивные группы по компонентной структуре, по значению ФЕ и по типу лингвокультуры. Однако такая классификация не представляется оптимальной в рамках данного исследования.

Особой последовательностью и логической завершенностью отличается классификация модификаций фразеологизмов, предложенная Ю. А. Гвоздаревым [6, с. 176]. В основе этой классификации лежит критерий деривационной базы – то, от чего образованы новые фразеологизмы. В соответствии с этой классификацией различают ФЕ, образованные от: а) отдельных слов; б) свободных словосочетаний; в) устойчивых словосочетаний; г) фразеологических единиц; д) пословиц и поговорок; е) иноязычного материала. В данном исследовании в центре внимания оказываются фразеологизмы, образованные от других ФЕ. Это явление, по Гвоздареву, носит название фразеологической модернизации [6, с. 211]. Он также вводит понятие фразеобразовательного способа, под которым понимается «образец образования ФЕ, абстрагированный от лексико-семантических и грамматических признаков и характеризующийся общностью: а) деривационной базы; б) характера фразеобразовательного процесса» [там же].

«Учиться надо, ученье – свет».

Здесь представлен усеченный вариант пословицы «ученье – свет, а неученье – тьма». Данный фразеологизм совпадает с частью пословицы лексически и сохраняет ее общее значение. Но такая

вариация не увеличивает эмоциональную нагрузку фразеологизма, она служит для экономии речевых усилий. Говорящий предполагает, что коммуниканту известен полный вариант пословицы, и нет необходимости полностью ее повторять. В противоположность такому случаю реализации фразеологизма фраза «*ученье – свет, а неученье – чуть свет – и на работу!*») является контаминацией ФЕ и свободных, но часто повторяющихся выражений, где также вступают в языковую игру в рамках одного высказывания два значения одного и того же слова «свет». Последний пример иллюстрирует лексико-фразеологический способ фразеобразования.

Но не всегда образованной от пословицы фразеологизм сохраняет ее существенные лексические и семантические признаки. О наличии отрицательной тональности в текстах соцсети и соответственно деструктивной характеристики авторов этих текстов свидетельствуют следующие комментарии: «*Мы вон своего валенка скинуть не можем все еще, давайте хоть за Украинцев порадуемся хоть раз*) Прорубили себе окно в европу.» Здесь образное выражение «не суметь скинуть свой валенок» вступает в антонимичные отношения с фразеологизмом «прорубить окно в Европу» и означает «не иметь возможности преодолеть свою отсталость». В сознании русскоговорящего человека возникает связь этого образа с пословицей «лаптем щи хлебать», которая означает «жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности» [ФСРЛЯ]. Таким образом, выражение «сбросить валенок» соотносится по смыслу с этой пословицей и содержит в себе ее отдельные компоненты (*валенок* как относительный синоним *лаптя*). Здесь отношение между производным фразеологизмом и производящей пословицей подобно тому, как фразеологизм «без царя в голове» восходит к пословице «Свой ум – царь в голове» [6, с. 124].

Следующее высказывание представляет собой особый интерес с точки зрения языковой игры и актуализации значений: «*Привет, русские! Мы теперь с вами еще большие братья! Кровные. До последней капли крови брататься будем*». Во-первых, появление слов «русские» и «братья» в одном контексте напоминает читателю о братских народах. Затем коммуникант использовал контаминацию двух фразеологизмов: «братья по крови» и «(драться) до последней капли крови». И, наконец, следует отметить, что глагол

«брататься» имеет два значения: 1) «объявлять кого-то своим братом»; 2) особый вид рукопашного боя. Другими словами, автор вводит в языковую игру не только фразеологизмы, но и энантиономию отдельного слова.

К наиболее типичным случаям вариантности ФЕ можно отнести следующие: дистанцирование компонентов, изменение компонентного состава, двойная актуализация. Фонетические средства вариации ФЕ употребляются на порядок реже. При модификации фразеологизмы вступают между собой в отношения синонимии и антонимии, что еще раз подтверждает принцип системности фразеологии как отдельного языкового пласта. Пользователи Интернета создают новые фразеологизмы на основе пословиц и других фразеологизмов, а также на основе свободных сочетаний слов при описании реалий быта.

Изменения фразеологических единиц (как варианты, так и модификации) – явление, свидетельствующее о развитии языка как системы, подобно тому как изменчивость – важная характеристика биологических организмов. Необходимо создать корпус модификаций ФЕ для их основательного анализа и моделирования. Без этого невозможно повысить эффективность автоматического определения тональности текста, включающего ФЕ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 272 с.
2. *Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н.* Фразеология и паремиология: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 342 с.
3. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
4. *Большакова Е. И., Клышинский Э. С., Ландэ Д. В., Носков А. А., Пескова О. В., Ягунова Е. В.* Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие. – М.: МИЭМ, 2011. – 272 с.
5. *Волкова Н. Н.* Русская эмотивная фразеология в языке и тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 221 с.
6. *Гвоздарев Ю. А.* Основы русского фразеобразования: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов-на/Дон: Логос, 2010. – 246 с.
7. *Дронов П. С.* Лексико-синтаксические модификации идиом в русском и английском языках (учебный материал для студентов

- филологических и переводческих фак-тов) // «Лингвистика и методика преподавания иностранных языков». – 2012. – № 4. – С. 275–315.
8. *Иванов В. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.»: в 3 ч. – Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
 9. *Кустова Г. И.* Словарь русской идиоматики: сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>
 10. *Федуленкова Т. Н.* Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. Курс лекций. – М., 2012. – 220 с.
 11. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://phrasedictionary.info/Фразеологический_словарь/3891/Лаптем_щи_хлебать

УДК 81'34

Т. В. Медведева, М. В. Безбородова

Медведева Т. В., кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой фонетики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: teddyana@mail.ru

Безбородова М. В., кандидат филологических наук; доцент кафедры фонетики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: mvb87@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОВОРЯЩИХ НА БРИТАНСКИЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ

В последнее время в научной литературе зарубежные ученые нередко высказывают мнения о том, что Великобритания может потерять идентичность своего произносительного стандарта в результате значительного роста потоков иммигрантов (носителей иных культур). В данной статье мы предприняли попытку проанализировать обоснованность данного предположения. Результаты исследования показали, что иностранное население Великобритании не способно кардинально изменить существующую систему британского произносительного стандарта, поскольку иммигранты имеют небольшую долю вовлеченности лишь в процесс формирования новых произносительных вариантов английского языка.

Ключевые слова: этническая принадлежность; вариативность; произносительное нивелирование; иммигранты; британский произносительный стандарт (RP); кокни; Estuary English (EE); Multicultural London English; Jafaican; юго-восточный регион Англии; Лондон.

Medvedeva T. V.

Ph. D., professor, Head of the Department of Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: teddyana@mail.ru

Bezborodova M. V.

Ph. D., senior teacher, Department of Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: mvb87@rambler.ru

ETHNICITY AS THE SOURCE OF CHANGES WITHIN THE SYSTEM OF THE BRITISH PRONUNCIATION STANDARD

Latest findings suggest that RP may soon lose its language identity under the emerging number of the speakers having different ethnic backgrounds. The present article is an effort to provide insight into this assumption. The research results showed that non-Anglo speakers of the British Isles are incapable of changing the current RP system, as they play a fairly small role in the process emerging of the new English language varieties.

Key words: ethnicity; variation; levelling; immigrants; British pronunciation standard (RP); Cockney; Estuary English (EE); Multicultural London English; Jafaican; south-eastern England; London.

Процесс языкового взаимодействия, как правило, не происходит резко, а характеризуется плавностью протекания. Многие народности, за исключением, возможно, изолированно проживающих племенных народов, окружены людьми, которые общаются на других языках, отличных от их родного. Фактически во многих больших городах ситуация двуязычия, даже многоязычия является нормой. Любой постоянный контакт с говорящими на другом языке или диалекте может повлиять на речь индивида. В случае взаимодействия двух языков или диалектов, один из которых является социально и политически доминирующим, процесс приводит к исчезновению менее значимого языка или диалекта.

Наряду с повышением престижа английского языка его глобализация привела к тому, что в условиях демократизации «чистый» английский для многих иммигрантов уже является ничем иным как единственным средством общения. Только в Лондоне проживает более трехсот этнических сообществ, говорящих более чем на 100 языках. А среди всего населения Великобритании встречаются носители 40 основных языков мира и дополнительно 100 языков, не считая диалектов. Лингвистическая ситуация, таким образом, очень непростая: между собой некоренные жители Великобритании говорят на родном языке, с британцами и представителями других национальностей – на английском. При разных системах артикуляции, ритма, темпа этот «новый» английский звучит порой экзотично. Несмотря на свое предубеждение против любых иностранных языков, англичане вынуждены принимать их во внимание. Этот фактор способствовал снижению престижа британского произносительного стандарта (RP) – ведь самим англичанам тоже приходится общаться и достигать понимания с представителями других этнических сообществ.

По данным переписи населения, с 80-х гг. XX в. в Великобритании наблюдается тенденция к росту иммиграции. К 2008 г. число жителей иностранного происхождения на Британских островах выросло больше, чем в два раза (и составила 11 %) по сравнению с 1951 г., когда их доля в общей численности населения составляла 4,2 %. Наиболее заметный рост иностранного населения

в Великобритании наблюдается с 2004 г., когда произошло расширение Европейского Союза (ЕС). Среди иностранных граждан европейского происхождения наиболее значительную группу составили поляки и литовцы. Национальное статистическое управление после обнародования результатов переписи населения 27 марта 2011 г. в Англии и Уэльсе сделало вывод, что вторым после английского языка стал польский. И это неудивительно: британские эксперты отмечают, что мигранты из Центральной и Восточной Европы лучше интегрируются в британское общество, нежели представители народов Азии и Африки.

Индия в переписи 2011 г. по-прежнему остается первой по абсолютному числу мигрантов страной, опережая Польшу. Почти половину всего иностранного населения в Великобритании (11 %) составили уроженцы азиатских стран (5,3 %) – прежде всего Индии, Пакистана, Бангладеш и Китая, и чернокожее население с Карибских островов (2,6 %). Самыми распространенными языками этой группы иммигрантов являются языки Южной Азии: пенджаби, урду, бенгали, гуджарати, французский, арабский. Например, пенджаби распространен в городе Слау, гуджарати – в городе Лестере, китайский – в городе Манчестер [3].

Итак, после приведенных выше статистических данных можно сделать вывод о том, что такое многоязычие на Британских островах оказывает естественное влияние на произношение коренного населения. Оценим степень данного влияния на материале исследований зарубежных лингвистов.

Следствием возрастающей миграции и, соответственно, большей степени взаимодействия говорящих, может стать явление, которое лингвисты называют «диалектным нивелированием». Иными словами, распространение городских вариантов английского языка означает, что некоторые локальные диалекты исчезают и их заменяют более распространенные региональные варианты.

Наибольшее количество научных лингвистических исследований было проведено на материале речи лондонцев, так как Лондон с его пригородами признан самым полиэтничным и многоязычным регионом Великобритании. В столице все районы города, кроме Сити, Ричмонда и Хэверинга, по сведениям Офиса национальной статистики (ONS), представлены населением, говорящим на более чем 100 языках. Самым многоязычным являются районы

Лондона Хиллингдон (107 языков) и Ньюхэм (103 языка). В лондонском районе Барнет живет один человек, говорящий на языке карибских креолов, и один – на бексли, специфическом диалекте английского из Австралии. А еще в Барнете 58 человек владеют шотландским гаэльским, 33 человека – гаэльским языком острова Мэн и 629 человек – языком цыган. Самым польскоговорящим районом Лондона является Элинг, а франкоговорящим – район Кенсингтон с его знаменитым «Лицей Франсэз» [3].

Результаты исследования речи жителей Лондона, проведенного по инициативе Совета по экономическим и социальным исследованиям в Великобритании (ESRC), показали наличие растущего числа интернациональных вариантов английского языка. Для речи представителей разных этнических групп, говорящих на английском языке, характерны некоторые схожие произносительные черты [2].

Анализ гласных в речи молодых и пожилых носителей английского языка в Лондоне и его окрестностях, проведенное Дж. Уэллзом, доказывает, что о вариативности английского языка можно говорить только в том случае, когда жители имеют разную этническую принадлежность. Таким образом, межэтнические отношения являются источником инноваций в лондонском английском [7; 9].

Результаты анализа речи жителей Лондона – темнокожих выходцев с Карибских островов – показали, что все гласные переднего ряда (/i/, /e/, /æ/) являются открытыми, а характеристики гласных /æ/, /ʌ/ и /ʊ/ сходны с соответствующими гласными креольского языка. Многие произносительные черты говорящих заимствованы из ямайского английского: реализация /d/ вместо /ð/, монофтонгизация дифтонгов /əʊ/ и /eɪ/. Результаты анализа речи не коренных носителей английского языка (из Вест-Индии, Колумбии, Бангладеш и Кувейта), проживающих в северо-восточной части Лондона Хакни, показали, что гласный /ʊ/ оттянут назад в большей степени, чем в речи коренных англоговорящих (т. е. реализуется как более консервативный вариант) [7].

Еще в 1982 г. Дж. Уэллз отмечал, что говорящие на Ямайском английском (Jamaican) реализуют монофтонг /ʌ/ как огубленный гласный заднего ряда, а монофтонг /æ/ централизуется (типично для вест-индского английского) [9].

В исследовании изменений в лондонской системе дифтонгов, проведенном П. Керсвиллом, Э. Торгерсеном и С. Фокс в 2008 г., была обнаружена тенденция к монофтонгизации дифтонгов /eɪ, aɪ, əʊ и aʊ/ в речи представителей не англоговорящего населения и англоговорящих, регулярно общающихся между собой [4].

Исследование, проведенное британским социолингвистом Дж. Чешир, показало, что диалектное нивелирование, характерное для юго-восточного региона, может брать свое начало не только из лондонского региона. Социолингвистическое исследование двух районов Лондона – Хакни (часть Большого Лондона) и Хаверинг (окраина Лондона) – зафиксировало наличие лишь небольшого количества черт, распространившихся из центра Лондона на его окраины. Вместо этого были обнаружены инновации, в частности и на уровне произношения, лидерами которых стали представители этнических меньшинств мужского пола. Основные различия между иммигрантами и коренным населением были обнаружены в произнесении краткого гласного /ʌ/ и долгого гласного /u:/. В речи некоренного населения монофтонг /ʌ/ носит более открытый характер, а монофтонг /u:/ – закрытый и сильно продвинутый вперед. Данная реализация является маркером этнической принадлежности говорящего, и если носитель английского языка использует подобную реализацию в своей речи, можно сделать вывод о его тесном контакте с некоренным населением в данном регионе [2].

Города, недавно появившиеся на территории Великобритании, можно считать очагом произносительных инноваций. Жители различных регионов, говорящие на разных диалектах, переселились в основанные в XX в. города Корби, Питерборо и Милтон Кинз. В результате лингвисты обнаружили, что в этих городах возникли новые диалекты, что явилось результатом смешения черт двух или более диалектов. Любой регион, который принимает мигрантов, может ожидать подобная ситуация. Дэвид Британ нашел подтверждение скрещивания диалектов в регионе к северу от Кэмбриджа и западу от Нориджа. До XVII в. в этом месте было болото, соответственно люди, живущие на востоке и западе региона, очень мало контактировали. Когда болото осушили, люди стали чаще встречаться, и переселенцы с разных частей страны стали населять эту местность. В результате возник новый диалект, который подвергается влиянию обеих частей региона [1].

В Лондоне зафиксировано возникновение нового акцента (типа произношения) под названием Лондонский мультикультурный английский (Multicultural London English) или «афайканский» (“Jafaican”). Это социолект, появившийся в конце XX в., представляет собой смешение вкраплений из языков Карибского бассейна (языков Ямайки, Тринидада, Тобаго и др.), южноазиатских языков, афроамериканского английского и традиционного лондонского диалекта кокни [6].

Исходными носителями данного варианта являются представители рабочего класса, а также молодежь, живущая во Внутреннем и Внешнем Лондоне. Во Внешнем Лондоне социолект распространен в Бренте, Ньюхеме, Баркинге и Дагенхеме, Харинге и Энфилде. Отдельные его элементы широко распространились по всей южной Англии. Согласно исследованию, проведенному Лондонским университетом, лондонский мультикультурный английский в настоящее время постепенно вытесняет из Лондона диалект кокни.

Некоторые исследователи пришли к выводу, что молодые лондонцы используют элементы афайканского социолекта не с целью подражания речи темнокожего населения. Вероятно, молодежь, которая росла в Лондоне, подверглась влиянию не только тех людей, которые говорили на английском как на своем втором языке, так и тех, кто говорил на местном лондонском английском (кокни). В результате смешения этих двух вариантов языка и появилась новая разновидность – лондонский мультикультурный английский.

В настоящее время речь старшего поколения рабочего населения Лондона по звуковому рисунку больше напоминает диалект кокни. Однако в речи лондонской молодежи наблюдается больше черт лондонского мультикультурного английского, чем элементов, присущих кокни. Произношение молодых лондонцев почти не подвержено явлению диалектного выравнивания, которое характерно для таких регионов, как, например, Милтон-Кинз, Реддинг и Эшфорд. Таким образом, лондонский мультикультурный английский постепенно становится еще одним из многих диалектов Великобритании.

К особенностям лондонского мультикультурного английского можно отнести следующие черты:

– монофтонг /ʊ/ является гласным заднего ряда в речи большинства жителей Внутреннего Лондона. Данная особенность объединяет лондонский мультикультурный английский с карибским английским;

– скольжение дифтонга /əʊ/ является гласным заднего ряда у большинства населения Внутреннего Лондона обоего пола, а у девушек из Внешнего Лондона скольжение продвигается вперед;

– тот же дифтонг /əʊ/ превращается в монофтонг в речи представителей приезжих этнических групп (Афро-Карибы, Чёрные Африканцы) и мультиэтнических социальных сетей (в случае с белым населением);

– среди темнокожего населения Лондона распространена монофтонгизация дифтонга /aɪ/, а также его продвижение вперед. Данная особенность более характерна для Внутреннего Лондона, чем для периферии;

– как и дифтонг /aɪ/, дифтонг /eɪ/ монофтонгируется в речи цветного населения.

– во Внутреннем Лондоне дифтонг /aʊ/ принято произносить как долгий монофтонг /a:/. Темнокожее население (особенно девушки) может также произносить его как /aʊ/.

Некоторые особенности связывают лондонский мультикультурный английский с такими диалектами юго-восточной Англии, как Estuary English и кокни. Среди них:

– отсутствие гортанного согласного /h/ (H-dropping) в начале слов;

– экстремальное продвижение вперед монофтонга /u:/. Данное явление больше всего присуще иммигрантам и коренным лондонцам, имеющим контакт с иностранным населением;

– монофтонг /æ/ является гласным заднего ряда и имеет /a/-образный оттенок;

– монофтонг /ʌ/ является гласным заднего ряда и имеет оттенок гласного /a/;

– продвинутое вперед произнесение [ð] и [θ] (Th-fronting);

– равновидность продвижения вперед сочетания -th – его реализация как /t/ или /d/ (thing иногда произносят как [tɪŋ], а не как [fɪŋ]; this и that можно произнести как [dɪs] и [dæt]) [6; 10].

Дж. Чешир утверждает, что ряд фонологических инноваций в Лондоне, которые характерны для речи представителей разных

этнических групп, могут также являться частью лондонского мультикультурного английского. По мере роста численности говорящих на этом варианте английского языка растет количество его черт. По ее мнению, данный социолект считается этнически нейтральным [2].

Интересные исследования речи иммигрантов проводились и в других мегаполисах Великобритании. При исследовании речи представителей разных национальностей, проживающих в Бирмингеме, были обнаружены некоторые произносительные варианты, которые являлись маркером этнической принадлежности. Например, молодые люди – темнокожие выходцы из Пакистана и Карибских островов – использовали оттянутый назад и монофтонгизированный вариант дифтонгов /aɪ/ и /əʊ/, что также характерно для жителей лондонского региона. Молодые коренные британцы, в свою очередь, отдавали предпочтение несмещенному варианту произнесения данных дифтонгов (как следствие диалектного нивелирования) [5].

Британским лингвистом Э. Торгерсен был проведен перцептивный анализ речи некоренных англоговорящих в Бирмингеме, в ходе которого слушателям предстояло по речи информантов определить их происхождение и место проживания. Традиционно некоренные англоговорящие ассоциируются с большими городами, а коренные англичане – с традиционными произносительными чертами и «белыми» районами и городами. Аудиторы чаще относили речь представителей народов Африки к лондонскому региону, хотя они были жителями Бирмингема. На основании данного исследования можно сделать вывод о том, что при недостатке в речи знакомых произносительных черт говорящего сразу ассоциируют с жителем лондонского региона (мегаполиса). Речь белого населения чаще ассоциируется с жителями таких не многонациональных центров, как Бирмингем. Таким образом, все интернациональные черты в речи ничего не говорят о происхождении человека [8].

Можно привести еще один пример участия иммигрантов в формировании новых произносительных вариантов. В районе лондонского Ист-Энда Тауэр Хамлетс более половины школьников являются выходцами из Бангладеш. Лингвист Сью Фокс недавно обнаружила формирование нового диалекта среди юношей-

подростков. Вследствие лингвистического контакта между ранее не связанными сообществами выходцы из Бангладеш, подростки смешанного происхождения и белые сейчас являются носителями одного и того же диалекта [1].

Итак, вышеизложенная информация позволяет нам сделать вывод о том, что иностранное население в Великобритании оказывает некоторое влияние на процесс вариативности английского языка. Несмотря на растущую миграцию, доля иностранного населения на Британских островах остается довольно скромной (11 %). Следовательно, культуру и образ жизни данного населения нельзя назвать доминирующими. Подавляющая часть иммигрантов интегрируют в новое общество, усваивая его социальные и языковые нормы, а другая часть иностранного населения находится в тесном контакте друг с другом, не оказывая существенного влияния на язык коренных жителей Британских островов. Таким образом, этническая принадлежность не коренных жителей Британских островов оказывает минимальное влияние на систему британского произносительного стандарта. Скорее, большему воздействию подвергаются такие нестандартные варианты, как кокни и ЕЕ по причине тесного контакта иммигрантов с коренными жителями Великобритании – представителями низшего среднего и рабочего классов. Иностранное население Британских островов также не участвует в процессе нивелирования акцентов английского языка, однако является участником формирования новых произносительных вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. BBC voices [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bbc.co.uk/voices/yourvoice/language_contact2.shtml.
2. *Cheshire J., Fox S., Kerswill P., Torgersen E.* Ethnicity, friendship network and social practices as the motor of dialect change: linguistic innovation in London. *Sociolinguistica* 22. Special issue on Dialect Sociology, edited by Alexandra Lenz and Klaus J. Mattheier, 2008. – P. 1–23.
3. The Guardian. – URL: <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/interactive/2013/jan/30/languages-mapped-england-wales-census>.
4. *Kerswill P., Torgersen E.N., Fox S.* Reversing «drift»: Innovation and Diffusion in the London Diphthong System// *Language Variation and Change*. – Vol. 20. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – P. 451–491.

5. *Kerswill P., Khan A., Torgersen E.* Multicultural London English and linguistic innovation. Paper presented at Sociolinguistic Symposium 17, Free University of Amsterdam, 2008.
6. *Rushton S.* Estuary English – the pride of Kent – Columnists – Voices – The Independent. – URL: <http://www.independent.co.uk/voices/columnists/susie-rushton-estuary-english-ndash-the-pride-of-kent-2293831.html>.
7. *Torgersen E., Kerswill P., Fox S.* Ethnicity as a source of changes in the London vowel system // F. Hinskens (ed.). *Language Variation – European Perspectives: Selected Papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE3)*, Amsterdam, June 2005. – Amsterdam: Benjamins, 2006. – P. 249–263.
8. *Torgersen E.* A perceptual study of ethnicity and geographical location in London and Birmingham // P. Stoeckle, S. Hansen, T. Streck, and C. Schwartz (eds.). *Raumkonzepte*. – Freiburg: FRIAS, 2013. –
9. *Wells J. C.* *Accents of English*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1982. – 465 p.
10. Wikipedia. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Multicultural_London_English.

УДК: 81'27

М. В. Попова

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ;
e-mail: neunerin@gmail.com

РОЛЬ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОГО АКЦЕНТА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

В статье дан обзор ряда научных трудов и публицистических статей с целью подчеркнуть важность произносительных характеристик при определении социального статуса говорящего на основе его речевого поведения.

Ключевые слова: произносительный акцент; критерии социальной стратификации; разговорная речь; социальная дифференциация; социальная роль; социальный статус; языковая личность; социальная принадлежность; социокультурный уровень.

Popova M. V.

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities
and Applied Sciences, MSLU; e-mail: neunerin@gmail.com

THE ROLE OF PRONUNCIATION ACCENT IN DEFINING OF THE SPEAKER'S SOCIAL STATUS

The author calls to the reader's attention a survey of a number of works in the field stated and emphasizes the importance of pronunciation accent in establishing the speaker's social status having analyzed his speech behavior.

Key words: articulatory accent; social stratification criteria; colloquial speech; class-consciousness; social differentiation; social role; social status; speaker's socio-cultural education.

Целью данной статьи является попытка продемонстрировать значимость произносительного акцента при определении критериев выявления социальной принадлежности говорящего. Несмотря на повышенный интерес к вопросу о социальной стратификации в последние десятилетия, единого мнения об основополагающих критериях в определении социальной принадлежности на сегодняшний день не существует.

История социолингвистических изысканий восходит еще к XVII в., когда преподаватель университета в Испании, Гонсалло де Корреас, отметил в своих трудах неоднородность языка

в социальном плане: «Нужно отметить, что язык имеет, кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей» [4]. В XVIII в. на связь лингвистики и социологии обратили внимание французские философы-материалисты, такие как Дидро, Кондильяк, Ламетри. А. Антуан Мейе отмечал, что в данном языке, определяемом единством произношения и особенно единством грамматических форм, в действительности существует столько особых словарей, сколько имеется социальных групп, обладающих автономией в пределах общества, говорящего на этом языке [18]. Таким образом, идея о социальном делении языка появилась задолго до оформления социолингвистики как науки в XX в.

С течением времени представление об определяющих критериях социальной стратификации меняется. В XIX в. разрабатывались теории о роли экономического аспекта как основополагающего в социальном расслоении общества, где выделялись два основных социальных класса – буржуазия (собственники) и пролетариат (не имеющий собственности) [17].

В начале XX в. немецкий социолог Макс Вебер выдвинул свою теорию социальной стратификации, получившую широкое признание в западной социологии второй половины XX в. В 1960–1980 гг. ее активно противопоставляли марксистскому подходу. Вебер считал, что общество делится на так называемые страты, отличающиеся друг от друга не только по экономическому положению, как отмечал Маркс, но и по другим признакам. Вебер считал, что хотя неравномерность распределения богатства является источником неравенства, социальное неравенство к нему не сводится. Немаловажную роль, по мнению Вебера, играет также социальный престиж той страты, к которой люди принадлежат. В связи с этим он вводит понятие социального статуса группы как мерило ее престижности в сравнении с другими группами по показателям уважения, привилегий, стремления людей приблизиться к ней или стать ее частью. Еще одним отличительным фактором Вебер считал власть или «принадлежность к политической партии», т. е. возможность той или иной страты (и ее представителей)

влиять на решение жизненных проблем, используя политическую сферу [9].

В 30-е гг. XX в. американский социолингвист Уильям Уорнер установил, что высокий уровень богатства не гарантирует высокий социальный статус, престиж и всеобщее признание [23; 24]. Социальный статус (по Уорнеру) определяется такими характеристиками, как уровень образования, род занятий, величина состояния и доход, круг общения, привычки, манеры поведения и речи, и другими факторами [12; 23; 24]. Таким образом, экономический фактор или, другими словами, состоятельность человека уходит на второй план, уступая место личностным характеристикам – уровню образования и социальным институтам, частью которых он является.

Социализацию как основополагающий фактор социальной стратификации также позиционировал Бэзил Бернштайн, британский социолингвист, автор теории языковых кодов. В основе данной теории лежит идея о том, что именно семья как первичный социальный институт определяет усвоение и дальнейшее применение развернутого, характерного для семей среднего класса, или ограниченного кода, характерного для семей рабочего класса [10; 11]. Эта теория изначально была встречена восторженно, так как эксперимент, проведенный Бернштайном, доказывал его правоту. Эксперимент заключался в следующем: 2 группы детей в возрасте 5 лет, выходцы из рабочего класса и выходцы из среднего класса, должны были описать картинку. По результатам эксперимента первая группа (представители рабочего класса) использовала ограниченный набор контекстуально ориентированных лексических единиц, а именно – заменяла существительные личными местоимениями (т. е. для того чтобы понять, что именно описывает ребенок, экспериментатору необходимо было иметь картинку перед глазами), эллиптические конструкции, демонстрировала небогатый словарный запас. В описании были использованы предложения типа: «Они сидят там, он дает ей его, и он падает...». Вторая группа описывала предложенные картинки формально, подробно, демонстрировала контекстуально независимые лексические единицы, сложные предложения, демонстрировала более богатый словарный запас, используя полные именные формы и описывая картинку предложениями типа: «Мальчик и девочка сидят на поляне, мальчик протягивает девочке платок, который падает...» [10].

Бернштайн объяснял это копированием речи родителей, так как именно дома, в семье, ребенок учится улавливать контекстуальные различия и употреблять определенные лексические единицы при передаче информации. В понимании Бернштайна, именно речь как отражение уровня образования и воспитания является важнейшим показателем социального статуса.

В. Штайнинг в своей работе приводит четырехуровневую модель, позволяющую определить социальную принадлежность говорящего. Автор предлагает анализировать речь на семантико-стилистическом, тексто-стилистическом, паралингвистическом и речеповеденческом уровне и описывает следующие характеристики, влияющие на определение социального статуса человека: богатство словарного запаса, использование жаргона, грамматически корректное построение предложения, точность обозначения, скорость речи, паузирование, интонационная выразительность и др. [1; 20]. Данные характеристики во многом повторяют идею Бернштайна о речи как одном из основных сигналов социального статуса.

По мнению Уильяма Лабова, американского ученого, который считается одним из основателей социолингвистики, наиболее важными аспектами при определении принадлежности к социальной прослойке являются уровень образования, доход и семейное положение. Таким образом, в его теории сочетается экономический подход Маркса и социально ориентированные идеи Вебера и Бернштайна. Однако в своих исследованиях Лабов открывает новый важный критерий социальной стратификации – род деятельности или профессия, выводя критерий образованности в отдельный пункт, который не всегда влияет на социальную принадлежность. Лабов также полагал, что помимо прочего стоимость жилья имеет значение [16].

Британский социолингвист П. Традгилл среди наиболее важных критериев отмечает такие, как место рождения, уровень образования, уровень дохода, род деятельности информанта и его отца, место жительства и тип дома [13; 22]. Как мы видим из сравнительной таблицы, приведенной ниже, экономический и образовательный фактор снова переплетаются, но Традгилл, в отличие от Лабова, возвращает уровню образования его законное место среди критериев социальной стратификации и делает акцент

на экономическом факторе как на основополагающем, добавляя, в свою очередь, территориальную составляющую.

Таблица 1

Сравнительная таблица шкал профессиональных рангов

№	Шкала У. Лабова [16]	Шкала П. Традгилла [13; 22]
1	Специалисты умственного труда, менеджеры, чиновники или влиятельные государственные служащие и банковские работники (получающие жалование или обслуживающие свое собственное предприятие)	Профессиональные работники интеллектуального труда
2	Офисные служащие, секретари, продавцы и торговые представители	Менеджеры и работодатели
3	Ремесленники, бригадиры, старшие рабочие и начальники цехов, а также все, получающие жалование или обслуживающие свое собственное малое предприятие «белые / синие воротнички», владельцы маленьких магазинов	Любые другие работники умственного труда
4	Рабочие, станочники, механики, обслуживающий персонал, безработные (на постоянной основе)	Ремесленники, старшие рабочие, профессиональные работники физического труда
5		Обслуживающий персонал, полуквалифицированные рабочие и сельскохозяйственные работники
6		Неквалифицированные рабочие

Таким образом, для определения классовой принадлежности необходимо учитывать комплекс наиболее значимых взаимосвязанных критериев, в число которых входят: образованность коммуникантов и членов их семей наряду с профессиональной деятельностью, материальным положением, статусом места рождения и жительства, и, наконец, уровнем дохода.

Однако при изучении критериев социальной стратификации нельзя забывать и об особенностях речевого общения в разных социальных группах, в связи с чем всплывает понятие социальной роли, смена которой обуславливает изменение речевого

поведения: различие в выборе языковых средств, их взаимосочетаемости, интонационных моделей и произносительных звуковых вариантов. Социальные роли обусловлены как постоянными характеристиками человека: полом, возрастом, социальным положением, профессией и т. д., так и временными, которые зависят от ситуации. Социальная роль накладывает определенный отпечаток на характер взаимодействия коммуникантов. Вне всяких сомнений речевое поведение индивидуума в роли матери будет отличаться от речевого поведения данного индивидуума в роли директора фирмы и т. д. [2].

Однако одним из наиболее важных факторов, который часто является определяющим при отсутствии или недостатке информации об образовании, происхождении и роде деятельности человека, является его речь и фонетический аспект как ярчайшая неотъемлемая ее составляющая. Фонетические признаки – наиболее характерный показатель устной речи. Именно по ним можно определить пол, возраст, происхождение, а впоследствии и социальную принадлежность говорящего. Эту мысль подтверждают результаты исследования, проведенного в Англии, согласно которым в ответ на вопрос, что является самым важным при определении классовой принадлежности, большинство опрошенных ответили: «То, как люди говорят» [5].

В Великобритании, согласно работам Т.И. Шевченко, существует иерархия престижности акцента, которая насчитывает три уровня (в убывающем порядке):

1. RP (Received Pronunciation – британское нормативное произношение), шотландский, ирландский и некоторые иностранные акценты.
2. Британские региональные диалекты.
3. Акценты (социолекты) сообществ в крупных промышленных городах [6].

Эксперимент Питера Традгилла показал, что при общепринятой социальной значимости и престижности RP, лишь 3 % населения Великобритании используют британское нормативное произношение [21]. Информантов попросили оценить речь человека, говорившего с нормативным произношением, по двум шкалам: 1) социальная значимость и успешность; 2) личностные качества. Большинство опрошенных поставили высокие баллы при

оценке социального статуса и успешности, так как «RP является необходимым условием для получения командной должности в государственном управлении и делопроизводстве, в юриспруденции, финансовом деле, дипломатии, церкви, образовании и культуре, военном деле»¹. Однако в плане личностных качествах оценки были в основном негативные, потому что так называемый язык королевы ассоциируется у людей с богатыми властью имущими, не заслуживающими этого, иными словами – со снобами.

Такие видные деятели, как У. Лабов, С. Террел, У. Вольфрам, Р. Фасольд, Р. и В. МакДэвид изучали разные аспекта Black English (негритянского варианта американского английского) и установили, что негритянский вариант имеет более низкий престиж, чем американский вариант английского языка. На основе работ С. Террела, например, можно установить, что низкий социальный статус ассоциируется в Америке с особенностями произношения афроамериканского населения и определенных групп эмигрантов. А наиболее типичным признаком такого произношения является замена межзубного звука [ð] зубным [d]: [di:z] вместо [ði:z] [1; 7].

Ярким примером важности произносительного акцента при выявлении социального статуса служат также многочисленные художественные произведения, такие как пьеса Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион», экранизированная в 1974 г. под названием «Моя прекрасная леди», или «Воспитание Риты» Уилли Рассела, где главные героини страдают из-за своего произношения, которое выдает их происхождение и социальный статус, и вынуждены обучаться, чтобы повысить уровень жизни и, возможно, перейти на другую социальную ступень [7].

Социокультурный уровень говорящего неизменно влияет на речевое поведение индивида и проявляется как на сегментном, так и на супraseгментных уровнях. Особенно важны именно произносительные признаки, так как они проявляются в речи неосознанно, в отличие от выбора лексических единиц, который часто обусловлен социальной ролью. Кроме того, произносительные особенности являются объективным критерием оценки личности говорящего, так как проявляются даже при попытке сознательного контроля

¹Цит. по: [1, с. 53].

со стороны говорящего [1; 3]. Это хорошо видно на примере эксперимента, проведенного с участием американских студентов, которым предложили прочитать для записи известную сказку два раза: первый – без подготовки и каких-либо дополнительных условий, а второй – так, чтобы у слушателей возникло впечатление, что рассказчики являются представителями высшего общества. После прослушивания обоих вариантов эксперты определили социальный статус рассказчиков: в первом случае – с точностью до 85 %, а во втором – до 60 %, что свидетельствует о том, что произносительный акцент мало поддается контролю [1; 14]. Это также отмечает Т. И. Шевченко, утверждая, что усвоить нормативное британское произношение можно только до 11 лет в семье, которая относится к высшему обществу, или в закрытой частной школе (Итон, Регби или др.). Переучиваясь в зрелом возрасте, люди неизбежно допускают ошибки [1; 6].

Кроме того, контроль произношения может вызвать заметное снижение темпа речи и затруднение или даже нарушение речевого общения, как это наблюдается у обучающихся иностранному языку на начальном уровне.

Не менее важны интонационные особенности, а также совокупность характеристик голоса по тембру и высоте. По данным исследования, проведенного на материале английского языка, у образованного, интеллигентного и культурного человека «широкий мелодический диапазон голоса, тембр, однонаправленное использование средств мелодики и громкости с преимущественным использованием сильноначального контура интенсивности». Человек с низким социокультурным уровнем отличается ограниченным мелодическим диапазоном голоса, усилением уровня громкости и интенсивности как средства акцентуации, использование сильноконечного контура интенсивности или равновыделенности начала и конца контура [2; 5].

Л. Хармс отмечает, что именно интонационные особенности речи служат основным фактором при определении социальной принадлежности говорящего: при прослушивании аудиозаписи участникам эксперимента было достаточно 10–15 секунд, чтобы предположить, какой социальный статус имеет говорящий [1; 15]. Аналогичные результаты были получены Джорджем Н. Патнэмом

и Эдной О'Герн, которые записали примеры речи (длительностью – одна минута) 12-и человек, имеющих разный уровень образования и социальный статус (определенный по индексу Уорнера) и дали прослушать их 70-и студентам [1; 19].

Исходя из вышесказанного можно заключить, что наряду с такими факторами, влияющими на определение социальной принадлежности, как уровень образования и род деятельности (профессия) индивидуума, его семья и ближайшее окружение, само место жительства и его статус, уровень дохода и материальное благосостояние, важными и часто основополагающими являются произносительные характеристики, другими словами – произносительный акцент, который является наиболее объективным критерием при оценке социального статуса, так как практически не поддается контролю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
2. *Мороз Н.Ю.* К вопросу о создании «портрета» говорящего по его фонетическим характеристикам при обучении профессиональной коммуникации // Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам (социально-политический и экономический дискурсы). – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2011. – С. 196–203. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 8(614). Сер. Педагогические науки).
3. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с. – (Studia Philologica).
4. *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – С. 142–224.
5. *Шевченко Т.И.* Коммуникативные функции социальной вариативности интонации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 365 с.
6. *Шевченко Т.И.* Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.
7. *Шевченко Т.И.* Фонетика и фонология английского языка. – Дубна: Феникс+, 2011. – 256 с.
8. *Шевченко Т.И.* Фонологические категории как объект лингвокультурного анализа // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 188–200. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1(634). Сер. Языкознание).
9. *Bendix R.* Max Weber: An Intellectual Portrait. – US: University of California Press, 1977. – P. 85–87.

10. *Bernstein B.* Class, Codes and Control. – Vol. 1: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. – L.: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1971. – 280 p.
11. *Bernstein B.* Social Class Language and Socialization. Language and Social Context / Ed. by P. P. Giglioli. – L.: Cox & Wyman Ltd., 1972. – 400 p.
12. *Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N.* The Handbook of Language Variation and Change. – Oxford: Blackwell Publishers, 2002. – 807 p.
13. *Christopher J. P.* Putting philology back into Linguistics // *Hispanic Research Journal*. – Vol. 12.2 – L.: University of London, 2008. – P. 99–117.
14. *Ellis D. S.* Speech and Social Status in America // *Social Forces* 45. – 1967. – P. 431–437.
15. *Harms L. S.* Listener Judgements of Status Cues in Speech // *The Quarterly Journal of Speech* 47. – 1961. – No. 2. – P. 164–168.
16. *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 344 p.
17. *Marx K.* Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 / Translation from the German text: Milligan M. – US: Prometheus Books, 1988. – 243 p.
18. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique generale. – Paris, 1926. – 251 p.
19. *Putnam G. N., O'Hern E. M.* The Status Significance of an isolated urban dialect // *Language dissertation*. – No. 53 = *Language* Vol. 31. – No 4. – Part 2. – Pp. v. 32. – Baltimore: Linguistic Society of America at the Waverly Press, 1955 [issued 1956]. – P. 1–32.
20. *Steining W.* Soziolekt und soziale Rolle. – Düsseldorf: Schwann, 1976. – 299 S.
21. *Trudgill P.* Sociolinguistic Variation and Change. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 200 p.
22. *Trudgill P.* The Social Differentiation of People in Norwich. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – 211 p.
23. *Warner W. Lloyd, Paul S. Lunt.* The Social Life of a Modern Community – New Haven, CT: Yale University Press. – 460 p.
24. *Warner W. Lloyd,* Social Class in America: A manual of Procedure for the Measurement of Social Status. – Science Research Associates, 1949.

УДК 81'34

В. В. Потапов

доктор филологических наук, главный научный сотрудник НИР кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики факультета ГПН МГЛУ; ст. научный сотрудник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

АКЦЕНТОЛОГИЯ И УДАРЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИИ КОНЦЕПЦИИ ВЕРНЕРА ЛЕФЕЛЬДТА¹

В статье рассматривается концепция Вернера Лефельдта – известного немецкого слависта, специалиста в области фонетики, фонологии, прикладной лингвистики. Концепция строится на базе исследований словесного акцента и словесного ударения применительно к современному русскому языковому стандарту. Анализируются языковые знаковые модели: абстрактные и конкретные словоформы, уровень акцента и уровень ударения, язык и речь.

Ключевые слова: акцентология; конкретные и абстрактные словоформы; дихотомия; виды речевой деятельности; первичное и вторичное ударение; оппозиция; динамика.

Potapov V. V.

D. Sc., Principal Research Fellow, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

ACCENTUATION AND STRESS IN RUSSIAN IN CONCEPTION BY WERNER LEHFELDT

In this article is conception by Werner Lehfelddt discussed – well-known German specialist in the field of Slavic languages, phonetics, phonology and applied linguistics – regarding his researches on word accent and word stress for modern standard Russian. Some model signs are analysed: abstract and concrete word forms, accent level and stress level, language and speech.

Key words: accentuation; abstract and concrete word forms, dichotomy; kinds of speech activity; primary and secondary stress; opposition; dynamics.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 14-06-00363. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. К. Потапова.

RUSSISCHE AKZENTOLOGIE UND BETONUNG IN DER KONZEPTION VON WERNER LEHFELDT

In diesem Artikel wird die Konzeption von Werner Lehfeldt bezüglich seiner Untersuchungen des Wortakzents und der Wortbetonung im Standardrussischen besprochen. Es werden folgende Modellzeichen analysiert: abstrakte und konkrete Wortformen, Akzentebene und Betonungsebene, Sprache und Rede.

Stichwörter: Akzentologie; konkrete und abstrakte Wortformen; Dichotomie; Arten der Sprechfähigkeit; primäre und sekundäre Betonung; Opposition; Dynamik.

Werner Lehfeldts¹ Buch „Akzent und Betonung im Russischen“ (2. verb. und erw. Aufl.) [13] ist „dem ewigen Problem“ der rhythmischen Strukturierung der russischen Sprache (paradigmatisch) und der russischen gesprochenen Sprache (syntagmatisch), als der Grundlage des Funktionierens der Sprache, gewidmet.

In diesem Buch setzt er seine Untersuchung des Wortakzents und der Wortbetonung in der russischen Standardsprache fort, um den Versuch im Bereich der Theorie der russischen Akzentologie weiterzuentwickeln, in diese Problematik tiefer einzudringen und einige Aspekte der Interpretation einzelner Begriffe in diesem Bereich zu systematisieren.

Bei dem Vergleich des Inhalts dieses Buches mit dem Text früherer Auflagen (vgl. russische Auflage von Werner Lehfeldt [5]) ist festzustellen, dass der Autor neues Material eingeführt und dadurch seine eigene theoretische Konzeption weiterentwickelt hat („Exkurs: zur akzentologischen Konzeption Ferdinand de Saussures“ [13, S. 9–12]). Diese zusätzliche Information bildet die konzeptionelle Grundlage des Buches, weil die Konzeption des Autors mit der Konzeption Ferdinand de Saussures vollkommen zusammenfällt, was den Unterschied von zwei Phänomenen, Akzent und Betonung, anbetrifft. Mehrmals unterstreicht Lehfeldt, dass die Begriffe Akzent und Betonung keine Synonyme sind.

Seinem Standpunkt nach existieren zwei Arten von Phänomenen: Modellzeichen, die als abstrakte Wortformen betrachtet werden, und konkrete Wortformen, die in der gesprochenen Sprache aktualisiert

¹Werner Lehfeldt ist ein berühmter Linguist und Slawist, der schon im Laufe von vielen Jahren wesentliche Probleme im wissenschaftlichen Bereich der Akzentologie des Russischen untersucht.

werden. Unserer Meinung nach fällt diese Konzeption mit den psycholinguistischen Untersuchungsergebnissen zusammen. Es ist bekannt, dass im menschlichen Gedächtnis ein sogenanntes Inventar von abstrakten Akzentzeichenschemata existiert, die im Prozess der Redebildung im Redefluss ihre Wortformkorrelate haben. Dies definiert der Autor folgendermaßen: „Eine derartige konkret realisierte Hervorhebung nennen wir Betonung einer Wortform“ [13, S. 3]. Diese Konzeption fällt mit der Konzeption der russischen Linguisten (Phonetiker, Phonologen usw.) zusammen, die das sprachliche System (Paradigmatik) einerseits, und Variationsformen der Einheiten dieses Systems in der gesprochenen Sprache im Diskurs (Syntagmatik) andererseits, unterscheiden. Diese Dichotomie ist vor allem für den Unterricht „Russisch für Ausländer“ von besonderer Bedeutung¹.

Im Vorwort unterstreicht Lehfeldt, welche Aspekte im Text des Buches mit Hilfe seiner Kollegen (U. Schweier, P. Meyer, R. Hammel und G. Altmann) korrigiert und verbessert wurden. Dies zeugt von besonderem Wert, weil der Autor stets im schöpferischen Entwicklungsprozess ist und seine Untersuchungen mit Rücksicht auf die *Dynamik* des Verstehens fortsetzt. Er nimmt dabei besonderen Bezug auf das semiotische Wesen der sinnlich fassbaren und einprägsamen Zergliederung des Redeflusses.

Im Grunde genommen wird dieses Buch als konzeptuelle Vertiefung und Resultat des Umdenkens des Autors durch den Leser aufgefasst, was für die weitere Entwicklung der oben genannten Problematik von großer Bedeutung ist.

Im Buch von Lehfeldt werden die wichtigsten Probleme der Akzentologie des Russischen bezüglich der zwei Beschreibungsebenen von sprachlichem Material dargestellt: der Akzentebene und der Betonungsebene. Die Ebenen werden, in diesem Fall, als relativ abgeschlossene Teile des Sprachsystems, als Mittel der Untersuchung und Beschreibung der Sprache und Sprachelemente, definiert.

Die Dichotomie von „Sprache und Rede“ gibt dem Autor die Möglichkeit, Akzent als Phänomen der sprachlichen Norm und Betonung als Phänomen der gesprochenen Variationsformen zu betrachten. Dazu gehören solche Ausgangspunkte wie mentaler Text, schriftliches Textexemplar, schriftliches Textformular und konkretes

¹Als Beispiel für diesen Problemaspekt kann der folgende Internetkurs angeführt werden: <http://fonetica.philol.msu.ru>

mündliches Textexemplar [13, S. 19]. Die Beschreibung der russischen Akzent- und Betonungssysteme wird vom Autor mit Rücksicht auf die Systematisierung und Klassifizierung dieser Phänomene dargestellt. So wird versucht, eine vollständige Beschreibung des russischen Akzentologie- und Betonungssystems zu schaffen. Alle zu analysierenden Wortformen werden paradigmatisch und syntagmatisch beschrieben. Als Ergebnis werden verschiedene Akzentschemata erarbeitet und dargestellt.

Von großem Interesse ist die mathematische Bearbeitung des sprachlichen Materials (Intervalle der signifikanten Akzentvariabilität der Stichprobe, Wahrscheinlichkeitsgrößen, Quantile der Normalverteilung u.a.).

Es ist zu unterstreichen, dass die Benutzung mathematischer Verfahren für linguistische Untersuchungen besonders wertvoll ist, weil mit Hilfe dieses Instrumentariums genauere, sicherere und zuverlässigere Daten erhoben werden können.

Die Untersuchungen Leheldts, in denen mathematische Lösungsverfahren intensiv genutzt worden sind, waren in der russische Literatur, auf dem Gebiet der experimentellen Phonetik, bereits bekannt [8; 12].

Die oben erwähnte Arbeit Leheldts zeugt davon, dass er den mathematischen Apparat der Bearbeitung des experimentellen Materials beherrscht und nach der Genauigkeit der Ergebnisse strebt, die nicht nur in der Theorie der Linguistik, sondern auch in der angewandten Linguistik verwendet werden können.

Im Folgenden gehen wir noch auf die Thematik „Sekundärer Akzent und Sekundäre Betonung“ ein. Leheldts Konzeption wird durch das logische System der Definitionen und Beispiele begründet. Die Einteilung des sprachlichen Korpus in zwei Subsysteme der Wortformen mit einem (Haupt)Akzent und mit einem sekundären oder zusätzlichen Akzent [13, S. 118] scheint uns im Hinblick auf die Terminologie nicht besonders gelungen. Es ist bekannt, dass die Bezeichnungen „Hauptbetonung“ und „Nebenbetonung“ oder „Hauptakzent“ und „Nebenakzent“ in der Linguistik gebräuchlich sind. Das klassische Beispiel dafür ist das System der Akzentuierung und Betonungen im Deutschen, in dem die Nebenbetonungen durch eine Reihe von Abstufungen der nebenbetonten Silben charakterisiert werden.

Der Terminus „sekundärer Akzent“ ist hinsichtlich der Oppositionstheorie (nach N. S. Trubetzkoy [11]) mit dem Terminus

„primärer Akzent“ verbunden. Diese zwei Termini treten zueinander in Opposition auf. Diskursbedingt kann sowohl der eine als auch der andere Akzent markiert oder unmarkiert sein. Unserer Meinung nach handelt es sich in der Regel um private Oppositionen, die im System der Sprachakzentuierung vorkommen. Was die gesprochene Sprache anbetrifft, so können in diesem Fall andere Arten von Oppositionen auftreten.

Von diesem Standpunkt aus wäre es zweckmäßig, ein präziseres System zur Klassifizierung der Arten von Akzenten und Betonungen zu erarbeiten.

Ebenso wäre es wünschenswert, dieses Problem unter Berücksichtigung verschiedener Arten der Sprechfähigkeit (vorbereitetes / unvorbereitetes Lesen, vorbereitetes/unvorbereitetes bzw. spontanes, quasispontanes Sprechen) einerseits, und verschiedener funktionaler Redestile (z.B. öffentliche Rede, Konversation, Rezitation u.a.) andererseits, zu untersuchen.

Die Grundlage wäre in diesem Fall die experimentelle Analyse der gegenwärtigen russischen Sprache und genauer der gegenwärtigen russischen gesprochenen Sprache hinsichtlich Redebildung und Redegewohnheiten der muttersprachlichen Probanden. In den russischen Literaturquellen zu dieser Problematik gibt es eine Reihe von Beispielen, die als Norm betrachtet werden. Ein weiteres Ziel besteht darin, möglichst viele diskursive Faktoren zu berücksichtigen, um das Problem der Dichotomie „Hauptakzent“ und „Nebenakzent“, „primäre Betonung“ und „sekundäre Betonung“, „Grundbetonung“ und „Zusatzbetonung“ zu lösen.

Von großem Interesse ist zur Zeit die Klärung von Fragestellungen der sprachlichen und sprechsprachlichen Variantologie, welche für das Entstehen der sprachlichen und sprechsprachlichen Variationsformen des Russischen auf dem Gebiet der Korpuslinguistik (der Datenbasen) besonders wichtig ist. Bezüglich der literarischen Norm [1; 2] werden in der Regel drei wichtige Gruppen von Akzentvariationsformen unterschieden:

- normative (z.B. бАржа – баржА, йОгурт – йогУрт, сажЕнь – zusätzlich сАжень, творОг – zusätzlich твОрог);
- stilistische (z.B. клАдбище – zusätzlich (poet.) кладБИще, комБАйнер – umgangssprachlich комбайнЁр, тАНго – veraltet тангО);

– marginale (d.h. nicht normative und nicht stilistische, z. B. алкогОль – *АлкогОль¹, добЫча – *дОбыча, кваргАл – *квАртал, свЁлка – *свекЛА, кУхонный – *кухОнный).

Rückblickend kann die Entstehung der neuen Variationsformen (Akzent- und Betonung) und das Verschwinden der alten Akzent- und Betonungsvariationsformen bezüglich des Russischen auf das Ende des XX. bzw. den Anfang des XXI. Jahrhunderts festgelegt werden. Zur Zeit findet ein Umdenken in Bezug auf das russische Akzent- und Betonungssystem statt, welches mit der aktiven Bevölkerungsmigration innerhalb Russlands verbunden ist.

Lehfeldts Werk ist in sechs Kapitel unterteilt. Dem Leser wird die Möglichkeit gegeben, sich Schritt für Schritt in das Hauptproblem einzuarbeiten. Von diesem Standpunkt aus wäre es wünschenswert, den Paragraphen „Exkurs: Zur akzentologischen Konzeption Ferdinand de Saussures“ [13, S. 9–12] nicht in der Einleitung, sondern in einem selbstständigen Kapitel zu behandeln, in dem nicht nur dieses Material, sondern auch logische, philosophische u.a. Konzeptionen thematisiert werden.

Dazu möchten wir noch einige Arbeiten von Е. Курилович [4], П. С. Кузнецов [3], В. Я. Никонов [7], И. М. Логинова [6] und einige aktuellere Bücher von R. K. Potapova und V. V. Potapov [9; 14] empfehlen.

Zum Schluss möchten wir unterstreichen, dass Lehfeldts Monographie ein großer Beitrag zur Weiterentwicklung der sprachwissenschaftlichen Theorie bezüglich der Probleme Akzent und Betonung im Russischen ist.

Professor Werner Lehfeldt ist ein namhafter Vertreter der drei Wissenschaftsdisziplinen Phonetik, Phonologie und der angewandten Linguistik, welche ein breites Spektrum von Konzeptionen bieten. Wir hoffen, dass die in diesem Buch beschriebenen Verfahren und Ergebnisse vom Autor mit Erfolg fortgesetzt und weiter bearbeitet werden. Davon zeugt seine Absicht, die Beschäftigung mit Problemen der Akzentologie im Laufe seines Lebens fortzusetzen, um das Wesen dieses Phänomens möglichst vielseitig zu erforschen.

¹ die mit Asterix (*) gekennzeichneten Formen sind falsch hinsichtlich der Akzentsetzung

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Аванесов Р. И.* Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии // *Русская речь*. – 1981. – № 3. – С. 38–43.
2. *Иванова Т. Ф., Черкасова Т. А.* Русская речь в эфире. Комплексный справочник. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 2002. – 346 с.
3. *Кузнецов П. С.* К вопросу о фонологии ударения // *А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия*. – М.: Наука, 1970. – С. 360–367.
4. *Курилович Е.* Система русского ударения // *Е. Курилович. Очерки по лингвистике*. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 436–444.
5. *Лефельдт В.* Акцент и ударение в современном русском языке. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 288 с.
6. *Логинова И. М.* Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение). – М.: Изд-во РУДН, 1992. – 160 с.
7. *Никонов В. Я.* Место ударения в русском языке // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. – 1963. – V. I. – P. 1–8.
8. *Потапова Р. К.* Лингвистические ограничения и сегментация слитной речи // *Проблемы построения систем понимания речи* / отв. ред. Г. И. Цемель, В. Н. Сорокин. – М.: Наука, 1980. – С. 18–30.
9. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
10. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике / пер. с фр. – М.: Прогресс, 2001. – 274 с.
11. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии / пер. с нем. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.
12. *Lehfeldt W.* Ein Algorithmus zur automatischen Silbentrennung // *Phonetica* 24. – 1971. – S. 212–237.
13. *Lehfeldt W.* Akzent und Betonung im Russischen. 2., verb. und erw. Aufl. – München–Berlin–Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2012. – 174 S.
14. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.

Сетевое электронное научное издание

**ВЕСТНИК МГЛУ. ВЫПУСК 15 (726)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

*Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 19.06.2015 г.
Объем 11,1 п. л. Формат 60х90/16
Заказ № 1317

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru